

Библиотека Всемирной Литературы

Энн Бронте

Незнакомка из Уайлдфелл-Холла
Агнес Грей

Библиотека всемирной литературы (Эксмо)

Энн Бронте

**Незнакомка из Уайлдфелл-
Холла. Агнес Грей**

«ЭКСМО»

1847, 1848

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Бронте Э.

Незнакомка из Уайлдфелл-Холла. Агнес Грей / Э. Бронте —
«Эксмо», 1847, 1848 — (Библиотека всемирной литературы
(Эксмо))

ISBN 978-5-04-109010-4

Энн, младшая из трех сестер Бронте, умерла в 29 лет, успев написать лишь два романа. «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» – самый смелый роман своего времени. В нем с невероятной дерзостью поставлен вопрос о положении женщины в семье. Нужно ли ради ребенка терпеть жизнь с домашним тираном? Можно ли найти силы уйти от мужчины, который деградирует от алкоголизма? И возможно ли, наконец, испытать выстраданное счастье? «Агнес Грей» написана в популярном жанре середины XIX века – роман о гувернантке. История, в которой сбываются мечты, терпение и добродетель вознаграждаются, во многом автобиографична.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-109010-4

© Бронте Э., 1847, 1848

© Эксмо, 1847, 1848

Содержание

Незнакомка из Уайлдфелл-Холла	6
Глава I	7
Глава II	13
Глава III	16
Глава IV	21
Глава V	26
Глава VI	29
Глава VII	34
Глава VIII	40
Глава IX	43
Глава X	50
Глава XI	53
Глава XII	56
Глава XIII	62
Глава XIV	65
Глава XV	69
Глава XVI	74
Глава XVII	82
Глава XVIII	87
Глава XIX	94
Глава XX	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Энн Бронте

Незнакомка из Уайлдфелл-Холла

Агнес Грей

Anne Brontë
THE TENANT OF WILDFELL HALL
AGNES GREY

Серия «Библиотека всемирной литературы»

Перевод с английского И. Гуровой
Оформление серии А. Бондаренко
Оформление суперобложки Н. Ярусовой

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ художников Фредерика Лейтона, Джозефа Шипли и Франца Ксавьера Винтерхальтера

© Гурова И., перевод на русский язык. Наследник, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Незнакомка из Уайлдфелл-Холла

Дж. Холфорду, эсквайру.

Дорогой Холфорд!

Когда мы виделись в последний раз, я с величайшим интересом слушал твой рассказ о наиболее примечательных событиях твоей юности, о днях, предшествовавших нашему знакомству. Потом ты пожелал в свою очередь услышать мою повесть, но я в ту минуту не хотел предаваться воспоминаниям и уклонился под не слишком убедительным предложением, будто ничего примечательного в моей молодости не произошло. Однако мои неуклюжие извинения ты не принял, и, хотя тотчас переменял разговор, заметить, как глубоко ты обижен, было нетрудно – на твое лицо словно легло темное облако, которое не рассеялось даже при нашем прощании, а возможно, омрачает его и доселе. Ведь все твои письма с тех пор отличает меланхоличная и суховатая сдержанность, которая больно бы меня ранила, подтверди моя совесть, что я ее заслужил.

Не стыдно ли тебе, старина, – в твоём-то возрасте, после стольких лет горячей дружбы, когда я уже дал тебе столько доказательств своей искренности, своего доверия и нисколько не принимал к сердцу твою молчаливость и некоторую замкнутость? А в них-то, видимо, и вся суть. По природе ты не склонен открывать душу другим, и с твоей точки зрения, разумеется, в тот достопамятный день ты во имя дружбы совершил истинный подвиг (уже, вероятно, поклявшись, больше никогда ничего подобного себе не позволять), а потому был вправе ожидать, что за столь великую милость я тотчас без малейших колебаний отплачу тебе такой же исповедью.

Впрочем, я взялся за перо не для того, чтобы упрекать тебя, оправдываться или просить прощения за прошлые обиды, но для того, чтобы искупить их, если ты позволишь.

За окном моросит докучливый дождь, семейство мое уехало в гости, а я сижу один в библиотеке, перебираю пожелтевшие письма и некоторые другие старые бумаги, вспоминаю былые дни – и чувствую, что теперь совершенно готов развлечь тебя повествованием о давних временах. Сняв поджарившиеся стопы свои с каминной решетки, я придвинул к письменному столу и, dokonчив эти строки, обращенные к моему суровому старому другу, намерен кратко – нет-нет, не кратко, но с величайшей полнотой! – ознакомить его со всеми подробностями самого важного события в моей жизни (то есть до моего знакомства с Джеком Холфордом). А после этого обвиняй меня в неблагодарности и недружеской скрытности, если у тебя достанет духа!

Я знаю, ты любишь длинные истории и не менее моей покойной бабушки придирчив к точности самых пустячных обстоятельств и любых мелочей, а потому не жди пощады: я буду соизмерять размеры этой повести лишь с собственным терпением и досугом.

Среди упомянутых мною бумаг покоится старый выцветший мой дневник, который послужит тебе ручательством, что, воспроизводя давние происшествия, я полагаюсь не только на свою память, какой бы цепкой она ни была, и ничуть не намерен злоупотреблять твоим доверием к моей добросовестности. Итак, я сразу же приступаю к первой главе, ибо глав этих будет еще много.

Глава I

Нежданная новость

Ты должен вернуться со мной к осенним дням 1827 года.

Мой отец, как тебе известно, был владельцем фермы в ...шире и, хотя по рождению джентльмен, посвятил себя земледелию. Покорствуя его настойчивому желанию, я стал его преемником на этом поприще, хотя и не слишком охотно, ибо честолюбие призывало меня к более высоким свершениям, а самоуверенность нашептывала, что, не прислушиваясь к его голосу, я зарываю свой талант в землю и прячу свой светильник под спудом. Матушка тоже всячески убеждала меня, что я способен подняться очень высоко. Однако отец, свято веривший, что честолюбие – наиболее прямой путь к гибели, а перемены ни к чему хорошему не приводят, не желал ничего слушать о том, как я мог бы сделать более счастливым свой жребий или жребий других смертных. Все это вздор, говорил он и с последним вздохом заклинал меня следовать по доброму старому обычаю его путем, как он следовал путем своего отца, не ставить себе целей выше, чем честно прожить жизнь, не косясь ни вправо, ни влево, и оставить родовую землю моим детям по меньшей мере в том же цветущем состоянии, в каком он передает ее мне.

«Ну, что же! – решил я. – Честный и трудолюбивый земледелец принадлежит к наиболее полезным членам общества, и я, употребив свои таланты на содержание моей фермы в образцовом порядке и общее улучшение способов ведения сельского хозяйства, тем самым принесу пользу не только моим чадам и домочадцам, но в какой-то степени и всему человечеству, а следовательно, не растрату жизнь попусту!»

Примерно такими мыслями я утешался, возвращаясь домой с поля в очень пасмурный, холодный и сырой вечер на исходе октября. Однако теплые отблески огня, игравшие на стеклах окна нашей гостиной, ободрили и устыдили меня куда больше всех философских выводов и решений, к каким я понуждал себя. Не забудь, ведь я тогда был очень молод – и в свои двадцать пять лет еще далеко не обрел нынешнего моего умения владеть собой, пусть оно и теперь не так уж велико.

Однако, прежде чем вступить в приют блаженства, я должен был сменить облепленные глиной сапоги на чистые башмаки, сюртук из грубого сукна на более презентабельный, и вообще привести себя в благопристойный вид – матушка, несмотря на всю свою доброту, кое в чем была неумолимо строга.

Поднимаясь к себе в спальню, я столкнулся на лестнице с бойкой миловидной девятнадцатилетней девушкой, в меру пухленькой, круглолицей, с румяными щеками, пышными глянцевитыми локонами и веселыми карими глазками. Мне незачем объяснять тебе, что то была моя сестрица Роза. Я знаю, что она и теперь, став почтенной матроной, сохраняет приятность облика, а в твоих глазах, полагаю, остается такой же прелестной, как в счастливые дни, когда ты впервые узрел ее. Но в ту минуту я пребывал в полном неведении, что несколько лет спустя она отдаст свою руку и сердце пока еще совершенно мне незнакомому человеку, хотя ему и суждено стать мне другом даже более близким, чем она сама и чем невоспитанный семнадцатилетний увалень, чуть не сбивший меня с ног, когда я спускался, и покаранный звонким подзатыльником, который, впрочем, не нанес ни малейшего ущерба его мыслительным способностям, ибо мозг его защищала не только особо толстая черепная кость, но еще и шапка коротких рыжих кудрей – впрочем, матушка предпочитала называть их золотисто-каштановыми.

Эта почтенная дама сидела в гостиной у камина в своем кресле и вязала – обычное ее занятие, когда она отдыхала от других хлопот. Ожидая нас, она собственноручно выгребла золу из камина и растопила его. Служанка как раз внесла поднос с чайником, а Роза достала

сахарницу и чайницу из темного дубового шкафчика, который блестел в уютном свете камина, точно был сделан из полированного черного дерева.

– А, вот и они оба! – воскликнула матушка, оборачиваясь к нам, но ее гибкие пальцы и сверкающие спицы ни на миг не прервали свое движение. – Закройте-ка дверь и присаживайтесь к огню. Уж, наверное, вы голодны как волки. Но пока Роза заварит чай, расскажите мне, чем вы сегодня занимались. Я люблю знать про своих детей все.

– Ну, я объезжал серого жеребчика – он очень норовистый, отдавал распоряжения, как распахать стерню, – у работника без меня не достало ума самому сообразить, что надо сделать, и намечал, где следует выкопать канавы, чтобы осушить заболоченный луг.

– Узнаю своего трудолюбивого сына! Фергес, а ты что подделывал?

– Барсука травил.

И он во всех подробностях поведал о перипетиях этого благородного развлечения, воздав должное и барсуку, и собакам. Матушка делала вид, будто слушает его с глубочайшим интересом, и смотрела на его оживленную физиономию с материнской гордостью, хотя, на мой взгляд, особых причин для гордости тут не было.

– Пора бы тебе взяться за ум, Фергес, – заметил я, едва он на секунду умолк, переводя дух.

– А что ты прикажешь мне делать? – возразил он. – Маменька не позволяет мне стать моряком и в армию тоже не пускает. А ни на что другое я не согласен, и раз так, буду бить баклуши и допекать вас, пока вы на что угодно не согласитесь, лишь бы от меня избавиться.

Наша родительница нежно погладила крутые завитки его волос. Он заворчал на нее и надулся, но тут Роза в третий раз позвала нас к столу, и мы наконец ее услышали.

– Пейте чай, – заявила она, – а я тем временем расскажу, что сегодня делала я. Ходила в гости к Уилсонам, и, Гилберт, какая жалость, что ты не пошел со мной! Там ведь была Элиза Миллуорд.

– Ну и что?

– Да ничего. Я больше ни словечка про нее не скажу – вот тебе! Только она такая миленькая, такая веселая, когда в хорошем настроении, и, по-моему, она просто...

– Тс-с, деточка! Твой брат ни о чем таком и не думает! – прошептала матушка, предостерегающе подняв палец.

– Я просто хотела рассказать вам новость, которую услышала у Уилсонов, – продолжала Роза. – Ни за что не догадаетесь! Помните, месяц назад поговаривали, что Уайлдфелл-Холл кому-то сдают? Так что же вы думаете? Там уже неделю как живут, а никто ничего не знал!

– Не может быть! – воскликнула матушка.

– Чушь какая! – фыркнул Фергес.

– А вот и нет! Там поселилась дама, и, говорят, одинокая!

– Как же так, милочка? Дом ведь совсем развалился.

– Ну, для нее обновили две-три комнаты, и она живет совсем одна, только со старухой служанкой.

– Какая жалость! Служанка! А я-то уж подумал, не ведьма ли она! – пожаловался Фергес, густо намазывая маслом толстый ломоть хлеба.

– Фергес, какой вздор ты выдумываешь!

– Но, мама, это ведь очень странно, правда?

– Еще бы! Я просто поверить не могу.

– Нет уж, пожалуйста, поверь! Джейн Уилсон была у нее сама. Миссис Уилсон взяла ее с собой и отправилась туда с визитом – она ведь едва услышала, что там кто-то поселился, просто места себе не находила, так ей хотелось все разнюхать и разузнать. Зовут ее миссис Грэхем, и она носит траур – но не глубокий, не вдовий, а сама еще молодая – лет двадцати шести, не больше, но ужасно, ужасно сдержанная! Они по-всякому старались вывести, кто она такая и

откуда приехала. Миссис Уилсон, уж конечно, дала волю своей назойливости и сыпала самыми неделикатными вопросами, а мисс Уилсон пускала в ход всякие обходные маневры, но им так и не удалось удовлетворить своего любопытства. Они не добились от нее ни единого ответа, ни единой оговорки, даже ни единого словечка, которые бросили бы хоть малейший свет на ее прошлую историю, нынешнее положение или круг знакомых. К тому же держалась она с ними очень нелюбезно и «прошайте» сказала куда с большим удовольствием, чем «здравствуйте»! Но Элиза Миллуорд объявила, что ее папенька намерен вскоре побывать у нее и предложить ей пастырские советы, которые, как он опасается, должны оказаться далеко не лишними: ведь она, хотя приехала в самом начале недели, в воскресенье в церкви не была. И она – то есть Элиза – уприсит его взять ее с собой и, разумеется, уж что-нибудь от нее да узнает! Ты же знаешь, Гилберт, она всегда добивается того, чего хочет. Мама, и мы тоже должны нанести ей визит! Это ведь только вежливо будет.

– Ну конечно, милочка! Бедняжка! Как ей, должно быть, одиноко!

– Ах, прошу вас, поторопитесь! И непременно-непременно расскажите мне, сколько сахара она кладет в чай, какие чепчики и передники носит, и все-все! Я просто не понимаю, как я буду жить, пока не узнаю! – с глубочайшей серьезностью произнес Фергес.

Но если он намеревался блеснуть остроумием, то потерпел горькую неудачу, потому что никто даже не улыбнулся. Впрочем, его это ничуть не охладило: не успел он набить рот хлебом с маслом и поднести к губам чашку, как с такой живостью представил себе столь комичное положение, что вынужден был, давясь, выскочить из-за стола и выбежать в сад, откуда тотчас донеслись мучительные всхлипывания и кашель.

Я же молча утолял голод ветчиной, жареным хлебом и чаем, а моя матушка и сестрица продолжали обсуждать вероятную – или невероятную – историю таинственной незнакомки. Однако должен признаться, что злоключение моего братца послужило мне хорошим предупреждением, и раза два я ставил чашку на стол, даже не пригубив ее содержимое, из опасения уронить свое достоинство, предавшись, как и он, неудержимому веселью.

На следующий же день матушка и Роза поспешили навестить прекрасную отшельницу, но вернулись, ничего не узнав, хотя, по словам матушки, она ничуть не жалела, что побывала в Уайлдфелл-Холле: ведь если не для них с Розой, так для миссис Грэхем их визит оказался не без пользы – она льстит себя мыслью, что дала той немало полезных советов, и только надеется, что они не пропадут втуне. Миссис Грэхем, хотя больше отмалчивается, а о себе, видимо, очень высокого мнения, тем не менее как будто доступна доводам рассудка. Но только, право, непонятно, где бедняжка жила раньше и о чем думала – настолько невежественна она во многих отношениях, причем даже не стыдится своего невежества!

– В каких же это, мама? – спросил я.

– Да во всех домашних делах и кулинарных тонкостях, которые любая хорошая хозяйка должна знать назубок, пусть даже у нее для всего есть прислуга. Я сумела вывести ее из кое-каких заблуждений, а также сообщила очень хорошие рецепты разных блюд. Правда, она их совершенно не оценила и только просила меня не затрудняться, мол, жизнь она ведет такую простую и скромную, что они ей вряд ли когда-нибудь пригодятся. «Что вы, моя дорогая! – ответила я. – Это необходимо знать каждой уважающей себя женщине. К тому же если вы сейчас и одиноки, так будет не всегда. Вы ведь были замужем и, вероятно, нет, даже непременно, снова вступите в брак!» Тут она напустила на себя высокомерие и ответила: «Нет, сударыня, вы заблуждаетесь. Этого никогда не будет!» Но я ей ответила, что о таких вещах мне лучше судить.

– Наверное, какая-нибудь романтическая молодая вдовушка, – заметил я. – Поселилась здесь, чтобы провести остаток дней в строгом уединении, неутешно оплакивая незабвенного усопшего. Но долго это не продлится.

– И я так думаю, – вставила Роза. – Только особой неутешности в ней и сейчас незаметно. И она очень хорошенькая, если не сказать, красавица. Ты обязательно должен ее увидеть, Гилберт! Уж конечно, ты найдешь ее красоту идеальной, хотя вряд ли решишься утверждать, что между ней и Элизой Миллуорд есть хоть какое-то сходство.

– Что же, я без труда могу вообразить лица куда более красивые, чем лицо Элизы, – но не более очаровательные. Согласен, что у нее нет права считаться безупречно красивой, но, с другой стороны, более совершенные черты лишь сделали бы ее менее интересной.

– То есть ты предпочитаешь ее недостатки совершенству других?

– Вот именно, не при маме будь сказано.

– Ах, милый Гилберт, ну какой вздор ты говоришь! Я же знаю, ты не серьезно. Об этом ведь и речи быть не может! – воскликнула матушка и торопливо вышла из комнаты, сославшись на какие-то домашние дела, а на самом деле для того, чтобы не слушать возражений, которые уже были готовы сорваться у меня с языка.

Роза затем принялась сообщать мне еще массу всяких подробностей, касавшихся миссис Грэхем. Ее внешность, манеры, туалет и даже меблировка ее гостиной были описаны с живостью и наглядностью, без которых я вполне мог бы обойтись. Впрочем, слушал я настолько невнимательно, что не сумел бы повторить ни единой фразы из этого описания, даже если бы хотел.

Это было в пятницу, а утром в воскресенье все гадали, пошли ли прекрасной незнакомке на пользу нравоучения священника и увидим ли мы ее в церкви. Признаюсь, и я с некоторым интересом посмотрел на семейную скамью бывших обитателей Уайлдфелл-Холла, поблекшая алая обивка и подушки которой не чистились и не обновлялись уже многие и многие годы, как и угрюмые гербы над ней в мрачных венках из порыжелых траурных лент.

И там я увидел высокую изящную даму в черном. Лицо ее было повернуто ко мне, и что-то в нем заставило меня взглянуть на нее еще раз. Его обрамляли длинные иссиня-черные локоны – прическа в те дни довольно необычная, но всегда прелестная и удивительно ей шедшая. Матовая бледность придавала ему особую нежность. Я не рассмотрел ее глаз, так как они были устремлены на страницу молитвенника, но увидел лишь длинные черные ресницы, опущавшие опущенные веки. Тонко очерченные брови казались выразительными, высокий лоб и орлиный нос были безупречны, как и остальные ее черты. Только щеки выглядели чуть впалыми, а красивые губы сжимались слишком строго, свидетельствуя, как мне подумалось, о характере, не отличающемся ни особой мягкостью, ни приветливостью, и я сказал себе: «Нет, прекрасная дама, любоваться вами издали – жребий более завидный, чем делить с вами кров!»

В это мгновение она подняла глаза, и наши взгляды встретились. Я не счел нужным ответить свой, и ее вновь обратился на молитвенник, но с выражением тихого презрения, которое почему-то меня больно задело. «А! Видно, она сочла меня дерзким мальчишкой, – подумал я. – Ну что же, придется ей скоро переменить свое мнение, если мне этого захочется!»

Тут я вдруг почувствовал, насколько подобные мысли неуместны в церкви, да и мое поведение оставляло желать лучшего. Однако, прежде чем сосредоточиться на службе, я обвел взглядом церковь, проверяя, не следит ли кто-нибудь за мной. Я мог бы не беспокоиться! Лишь некоторые устремляли глаза на молитвенники, остальные же не спускали их с незнакомки в черном – в том числе моя добрая матушка, сестрица Роза, миссис Уилсон с дочерью и даже Элиза Миллуорд, которая очень осторожно косилась на предмет общего внимания. Затем она поглядела на меня, кокетливо смутилась, порозовела и чинно уставилась в молитвенник, пытаясь придать лицу благочестивое выражение.

Тут я вновь согрешил, о чем мне тотчас напомнил локоть моего неугомонного братца, довольно болезненно стукнувший меня в ребра. Достойное отмщение за подобную дерзость могло его настичь только за стенами церкви, и пока я ограничился тем, что наступил ему на ногу.

А теперь, Холфорд, перед тем как закончить это письмо, мне следует в двух словах рассказать тебе про Элизу Миллуорд. Она была младшей дочерью приходского священника, обворожительной малюткой, к которой я питал большую слабость – о чем она прекрасно знала, хотя я не только прямо с ней не объяснился, но, пожалуй, и не собирался этого делать, так как матушка, утверждавшая, что на двадцать миль вокруг нет ни единой достойной меня невесты, не потерпела бы, чтобы я женился на фитюльке, у которой, не говоря уж о прочих многочисленных недостатках, за душой нет и двадцати фунтов! Элиза была миниатюрна, но очень хорошо сложена. Личико почти такое же круглое, как у моей сестры, с румянцем не таким ярким и здоровым, зато более нежным, носик чуть вздернут, черты довольно неправильные. Пожалуй, ты не счел бы ее даже хорошенькой, и все же признал бы очаровательной! А ее глаза! Нет, я о них не забыл – ведь в них-то и заключался главный секрет ее обаяния: миндалевидные, темно-карие, почти черные, они постоянно меняли свое выражение, но в нем всегда было что-то либо почти... я чуть было не написал «дьявольски» лукавое, либо неотразимо обворожительное, а часто и то и другое. Голос приятный, детский, походка легкая и бесшумная, как у кошки, хотя манера держаться больше напоминала прелестного шаловливого котенка, который то весело проказничает, то чинно свертывается клубочком.

Ее сестра Мэри была на несколько лет ее старше, на несколько дюймов выше и более плотного, крупного сложения. Эта некрасивая, тихая, разумная девушка преданно ухаживала за их матерью на протяжении ее последней долгой и тяжелой болезни, а с тех пор и по день, с которого начинается мой рассказ, вела дом, как покорная и безропотная семейная рабыня. Отец с благодарностью полагался на нее, все окрестные собаки, кошки, ребятишки и бедняки любили ее и радовались ей, остальные же обитатели наших мест смотрели на нее сверху вниз или вовсе не замечали.

Сам преподобный Майкл Миллуорд был высоким дородным пожилым джентльменом, затенял черной широкополой шляпой крупное квадратное лицо с грубыми чертами, ходил с толстой тростью и облекал все еще сильные ноги в короткие панталоны и гетры (последние в торжественных случаях заменялись черными шелковыми чулками). Он обладал твердокаменными принципами, закоренелыми предрассудками и правильными привычками, не терпел ни малейшего несогласия как с догматами своей веры, так и с собственными взглядами в твердом убеждении, что его мнения всегда сама истина, те же, кто смеет их оспаривать, либо прискорбно невежественны, либо упрямо закрывают глаза на правду.

В детстве я испытывал к нему почтительное благоговение, которое преодолел лишь совсем недавно. Он бывал отечески добр с теми, кто вел себя чинно, но самым суровым образом наказывал наши детские проступки и шалости. К тому же, когда он заходил к нашим родителям, мы должны были стоять перед ним по струнке и отвечать на вопросы из катехизиса, или читать наизусть «Хлопотунья-пчелка малая» и другие благочестивые нравоучительные стишки, или же – самое страшное – назвать текст его последней проповеди и главные ее положения, которые мы никогда не запоминали. Порой преподобный джентльмен пенял моей матушке за склонность баловать сыновей, ссылаясь на старика Илию, Давида и Авессалома, что ее особенно задевало. Как ни почитала она его самого и все его наставления, однажды у нее при мне вырвалось невольное восклицание: «Ну почему у него нет собственного сына! Тогда бы он меньше допекал советами других людей и знал бы, каково это держать в узде двух мальчишек!»

Он похвально заботился о своем телесном здоровье, рано ложился, рано вставал, непременно гулял перед завтраком, одевался тепло, опасался сырости, ни разу не приступал к чтению проповеди, не проглотив сырое яйцо, хотя обладал отличными легкими и могучим голосом, весьма взыскательно относился к тому, что ел и пил, но воздержанностью отнюдь не отличался и, как во всем другом, считал собственные вкусы полезными для всех. Так, презирая чай, который именовал грязной водицей, он предпочитал ему напитки из солода, любил яичницу с грудинкой, ветчину, говядину и другую столь же тяжелую еду, с которой его желудок отлично

справлялся. Такую же диету он настойчиво рекомендовал и тем, кто еще не окреп после тяжкого недуга или страдал расстройством пищеварения. Если же его предписания не приносили обещанной пользы, страдальцам объявлялось, что они плохо их выполняли, а когда они жаловались на дурные последствия, то слышали в ответ, что все это их фантазия.

Коротко коснусь еще двоих упомянутых мною особ и завершу это длинное письмо. Я имею в виду миссис Уилсон и ее дочь. Первая была вдовой зажиточного фермера, завзятой сплетницей, склонной к ханжеству, чей характер не заслуживает дальнейшего описания. У нее было двое сыновей – Роберт, фермер с грубыми привычками, и Ричард, тихий способный юноша, изучавший с помощью священника древние языки, чтобы затем поступить в университет и получить духовный сан.

Их сестра Джейн была наделена недурными способностями и большим честолюбием. Она настояла на том, чтобы ее отдали в пансион, и первой в своей семье получила настоящее образование. Полировка пошла ей на пользу, ее манеры отличались утонченностью, произношение утратило всякий намек на простонародность, а в светских талантах с ней не могли потягаться даже дочери священника. К тому же она слыла красавицей, хотя я никогда не принадлежал к числу ее поклонников. Ей было лет двадцать шесть – высокая, очень стройная, с волосами ни каштановыми, ни русыми, а бесспорно огненно-рыжими. Цвет лица ослепительно свежий, голова маленькая, шея лебединая, подбородок округлый, но небольшой, глаза светлогрие, быстрые и пронизательные, однако лишённые поэтичности и даже чувства. Недостатка в женихах она не знала, но все они принадлежали к ее собственному сословию, а потому получали презрительный отказ – лишь джентльмен мог бы угодить ее изысканному вкусу, и притом богатый, на меньшее ее неумное честолюбие не соглашалось. Как раз в то время за ней начал довольно настойчиво ухаживать некий джентльмен, и она, как шептались кумушки, возымела самые серьезные намерения касательно его сердца, фамилии и состояния. Это был мистер Лоренс, молодой помещик, чьей семье принадлежал Уайлдфелл-Холл, который лет двадцать назад они покинули, сменив на более современный и обширный дом в соседнем приходе.

А теперь, Холфорд, я на время прощаюсь с тобой. Это первый взнос в счет моего долга. Если такая монета тебе подходит, извести меня, и я буду посылать тебе остальные по мере написания. Если же ты предпочтешь остаться моим кредитором и не отягощать свой кошелек такими тяжелыми медяками, извести меня и об этом, и я, извинив твой дурной вкус, с удовольствием оставлю их себе.

Неизменно твой

Гилберт Маркхем.

Глава II

Встреча

С большой радостью, мой самый дорогой друг, я убедился, что облако твоей досады уплыло прочь, ты вновь сияешь мне, как прежде, и желаешь узнать продолжение моей истории. Так получи же его без дальнейших проволочек!

По-моему, я остановился на воскресенье – последнем в октябре 1827 года. Во вторник после него я с собакой и ружьем отправился на поиски той дичи, которую мог бы найти в пределах Линден-Кара, но не нашел. Тогда я решил обратить свое оружие против ястребов и хищных ворон, чей разбой, по моему убеждению, и лишил меня более желанных трофеев. А потому я покинул приветливые лесные долины, хлебные поля и обширные луга ради крутых склонов Уайлдфелла – самого высокого и дикого холма в нашем краю. Я поднимался все выше, а живые изгороди и деревья становились все более низкими и чахлыми. Затем первые сменились стенками, сложенными из нетесаных камней, от вторых же кое-где остались лишь листовенницы да ели и одинокие кусты терновника. Твердая каменистая земля не годилась под посевы и служила пастбищем для скота и овец. Слой тощей почвы был очень тонок, и из травянистых кочек торчали серые камни, под стенками ютились голубика и вереск, наследие первозданной дикости, а во многих местах траву заглушали осока и амброзия... Но ведь земля эта принадлежала не мне!

Почти у самой вершины в двух милях от Линден-Кара стоял Уайлдфелл-Холл – старинный господский дом елизаветинских времен, построенный из серого камня, весьма благородный и живописный на вид, но внутри, без сомнения, холодный и темный. Узкие окна с частыми переплетами в толще стен, разъеденные временем вентиляционные отверстия, безлюдие вокруг, открытость всем ветрам и непогодам, от которых его не могли защитить посаженные с этой целью ели, давно изуродованные бурями, столь же мрачные и угрюмые, как само здание, – все это делало его малоприспособленным для обитания. Позади него виднелись два-три чахлых луга и бурая от вереска вершина, а перед ним (обнесенный каменной оградой с чугунными воротами между каменными столбами, которые увенчивались шарами из серого гранита, такими же, какие украшали парапет и башенки) располагался сад, где некогда взращивались цветы и травы, достаточно нетребовательные к почве и закаленные против капризов погоды, а также деревья и кусты, наиболее покорно принимающие под жесткими ножницами садовника те формы, какие решала придать им его фантазия. Теперь же, на долгие годы предоставленный самому себе, брошенный без ухода на жертву заморозкам и засухе, ливням и бурям, заросший бурьяном, сад являл собой странное зрелище. Окаймлявшая главную аллею живая изгородь из бирючины на две трети засохла, а оставшаяся треть нелепо разрослась, куст, некогда подстриженный в виде лебедя, утратил шею и половину туловища, пирамиды лавров в центре сада, гигантский воин по одну сторону ворот и лев, охранявший другую, буйно выбросили новые ветки и приобрели совсем уж фантастический вид, подобие которому нельзя было найти ни на земле, ни на небе, а если на то пошло, то и в воде. Однако моему юному воображению все они представлялись сказочными чудищами вполне в духе тех жутких легенд и преданий, которыми пичкала нас наша старая няня, повествуя о былых обитателях покинутого дома и о привидениях, которые там являются.

К тому времени, когда я вышел к Уайлдфелл-Холлу, мне удалось подстрелить ястреба и двух ворон, но я уже оставил мысли о дальнейшей охоте и неторопливо направился к старинной усадьбе поглядеть, насколько она изменилась после появления там новой обительницы. Разумеется, я не мог подойти к воротам и заглянуть внутрь, но остановился у садовой ограды. Насколько я мог судить, все осталось прежним, если не считать обновленной крыши и стекол, вставленных в разбитые окна одного из флигелей, над трубами которого вился дымок.

Пока я стоял там, опираясь на ружье, и предавался прихотливым фантазиям, в которых бывшие ассоциации и молодая отшельница, поселившаяся теперь в этих старинных стенах, играли равную роль, до моего слуха донесся шорох и какие-то поскребывания. Взглянув в ту сторону, я увидел, как за верхний край ограды ухватилась маленькая ручонка, к ней присоединилась другая, над серым камнем появился белый лобик, обрамленный каштановыми кудрями, а затем пара синих глазенок и беленькая переносица.

Глазенки меня не заметили, но радостно уставились на Санчо, моего сеттера, черно-белого красавца, который кружил по склону, пригибая морду к земле. Над стеной возникло детское личико, и детский голосок окликнул «собачку». Добродушный пес остановился, поднял морду и дружески вильнул хвостом, однако не проявил никакого желания свести более близкое знакомство. Ребенок – мальчик лет пяти – взобрался на верх ограды и продолжал звать собачку, но, убедившись в тщетности своих окликов, видимо, решил последовать примеру Магомета и самому пойти к горе, раз уж она не пожелала пойти к нему. Но едва он перевесился через ограду, как его платице зацепила одна из корявых веток, которые раскинула над ней старая вишня. Малыш попытался высвободиться и сорвался со стены, однако не упал на землю, а повис в воздухе, болтая ножонками и испуская громкие вопли. Но я уже бросил ружье и подхватил бедняжку на руки, утер ему глаза краем платицы, сказал, что бояться нечего, и подозвал Санчо, чтобы совсем его утешить.

Он как раз обнял сеттера за шею и улынулся сквозь слезы, когда громко стукнула калитка, послышался шелест женских юбок и ко мне подбежала миссис Грэхем – шея ее не была укрыта даже шарфом, черные волосы развевались на ветру.

– Отдайте мне ребенка! – сказала она тихо, почти шепотом, но яростно, и вырвала мальчика из моих рук, словно оберегая от страшной заразы, а потом, сжимая его в объятиях, устремила на меня огромные, сверкающие, темные глаза – бледная, задыхающаяся от страшного волнения.

– Я ничего дурного мальчику не сделал, сударыня, – сказал я, не зная, удивляться ли мне или сердиться. – Он перелез через ограду, но, к счастью, я успел подхватить его, когда он зацепился вон за тот сук, и предотвратил возможную беду.

– Прошу у вас прощения, сэр, – пробормотала она, внезапно успокаиваясь, словно рассеялся туман, омрачивший ее рассудок. Бледные ее щеки чуть порозовели. – Но мы с вами не знакомы, и я подумала...

Она умолкла, поцеловала мальчика и нежно обвила рукой его шею.

– Подумали, что я вознамерился похитить вашего сына?

Она смущенно засмеялась, поглаживая его кудряшки.

– Мне ведь в голову не пришло, что он способен перелезть через ограду... Я имею удовольствие говорить с мистером Маркхемом, не правда ли? – внезапно спросила она.

Я поклонился и не удержался от вопроса, как она догадалась о моем имени.

– Ваша сестра несколько дней назад приезжала сюда с вашей матушкой.

– Неужели мы так похожи? – воскликнул я с удивлением и отнюдь не столь польщенно, как, возможно, следовало бы.

– Пожалуй, цвет ваших волос и еще глаза... – ответила она, с некоторым сомнением взглянув на мое лицо. – И по-моему, в воскресенье я видела вас в церкви.

Я улыбнулся. Эта улыбка, а может быть, разбуженные ею воспоминания чем-то раздражили миссис Грэхем. Во всяком случае, она вновь приняла тот гордый, холодный вид, который задел меня в церкви – выражение неизмеримого презрения, которое так гармонизировало с ее чертами, что казалось естественным для них, пока не исчезало, – и тем более меня злило, что я не мог счесть его притворным.

– Прощайте, мистер Маркхем, – сказала она и ушла с мальчиком в сад, не удостоив меня больше ни единым словом или взглядом.

Я задержался только для того, чтобы подобрать с земли ружье и пороховницу да объяснить дорогу какому-то заблудившемуся на холме прохожему, а затем отправился в дом при церкви, чтобы утешить оскорбленное самолюбие и развлечься в обществе Элизы Миллуорд.

Как обычно, она сидела за пяльцами, вышивая шелком (увлечение берлинской шерстью еще не началось), а ее сестра с кошкой на коленях штопала в углу чулки – перед ней их лежала целая грудка.

– Мэри! Мэри! Да убери же! – вскрикнула Элиза, увидев меня в дверях.

– И не подумая, – последовал невозмутимый ответ, а мое присутствие сделало дальнейший спор невозможным.

– Вы так неудачно пришли, мистер Маркхем, – продолжала Элиза с одним из своих лукаво-поддразнивающих взглядов. – Папа только-только отправился куда-то по приходским делам и вернется не раньше чем через час.

– Ничего, на несколько минут я смирюсь и с обществом его дочерей, если на то будет их соизволение, – ответил я, придвигая стул к камину и усаживаясь без приглашения.

– Ну, если вы сумеете нас развлечь, мы возражать не станем.

– Э нет! Без всяких условий! Ведь я пришел не развлекать, но развлечься! – ответил я.

Но тем не менее счел себя обязанным быть приятным собеседником и, видимо, преуспел в своем намерении, так как мисс Элиза пришла в отличнейшее расположение духа. Довольные друг другом, мы весело болтали о всяких пустяках. Это был почти тет-а-тет, так как мисс Миллуорд хранила молчание, лишь изредка его прерывая, чтобы поправить какое-нибудь чересчур уж легкомысленное утверждение своей сестрицы, и один раз попросила ее поднять клубок, закатившийся под стол. Однако, естественно, поднял его я.

– Спасибо, мистер Маркхем, – сказала Мэри, беря клубок. – Я бы и сама за ним встала, но не хочется будить кошечку.

– Мэри, душка, это тебя в глазах мистера Маркхема не оправдывает! – заметила Элиза. – Полагаю, он, как и все джентльмены, терпеть не может кошек, как и старых дев. Правда, мистер Маркхем?

– Мне кажется, наш суровый пол недолюбливает кошечек и птичек потому, что прекрасные девицы и дамы изливают на них слишком уж много нежности.

– Но ведь они такая прелесть! – В порыве неумеренного восторга она вдруг накинулась с поцелуями на любимицу сестры.

– Да перестань же, Элиза! – сердито сказала та и нетерпеливо оттолкнула шалунью.

Но мне пора было уходить. Я вдруг спохватился, что того и гляди опоздаю к чаю, а матушка отличалась редкой пунктуальностью.

Моя прелестная собеседница попрощалась со мной весьма неохотно. Я нежно пожал ей ручку, а она одарила меня самой ласковой своей улыбкой и чарующим взглядом. Я шел домой очень счастливый: мое сердце наполнилось самодовольством, а любовь к Элизе так даже переливалась через его край.

Глава III

Спор

Два дня спустя нам нанесла визит миссис Грэхем – вопреки предсказаниям Розы, не сомневавшейся в том, что таинственная обитательница Уайлдфелл-Холла не считает для себя обязательными правила вежливости. В этом убеждении мою сестрицу поддерживали Уилсоны, которые то и дело вспоминали, что их визит, как и визит Миллуордов, остался пока без ответа. Однако теперь причина такой неучтивости объяснилась, хотя Роза и не совсем ей поверила. Миссис Грэхем привела с собой сына, а когда матушка выразила удивление, что малыш совершил такую длинную прогулку до Линден-Кара, сказала:

– Да, для него это очень большое расстояние, но иначе мне вовсе пришлось бы отказаться от визита к вам. Ведь я никогда не оставляю его одного. И, миссис Маркхем, прошу вас, когда вы увидите с миссис Уилсон и Миллуордами, передайте им мои извинения. Боюсь, я должна буду лишиться себя удовольствия побывать у них, пока Артур немного не подрастет.

– Но у вас же есть служанка! – заметила Роза. – Разве нельзя оставить его с ней?

– У нее много других забот. Кроме того, она слишком стара, чтобы успевать за ним, а он очень подвижный ребенок, и было бы жестоко принуждать его сидеть возле старухи.

– Но ведь вы оставили его, чтобы побывать в церкви?

– Да, один раз. Но ни для чего другого я бы с ним не рассталась. И, думаю, в будущем либо я должна буду брать его с собой в церковь, либо сама оставаться дома.

– Неужели он такой шалун? – спросила матушка с негодованием.

– Вовсе нет, – с печальной улыбкой ответила миссис Грэхем, поглаживая кудрявую головку сына, который сидел на скамеечке у ее ног. – Но он мое единственное сокровище, и у него, кроме меня, нет никого. Поэтому нам не хочется расставаться.

– Извините, дорогая моя, это я называю слепым обожанием, – объявила моя прямодушная родительница. – Постарайтесь подавлять такую глупую любовь, и не просто чтобы не выглядеть смешной, а чтобы спасти сына от гибели.

– Гибели, миссис Маркхем?

– Да. Баловство портит ребенка. Даже и в таком нежном возрасте ему не следует все время держаться за материнскую юбку. Ему должно быть стыдно!

– Миссис Маркхем, прошу вас, не говорите такие вещи – во всяком случае, при нем! Надеюсь, мой сын никогда не будет стыдиться любить свою мать! – произнесла миссис Грэхем с такой страстностью, что мы все были поражены. Матушка попыталась успокоить ее, объяснить, что она не так ее поняла, но наша гостья предпочла резко переменить разговор.

«Как я и думал! – сказал я себе. – Характерец у нее не из кротких, каким прелестным ни кажется ее бледное лицо и гордый лоб, на который раздумья и страдания как будто равно наложили печать!»

Все это время я сидел у столика в противоположном углу, притворяясь, будто погружен в чтение «Журнала для фермеров», который держал в руке, когда доложили о нашей посетительнице. Не желая выглядеть дамским угодником, я ограничился поклоном и остался на прежнем месте.

Однако вскоре я услышал приближающиеся робкие шажки. Малыш Артур не устоял перед соблазном – ведь Санчо, мой пес, лежал у моих ног! Положив журнал, я увидел, что мальчик остановился ярдах в двух от меня, грустно устремив синие глаза на собаку, – удерживала его не боязнь, а стеснительность. Но стоило мне ласково ему кивнуть, как он решился подойти ко мне. «Застенчивый ребенок, но не капризный», – решил я.

Минуту спустя малыш уже стоял на ковре на коленях и обнимал Санчо за шею. А еще минуту спустя водворился на колени ко мне и с большим интересом рассматривал рисунки

лошадей, коров и свиней всевозможных пород, а также планы образцовых ферм, заполнявшие страницы моего журнала. Иногда я косился на его мать, стараясь угадать, как она отнесется к этой новой дружбе, и вскоре заметил по ее тревожному взгляду, что ей почему-то не нравится развлечение, которое нашел ее сын.

– Артур! – позвала она наконец. – Поди сюда. Ты мешаешь мистеру Маркхему. Он хочет читать.

– Вовсе нет, сударыня, разрешите ему остаться здесь. Мне это не менее интересно, чем ему, – попросил я, но она взглядом и жестом все-таки подозвала его к себе.

– Ну-у, мамочка! – возразил мальчик. – Позволь, я еще посмотрю картинки. А потом я тебе все про них расскажу!

– В понедельник, пятого ноября, мы думаем устроить небольшой вечер, – сказала матушка, – и я надеюсь, миссис Грэхем, вы не откажетесь быть нашей гостьей. И, пожалуйста, приводите своего сынка, мы найдем для него какие-нибудь интересные занятия... А вы тогда сможете сами извиниться перед Уилсонами и Миллуордами. Я полагаю, они все придут.

– Благодарю вас, но я не бываю на званых вечерах.

– Что вы! Какой же это званый вечер! Соберемся почти по-семейному – кроме нас, будут только Миллуорды и Уилсоны, а с ними вы уже знакомы, да еще мистер Лоренс, ваш домохозяин, а уж с ним вам просто надо познакомиться.

– Мы немножко знакомы... Но все-таки вы должны меня извинить. Вечера теперь сырые и темные, и я побаиваюсь за Артура – здоровье у него не такое уж крепкое. Нам придется подождать, пока дни не станут длиннее, а вечера теплее.

Роза, повинувшись кивку матушки, достала из шкафчика графин вина, рюмки и кекс и предложила это угощение нашим гостям. Кекса они поели, но от вина миссис Грэхем отказалась наотрез, несмотря на все радушные настояния. Артур смотрел на рубиновый нектар с каким-то ужасом и чуть не расплакался, когда матушка заметила, что пригубить-то вино он должен!

– Успокойся, Артур, – сказала его мать. – Миссис Маркхем просто полагает, что оно будет тебе полезно, потому что ты утомился. Но заставлять тебя она и не думает! И конечно, пить его тебе не следует. Он не выносит даже вида вина, – добавила она. – А от запаха ему становится почти дурно. Дело в том, что прежде, когда он заболел, я давала ему выпить вместе с лекарством немного вина или разбавленного водой коньяка и сумела внушить ему к ним отвращение!

Мы все засмеялись, но молодая вдова и ее сын не присоединились к нам.

– Что же, миссис Грэхем! – сказала матушка, утирая слезы, которые от смеха выступили на ее ясных голубых глазах. – Вы меня, признаться, удивили. Право, я полагала, что вы более разумнее. Что за неженку вы из него растите! Только представьте, каким он станет, если вы и дальше...

– О нет, я считаю, что выбрала верный путь, – с невозмутимой серьезностью перебила ее миссис Грэхем. – Таким способом я надеюсь спасти его хотя бы от одного из самых омерзительных пороков. И была бы рада найти способ возбудить в нем такую же ненависть ко всем прочим.

– Но так вы никогда не пробудите в нем ни единой добродетели, миссис Грэхем, – заметил я. – Ведь в чем их суть? В умении и желании противиться соблазну? Или в неведении соблазна? Кто силен? Тот, кто преодолевает препятствия и совершает что-либо полезное благодаря усилиям и ценой усталости? Или тот, кто посиживает весь день в кресле, вставая, только чтобы помешать в камине и перекусить? Если вы хотите, чтобы ваш сын прошел по жизни с достоинством, не старайтесь убирать камни у него из-под ног, но научите не спотыкаться о них, не водите его за руку, а дайте ему привыкнуть ходить одному.

– Я буду водить его за руку, мистер Маркхем, пока он не станет настолько сильным, чтобы обходиться без меня. И уберу с его дороги столько камней, сколько сумею, а остальных научу

избегать – или не спотыкаться о них, как вы выразились. Ведь сколько бы я ни убирала камней, их останется вполне достаточно, чтобы ловкость, решимость и осторожность нашли для себя применение. Очень легко рассуждать об испытании добродетели и благородном сопротивлении соблазнам, но покажите мне на пятьдесят... на пятьсот мужчин, уступивших искушению, хотя бы одного, у кого достало добродетельности ему воспротивиться. Так почему же я должна утешаться мыслью, что мой сын явится исключением из тысячи и тысяч, вместо того, чтобы подготовиться к худшему, к тому, что он окажется таким же, как его... как все прочие люди, если я заранее не приму решительных мер?

– Хорошего же вы мнения о всех нас! – воскликнул я.

– О вас мне ничего не известно, и говорю я только о тех, кого знаю, и когда я вижу, как весь род мужской – за немногими исключениями – бредет по жизненному пути, спотыкаясь, падая в каждую яму, ломая ноги о каждый камень, неужели у меня нет права сделать все, что в моих силах, чтобы его путь был более ровным и безопасным?

– О, безусловно. Но для этого надо сделать так, чтобы он был сильнее соблазнов, а не прятать их от него.

– Одно не мешает другому, мистер Маркхем. Бог свидетель, у него будет достаточно искушений и изнутри и извне после того, как я постараюсь сделать для него пороки столь же малопривлекательными, как омерзительна их природа. То, что свет зовет пороком, самой мне никогда не представлялось заманчивым, но я знавала иные искушения и испытания, которые во многих случаях требовали больше осмотрительности и твердости, чтобы им противостоять, чем мне удавалось найти в себе. И я убеждена, что в том же самом могли бы признаться почти все те, кто привык размышлять о себе и стремится властвовать над своими дурными склонностями.

– Да-да! – согласилась матушка, которая не поняла и половины. – Но нам не следует судить о мальчиках по себе. И, моя дорогая миссис Грэхем, позвольте предостеречь вас против ошибки – роковой ошибки, поверьте мне! Ни в коем случае не берите на себя его воспитание и образование! Оттого что в чем-то вы разбираетесь очень хорошо и сами образованны, вас может прельстить мысль, будто такая задача вам по силам. Но это не так, и если вы не отступите от своего намерения, поверьте мне, вам придется горько раскаяться, когда будет уже поздно.

– Видимо, мой долг – отдать его в школу, чтобы он научился презирать власть и любовь своей матери! – заметила наша гостья с довольно горькой улыбкой.

– Да что вы! Но если какая-нибудь мать хочет, чтобы сын ее презирал, то пусть она держит его дома, балует и не жалеет себя, лишь бы исполнять его капризы.

– Я совершенно с вами согласна, миссис Маркхем. Но подобная преступная слабость противна и моим принципам, и моему поведению!

– Так вы же обращаетесь с ним как с девочкой, вы изнежите его, сделаете из него маменькиного сыночка. Да-да, миссис Грэхем, так оно и будет, хотите вы того или нет! Но я попрошу мистера Миллуорда побеседовать с вами об этом. Он сумеет лучше меня растолковать вам, к каким это приведет последствиям. Яснее ясного. И даст совет, что вам делать и как. Уж он-то вас в одну минуту убедит.

– К чему затруднять мистера Миллуорда! – ответила миссис Грэхем, поглядывая на меня (вероятно, я не сдержал улыбки, слушая, как матушка превозносит почтенного священника). – Мне кажется, мистер Маркхем полагает, что умением убеждать он по меньшей мере не уступает преподобному джентльмену. И готов вам сказать, что уж если я его не послушала, то останусь Фомой Неверным, кто бы меня ни уговаривал. Скажите, мистер Маркхем, вы – тот, кто утверждает, что мальчика следует не ограждать от зла, но посылать сражаться с ним в одиночестве и без помощи, не учить его избегать ловушек жизни, но смело бросаться в них или перешагивать через них, как уж там у него получится, не уклоняться от опасностей, но искать их и питать свою добродетель соблазнами, так скажите же...

– Простите меня, миссис Грэхем, но вы слишком торопитесь! Я ведь пока не говорил, что мальчика следует толкать в ловушки жизни или учить его искать соблазны ради того, чтобы, преодолевая их, закалять свою добродетель. Я только утверждаю, что лучше укрепить силы юного героя и вооружить его, чем пытаться ослабить и разоружить его врага; что, возвращая дубок в теплице, преданно ухаживая за ним днем и ночью, защищая его от малейшего дуновения ветерка, вы не можете надеяться, что он станет таким же крепким и могучим, как дуб, выросший на горном склоне, открытом буйству всех стихий, и изведавший даже бури.

– Предположим. Но пустили бы вы в ход те же доводы, если бы речь шла о девочке?

– Разумеется, нет.

– О да, вот ее, вы считаете, нужно холить и нежить, как оранжерейный цветок, учить цепляться за других ради защиты и поддержки и всячески оберегать от каких бы то ни было понятий о зле! Но не будете ли вы так любезны и не объясните ли мне, почему вы проводите такое различие? Или, по-вашему, ей природная добродетель несвойственна?

– Конечно, ничего подобного я не считаю!

– Однако, с одной стороны, вы утверждаете, что добродетель пробуждают только соблазны, а с другой – считаете, что все меры хороши, лишь бы женщина как можно меньше подвергалась соблазнам и ничего не ведала ни о пороке, ни обо всем, к нему относящемся. Таким образом, по вашему мнению, женщина от природы настолько порочна или слабоумна, что попросту не способна противостоять соблазну, и остается чистой и невинной только до тех пор, пока ее держат в неведении и под строгой опекой, но стоит лишь показать ей путь греха, как она, лишенная по своей натуре подлинной добродетели, тут же устремится по нему, и чем больше будет ее осведомленность, чем шире свобода, тем ниже она падет. Сильный же пол наделен естественной склонностью к добродетели, высоким благородством, которое только укрепляется благодаря опасностям и испытаниям...

– Упаси меня Бог от таких мыслей! – вскричал я.

– В таком случае вы полагаете, что оба пола равно слабы и склонны ошибаться, однако малейшее соприкосновение с пороком, малейшая тень тут же навеки погубит женщину, тогда как характер мужчины только укрепится и обогатится – кое-какое практическое знакомство со вкусом запретного плода является достойным и необходимым завершением его воспитания. Подобное обогащение для него будет (прибегая к банальному сравнению) тем же, чем для дуба – налетевшая на него буря, которая, хотя и сорвет с него часть листьев и обломает мелкие веточки, лишь укрепит его корни, закалит фибры ствола и могучих ветвей. Вы полагаете, что нам следует поощрять наших сыновей познавать все на собственном опыте, а нашим дочерям возбраняется извлекать пользу даже из чужого опыта. Я же хочу, чтобы и те и другие благодаря чужому опыту и привитым с детства высоким принципам заранее научились отвергать зло и выбирать добро, обходясь без практических доказательств того, чем чреваты отклонения с праведного пути. Нет, я бы не послала бедную девочку в мир не вооруженной против врагов, не ведающей о расставленных ей ловушках, но и не стала бы так охранять и беречь ее, что она, не научившись самоуважению и умению полагаться на себя, потеряла бы способность и охоту самой себя беречь и остерегаться опасностей. А что до моего сына... Если бы я поверила, что он вырастет человеком, как вы выражаетесь, «знающим жизнь» и гордым своим опытом, пусть даже потому, что опыт этот в конце концов отрезвил его и сделал полезным и уважаемым членом общества – если бы я поверила в подобное, то предпочла бы, чтобы он умер завтра же! В тысячу раз предпочла бы! – закончила она страстно и, крепко прижав сына к сердцу, поцеловала его с неизъяснимой нежностью. (Мальчик уже давно оторвался от журнала и стоял возле матери, заглядывая ей в лицо и в безмолвном недоумении слушая ее непонятные слова.)

– Вы, прекрасные дамы, всегда стараетесь оставить за собой последнее слово! – сказал я, когда миссис Грэхем встала и начала прощаться с матушкой.

– Ах, вам никто не мешает оставить последнее слово за собой, – возразила она. – Только я, к сожалению, не могу повременить, чтобы его выслушать.

– Вот-вот! Выслушиваете ровно столько, сколько вам угодно, а остальное предоставляете собеседнику говорить на ветер.

– Если вам необходимо сказать еще что-нибудь на эту тему, – ответила миссис Грэхем, пожимая руку Розы, – то привезите вашу сестру ко мне в какой-нибудь ясный день, и я выслушаю с самым лестным для вас терпением все, что вы ни пожелаете сказать. Вашу нотацию я предпочту пастырским поучениям почтенного мистера Миллуорда, так как ответить вам, что я осталась при прежнем своем мнении, мне много легче. А что будет именно так, у меня сомнений нет, кто бы из вас ни удостоил меня своими логическими аргументами.

– О, конечно, – парировал я, твердо решив платить ей ее же монетой. – Ведь женщина, соглашаясь выслушать доводы, опровергающие ее убеждения, всегда заранее готова отвергнуть их, затворив свой внутренний слух и не признавая никакой, даже самой железной логики.

– Прощайте, мистер Маркхем, – сказала моя прекрасная противница с пренебрежительной улыбкой на губах и, не удостоив меня больше ни словом, лишь слегка наклонила голову и уже направилась к двери, но ее сын с детской непосредственностью остановил ее и воскликнул:

– Мама, но ты же не пожала руки мистеру Маркхему!

Она со смехом обернулась и протянула мне руку, которую я сжал довольно зло, так как меня раздражало это ее предубеждение против меня, которым озаменовались самые первые минуты нашего знакомства. Ничего не зная о моем характере и принципах, она, хотя я как будто не дал ей для этого ни малейшего повода, словно пользовалась каждым удобным случаем, чтобы подчеркнуть, что я придерживаюсь о себе куда более высокого мнения, чем имею на то право. Бесспорно, я был обидчив, иначе меня это так не задело бы, а к тому же, пожалуй, и несколько избалован матушкой, сестрой и некоторыми знакомыми барышнями. Но самовлюбленным хлыщом я никогда не был – и тут тебе меня не переубедить, как бы ты ни возражал!

Глава IV

Званный вечер

Вечер, который мы устроили пятого ноября, прошел очень мило, хотя миссис Грэхем и отказалась украсить его своим присутствием. Пожалуй, если бы она все-таки пришла, мы чувствовали бы себя не так свободно и стеснялись бы своей дружеской веселости.

Матушка, как обычно, была хлебосольна, неугомонна, словоохотлива и грешила только избытком желания угодить своим гостям – принуждала одних есть и пить то, чего они терпеть не могли, других насильно усаживала поближе к пылающему огню и развлекала беседой, когда они предпочли бы помолчать. Впрочем, они все были в праздничном настроении и сносили ее заботы с большим добродушием.

Мистер Миллуорд величественно ронял непререкаемые истины, педантично шутил, рассказывал скучнейшие анекдоты и пускался в риторические рассуждения в поучение и назидание как всему обществу в целом, так и наиболее внимательным из своих слушателей, в частности – полной восхищения миссис Маркхем, учтивому мистеру Лоренсу, чинной Мэри Миллуорд, тихому Ричарду Уилсону и невозмутимому Роберту.

Миссис Уилсон блистала, как никогда, сдабривая потоки свежих новостей и старых сплетен банальными вопросами и замечаниями, а также постоянно повторяя одно и то же, видимо не желая давать ни мгновения отдыха своим неутомимым органам речи. Она принесла с собой вязанье, и, казалось, ее язык побился об заклад с ее пальцами, что превзойдет их быстротой и непрерывностью движения.

Ее дочь Джейн была, разумеется, светской и элегантной, остроумной и обворожительной в полную меру своих сил, стремясь затмить всю женскую часть общества и очаровать всю мужскую, а мистера Лоренса окончательно пленить и покорить. Я был не в состоянии определить, какие тончайшие уловки она изобретала для этой последней цели, но, на мой взгляд, напускная аристократическая высокомерность и неприятная самоуверенность совершенно ее портили, а Роза, когда мы остались одни, растолковала мне смысл ее кокетливых взоров, ужимок, намеков столь проникательно и с такой досадой, что я равно подивился фальшивости этой барышни и наблюдательности моей сестрицы и даже спросил себя, уж не видит ли она в мисс Уилсон соперницу. Но успокойся, Холфорд: ничего подобного у нее и в мыслях не было.

Ричард Уилсон, младший брат Джейн, устроился в укромном уголке – не потому, что был в дурном расположении духа, но по застенчивости стараясь оставаться незамеченным, при этом внимательно слушая и наблюдая. И хотя он чувствовал себя несколько не в своей тарелке, вероятно, вечер он на свой лад провел бы приятно, если бы только матушка оставила его в покое. Но из самых добрых намерений она допекала его заботами – непрерывно потчевала то тем, то этим, полагая, в заблуждении, будто он смущается сам что-нибудь взять, и вынуждала выкрикивать через всю комнату коротенькие «да» и «нет» в ответ на бесчисленные вопросы, с помощью которых тщетно пыталась втянуть его в разговор.

Роза сообщила мне, что он почтил нас своим обществом только из-за настояний своей сестрицы. Та обязательно хотела показать мистеру Лоренсу, что у нее есть второй брат, куда более похожий на джентльмена, чем Роберт, которого она, наоборот, всячески старалась оставить дома, но он твердо заявил, что не видит причин, почему бы не скоротать вечерок с Маркхемом, старухой (матушка тогда была еще далеко не старуха), красоткой мисс Розой и его преподобием – что он не ровня им, что ли? И был, разумеется, совершенно прав. И он болтал с матушкой и Розой о всяких пустяках, беседовал со священником о приходских делах, а со мной о сельскохозяйственных работах и рассуждал о политике с нами обоими.

Мэри Миллуорд предпочитала хранить молчание, но меньше страдала от беспощадной матушкиной доброты, так как умела отвечать коротко и отказываться резко, а потому подо-

зревала не столько в робости, сколько в угрюмости. Во всяком случае, остальные не получали особого удовольствия от ее присутствия, как и она от их общества. Элиза шепнула мне, что Мэри пришла только по настоянию их отца: он вдруг объявил, что она слишком занята домашними обязанностями и пренебрегает невинными развлечениями и радостями, приличествующими ее возрасту и полу. Впрочем, насколько я мог судить, Мэри не так уж и скучала – несколько раз она смеялась шуткам и обменивалась улыбками с теми среди нас, кто пользовался ее расположением. Потом я заметил, что она старается перехватить взгляд Ричарда Уилсона, сидевшего напротив нее. Конечно, он занимался с ее отцом и они должны были привыкнуть друг к другу, а обоюдная замкнутость могла их даже сблизить.

Моя Элиза была обворожительна свыше всяких описаний, кокетлива без жеманства и словно бы искала только моего внимания. Как бы она ни поддразнивала меня и ни посмеивалась надо мной, ее сияющее личико и прерывистое дыхание выдавали, как ей приятно, что я сижу или стою рядом с ней, нашептываю ей на ушко всякий вздор или пожимаю ее пальчики во время танцев. Но мне лучше не продолжать: если я расхвастаюсь теперь, тем больше мне придется краснеть потом.

Продолжу рассказ о прочих членах нашей небольшой компании. Роза, как всегда, держалась естественно и безыскусственно веселилась. Фергес вел себя вызывающе и глупо, но дерзости и нелепые выходки только смешили остальных, хотя и не поднимали его в их глазах. И наконец (себя я опускаю), мистер Лоренс был мил и обходителен со всеми, любезен со священником и женской половиной нашего общества – особенно с хозяйкой дома, ее дочерью и мисс Уилсон... Слепец! У него не хватало хорошего вкуса предпочесть этой последней Элизу Миллуорд! Между ним и мной существовало нечто вроде приятельских отношений. Отшельник по натуре, он редко покидал уединенное поместье, где родился и где после смерти отца вел одинокое существование, и не имел ни случая, ни желания заводить новые знакомства. А из старых наиболее приятен ему (судя по его поведению) был я. Мне он скорее нравился, но его холодность, застенчивость и замкнутость мешали проникнуться к нему истинно теплым чувством. Прямота и откровенность в других его привлекали, если были свободны от вульгарности и назойливости, но сам он не мог ими похвастать. Молчание, которое он хранил о собственных делах и заботах, вызывало досаду и могло даже оскорбить, но я извинял такую скрытность в убеждении, что питают ее не высокомерие и не отсутствие доверия к друзьям, но болезненная застенчивость и чувствительность, которые он сознавал, но преодолеть был не в состоянии. Сердце его напоминало нежный цветок, который разворачивает лепестки навстречу солнечным лучам, но тут же поникает и закрывается, если его коснутся неосторожные пальцы или даже самый легкий ветерок. В целом наша близость ограничивалась определенной взаимной симпатией и далеко не походила на глубокую и прочную дружбу вроде той, которая позже связала нас, Холфорд. Тебя, несмотря на некоторую твою придирчивость, я уподобил бы старому привычному сюртуку из превосходной ткани, просторному, удобно облегающему фигуру, нигде ее не стесняя, который можно надевать по любому случаю и в любую погоду, не боясь его испортить. Мистер же Лоренс походил на новый фрак, отлично и элегантно сшитый, но столь тесный в плечах, что страшно пошевелить рукой – как бы не лопнули швы, и столь отглаженный и безупречный, что и думать нельзя попасть в нем под дождь, пусть даже на несколько секунд.

Едва гости собрались, как матушка заговорила про миссис Грэхем – выразила сожаление, что она не могла принять нашего приглашения, и объяснила Миллуордам и Уилсонам, по какой причине ей не удалось отдать им визиты, – но она надеется, что они извинят ей невольную неучтивость, и всегда будет рада вновь увидеть их у себя.

– Но она какая-то странная, мистер Лоренс, – продолжала матушка. – Просто ничего понять нельзя. Впрочем, вы, наверное, можете нам про нее кое-что рассказать. Ведь она как-никак ваша жилица и к тому же сказала, что вы немного знакомы.

Все глаза обратились на мистера Лоренса, и мне показалось, что этот вопрос смутил его больше, чем того заслуживал.

– Я, миссис Маркхем? – воскликнул он. – Вы ошибаетесь, я не... то есть я, разумеется, видел миссис Грэхем, но рассказать не могу ничего.

Он тут же повернулся к Розе и попросил ее развлечь общество романсом или сыграть что-нибудь.

– Нет, – ответила она. – Об этом попросите мисс Уилсон. Она и поет, и играет несравненно лучше нас всех.

Мисс Уилсон начала отнекиваться.

– Да споет она, споет! – вмешался Фергес. – Если вы, мистер Лоренс, возьметесь переворачивать ноты.

– С большим удовольствием. Мисс Уилсон, вы окажете мне такую честь?

Она изогнула лебединую шею, улыбнулась и позволила ему подвести себя к инструменту. А затем принялась играть и петь со всем блеском, на какой была способна. Он же, терпеливо опираясь на спинку ее стула, переворачивал лист за листом нотные тетради и менял их по ее просьбе. Быть может, он получал от ее игры и пения не меньшее удовольствие, чем она сама, но не скажу, чтобы мне они так уж нравились, хотя ее манера исполнения была по-своему и очень недурна – умелая, выразительная... и без малейшего чувства.

Однако с миссис Грэхем мы еще не покончили.

– От вина я откажусь, миссис Маркхем, – сказал мистер Миллуорд, когда подали вино. – Лучше налейте мне вашего домашнего эля. Я его предпочитаю всем другим напиткам.

Весьма польщенная таким комплиментом, матушка дернула сонетку и вскоре перед достойным пастырем уже стоял фарфоровый кувшин нашего лучшего эля, тонким ценителем которого он был.

– Вот питье так питье! – вскричал он, ловко наклоняя кувшин так, что струя лилась точно в стакан и весело пенилась. На стол при этом не пролилось ни капли. Затем стакан был поднят к свече, священник полюбовался его содержимым, осушил одним огромным глотком, одобрительно причмокнул, перевел дух и снова его наполнил под одобрительным взглядом моей матушки.

– Нет, с ним ничто не сравнится, миссис Маркхем! – сказал он. – Я так всюду и говорю: с вашим домашним элем ничто не сравнится!

– На здоровье, сэр! Я ведь варкой всегда сама распоряжаюсь. И как сыр варят, и как масло сбивают, тоже приглядываю. Если уж что делать, так как следует, вот что я вам скажу.

– Вы совершенно правы, миссис Маркхем. Совершенно правы.

– Но, мистер Миллуорд, ведь ничего дурного нет в том, чтобы иной раз выпить винца или даже чего-нибудь покрепче, правда? – спросила матушка, подавая стопку джина с водой миссис Уилсон, которая пожаловалась, что вино тяжело ложится ей на желудок. (Ее сын Роберт, перехватив бутылку, налил себе чистого джина.)

– Ну разумеется, – ответил оракул, величественно кивнув. – Все это блага и дары Провидения, только не надо ими злоупотреблять.

– А вот миссис Грэхем так не думает. Вы бы послушали, что она нам тут наговорила! Я ее тогда же предупредила, что посоветуюсь с вами.

И матушка незамедлительно познакомила общество с заблуждениями упомянутой дамы касательно употребления спиртных напитков, заключив свое повествование вопросом:

– Ведь, по-вашему, это неверно, ведь так?

– Неверно? – повторил священник с особой торжественностью. – Преступно, вот что это! Преступно. Она же не только тиранит мальчика, но презирает дарованные нам блага и учит его попираť их ногами!

Он вошел во вкус и принялся подробно растолковывать всю опасность и кощунственность подобных взглядов. Матушка внимала ему с глубочайшим благоговением, и даже миссис Уилсон снизошла до того, что дала отдохнуть своему языку, и слушала молча, мирно прихлебывая джин. Мистер Лоренс, положив локти на стол, поигрывал недопитой рюмкой и чему-то улыбался.

– Но согласитесь, мистер Миллуорд, – сказал он, когда преподобный джентльмен прервал наконец свою проповедь, чтобы перевести дух, – что в тех случаях, когда в ребенке заложена склонность к неумеренности, например, по вине его родителей и дедов, некоторые меры предосторожности могут оказаться нелишними? (Следует объяснить, что, по слухам, отец Лоренса сократил свой жизненный срок неумеренным пристрастием к крепким напиткам.)

– Возможно, возможно, но умеренность – это одно, сэр, а полное воздержание – совсем другое!

– Но я слышал, что есть люди, неспособные вовремя остановиться. Если полное воздержание – и зло, хотя многие в этом сомневаются, то злоупотребление – еще большее зло, этого отрицать нельзя. Некоторые родители строго-настрого запрещают своим детям даже пригубливать спиртные напитки. Но родительская власть не беспредельна, дети склонны тянуться к запретному плоду. А в подобном случае у ребенка не может не пробудиться сильного желания попробовать то, что другие так хвалят и любят, то, что для него находится под запретом, и при первом же удобном случае он это желание удовлетворит, последствия же такого нарушения могут быть чрезвычайно серьезны. Я не считаю себя судьей в подобных вопросах, но мне кажется, что план миссис Грэхем, о котором вы рассказали, миссис Маркхем, обладает немалыми достоинствами, несмотря на всю его странность. Ведь мальчик сразу же избавляется от соблазна. Его не мучает тайное любопытство, не снедает нетерпеливое желание попробовать соблазнительные напитки – ведь он уже хорошо с ними знаком и успел проникнуться к ним отвращением, нисколько не пострадав от вредных их свойств.

– И это хорошо, сэр? Разве я не доказал вам, насколько дурно, насколько противно Писанию и разуму учить ребенка смотреть с презрением и отвращением на дары Провидения, вместо того чтобы пользоваться ими в меру?

– Возможно, сэр, вы считаете опий даром Провидения, – возразил с улыбкой мистер Лоренс, – но, согласитесь, вряд ли многим следует употреблять его, даже в умеренности. Однако, – добавил он, – мне не хотелось бы, чтобы вы приняли мое уподобление слишком буквально, а потому я допью свою рюмку.

– И выпьете еще одну, мистер Лоренс? – сказала матушка, подталкивая к нему бутылку.

Но он мягко отказался, чуть-чуть отодвинулся от стола, откинулся на спинку, обернулся ко мне (мы с Элизой Миллуорд сидели на диване позади него) и небрежно спросил, знаком ли я с миссис Грэхем.

– Я видел ее раза два.

– И что вы о ней думаете?

– Не скажу, что она мне очень понравилась. Она красива, а вернее сказать, обладает благородной и интересной внешностью, но далеко не любезна, склонна, как мне кажется, к нетерпимости и, раз составив какое-то мнение, будет отстаивать его любой ценой вопреки очевидности, насильственно приводя все в согласие со своими предубеждениями. Нет, на мой вкус в ней слишком много ожесточенности, умничания и едкости.

Он промолчал, отвел глаза и закусил нижнюю губу, а через минуту-другую встал и направился к мисс Уилсон, которая, полагая, влекла его к себе столь же сильно, как я отталкивал. В то время я не придавал его словам ни малейшего значения, но впоследствии вспомнил их вместе с множеством таких же пустяков, когда... Но не буду забегать вперед.

Вечер мы заключили танцами – наш достойный пастырь не считал, что подобное развлечение в его присутствии неуместно, хотя мы даже наняли деревенского скрипача. Однако Мэри

Миллуорд не пожелала к нам присоединиться, как и Ричард Уилсон, хотя матушка всячески его уламывала и даже обещала сама быть его дамой.

Впрочем, мы прекрасно обходились без них. После кадрили начались контрдансы, время летело незаметно, и был уже довольно поздний час, когда я крикнул скрипачу, чтобы он заиграл вальс. Но прежде чем я успел закружить Элизу в этом восхитительном танце, а Лоренс с Джейн Уилсон и Фергес с Розой – последовать нашему примеру, мистер Миллуорд остановил нас:

– Нет-нет, этого я не допущу! Да уже пора и по домам.

– Ну, папочка! – жалобно сказала Элиза.

– Время позднее, девочка, нам пора! Помни, умеренность и послушание во всем. Ведь сказано: «Кротость ваша да будет известна всем человекам!»

В отмщение я последовал за Элизой в тускло освещенную прихожую и, делая вид, будто помогаю ей накинуть шаль, боюсь, сорвал быстрый поцелуй за спиной ее родителя, пока он укутывал шею и подбородок толстым шарфом. Но, увы! Обернувшись, я узрел перед собой матушку. И, едва наши гости удалились, был подвергнут суровому выговору, который угасил мою веселость и испортил все удовольствие от вечера.

– Мой дорогой Гилберт! – сказала она. – Зачем ты так себя ведешь? Ты ведь знаешь, как близко к сердцу я принимаю твое благо, как я люблю и ценю тебя превыше всего в мире, как надеюсь увидеть тебя преуспевающим, счастливо устроенным в жизни и каким горем для меня будет, если ты женишься на этой девчонке, да и на любой другой в здешних местах. Что ты в ней видишь, я просто понять не могу! Нет, я не только о том, что у нее нет за душой ни гроша. Ни красоты, ни благоразумия, ни добрых душевных качеств – ну, словом, ничего хорошего. Если бы ты знал себе цену, как знаю я, ты и думать о ней не стал бы. Подожди немножко, и сам увидишь! Если будешь и дальше слеп к тому, какова она на самом деле, то придется тебе всю жизнь раскаиваться, когда откроешь глаза и увидишь, сколько вокруг куда более достойных девиц. Помяни мое слово!

– Ах, мама, ну довольно же! Терпеть не могу нотаций. Жениться я пока не собираюсь, ты же знаешь. Но неужели мне и поразвлечься нельзя?

– Можно, милый мой мальчик, конечно, можно. Но только по-другому. А так вести себя нельзя. Будь она хорошей девушкой, ты ее оскорбил бы. Но она-то – хитрая дрянь, уж поверь мне, и ты опомниться не успеешь, как угодишь в ловушку. А если ты все-таки женишься на ней, Гилберт, то разобьешь мое сердце, так ты и знай!

– Да не плачь же, мама, – сказал я, потому что у нее из глаз уже покатались слезы. – Дай-ка я тебя поцелую и сотру тот поцелуйчик. Не брани Элизу и успокойся. Обещаю тебе, что я никогда... То есть что я хорошенько подумаю, прежде чем решиться на то, чего ты серьезно не одобряешь.

С этими словами я зажег мою свечу и отправился к себе в сильном унынии.

Глава V

Мастерская

Только под конец ноября я все-таки сдался на просьбу Розы и согласился отправиться с ней в Уайлдфелл-Холл. К нашему удивлению, первое, что мы увидели, когда нас ввели в комнату, был мольберт, возле которого стоял стол, заваленный свернутыми в трубку холстами, пузырьками с лаком, кистями, красками и еще всякой всячиной. Лежала там и палитра. К стене были прислонены незаконченные наброски и несколько завершенных картин – почти только пейзажи, некоторые с фигурами.

– Я должна извиниться, что принимаю вас у себя в мастерской, – сказала миссис Грэхем. – Но в гостиной камин не затоплен, а сегодня холодно, и нам было бы там неуютно.

Освободив два стула от холстов, она пригласила нас сесть, а сама вернулась на свое место у мольберта и во время разговора иногда поворачивалась к нему и даже делала мазок-другой, словно была не в силах совсем отвлечься от новой картины и сосредоточить внимание на гостях. Это был вид Уайлдфелл-Холла на заре с нижнего луга – его темная громада четко вырисовывалась на фоне серебристо-голубого неба с двумя-тремя алыми полосками у горизонта. Верность натуре не оставляла желать ничего лучшего, и написана картина была с большим вкусом.

– Как вижу, вам трудно оторваться от вашей работы, миссис Грэхем, – сказал я. – Умоляю вас, продолжайте, иначе мы окажемся в положении непрошенных и назойливых посетителей!

– Нет-нет! – ответила она, бросая кисть на стол, словно внезапно вспомнив о требованиях вежливости. – Мой дом не так уж часто осаждают визитеры, чтобы я не нашла нескольких минут для тех, кто потрудился навестить меня.

– Но ведь картина совсем окончена, – сказал я, подходя к мольберту и старательно скрывая, какой восторг и удивление она у меня вызвала. – По-моему, вам осталось только кое-где подправить передний план. Но почему вы подписали ее «Фернли-Мэнор, Кэмберленд», а не «Уайлдфелл-Холл, ...шир»? – спросил я, прочитав надпись мелкими буквами в уголке холста, и тут же почувствовал, что допустил непростительную дерзость: миссис Грэхем покраснела, замялась и после паузы ответила с какой-то вызывающей откровенностью:

– Потому что у меня есть друзья... вернее, знакомые, от которых я предпочла бы скрыть, где живу теперь, а так как картина может попасться им на глаза и они могут узнать мою манеру, хотя инициалами она помечена неверными, то на всякий случай я дала ей и неверное название, чтобы сбить их со следа, если они попробуют отыскать меня с ее помощью.

– А, так себе вы ее не оставите? – спросил я, только чтобы переменить тему.

– Нет. Я не могу заниматься живописью только для развлечения.

– Мама посылает все свои картины в Лондон, – сказал Артур, – а там их кто-то продает и присылает нам денежки.

Я начал рассматривать другие полотна: прелестный вид Линден-Хоупа с вершины холма, Уайлдфелл-Холл, залитый солнечным светом в тихий летний день. И простенький, но производящий большое впечатление набросок: ребенок на осеннем лугу грустно наклоняет голову к увядшему букетику полевых цветов под тусклым пасмурным небом, а вдаль темнеет гряда низких холмов.

– Как видите, выбор сюжетов не очень богат, – сказала прекрасная художница. – Я уже написала старый дом при лунном свете, и, наверное, придется вернуться к нему в снежный зимний день, а потом и в пасмурный вечер. Ведь здесь попросту больше нечего писать. Мне говорили, что где-то неподалеку есть чудесный вид на море. Это верно? И на достаточно близком расстоянии, чтобы туда можно было добраться пешком?

– Да, если вы готовы пройти четыре мили или около того. То есть туда и обратно почти восемь, да к тому же по тяжелой дороге.

– Но где она?

Я принялся как мог подробнее объяснять, в каком направлении, через какие луга, какими тропами и тропками можно выйти на дорогу к морю, где свернуть вправо, а где влево, но миссис Грэхем перебила меня:

– Ах, не надо! Повремените. Я ведь успею забыть все ваши объяснения до того, как сумею ими воспользоваться. Отправиться туда я думаю весной, и вот тогда, быть может, снова задам вам этот вопрос. Но впереди еще зима и... – Внезапно она с испуганным восклицанием вскочила со стула, поспешно извинилась и выбежала из комнаты, плотно притворив за собой дверь.

Любопытствуя узнать, что ее так напугало, я поглядел в окно – несколько секунд назад она обратила на него небрежный взгляд, – но успел разглядеть только фалды сюртука, тотчас исчезнувшие за густым остролистом, заслонявшим крыльцо.

– Это мамин друг, – сказал Артур.

Мы с Розой переглянулись.

– Я совершенно ее не понимаю, – шепнула Роза.

Мальчик поглядел на нее с недоумением, и она начала болтать с ним о всяких пустяках, а я от нечего делать продолжал рассматривать картины. В темном углу я обнаружил не замеченное мною раньше полотно, изображавшее маленького ребенка, который сидел на траве, держа охапку цветов. Большие синие глаза, сияющие сквозь завесу упавших на лоб каштановых кудрей, были настолько похожи на глаза маленького джентльмена, развлекающего мою сестрицу, что это мог быть только портрет Артура в самом нежном возрасте.

Я поднял его, чтобы рассмотреть на свету, и увидел, что за ним стоит еще одно полотно, повернутое к стене. Я позволил себе и его повернуть к свету. Это оказался портрет красивого джентльмена в самом расцвете молодости, довольно недурно выполненный. Однако если он принадлежал той же кисти, что и остальные, то писался задолго до них, так как в изображении второстепенных деталей проглядывала старательность и ему не хватало чистоты колорита и свободы исполнения, которые так поразили и пленили меня в них. Тем не менее разглядывал я его с большим интересом. В чертах лица, в их выражении было что-то своеобразное, указывающее на верность оригиналу. Ярко-синие глаза смотрели на зрителей с веселым лукавством – так и чудилось, что они вот-вот подмигнут, губы, пожалуй чуть-чуть чувственно-пухлые, готовы были сложиться в беззаботную улыбку, розовые щеки обрамлялись пышными рыжеватыми бакенбардами, каштановые волосы ниспадали на лоб крутыми завитками, но слишком низко, словно оригинал портрета гордился своей красотой много больше, чем умом. На что, возможно, у него были веские причины, хотя он и не производил впечатление глупца.

Я разглядывал портрет не более двух минут, как в комнату вернулась ее прекрасная хозяйка.

– По поводу картин, – сказала она, извиняясь за то, что так неожиданно нас покинула. – Он подождет.

– Боюсь, я позволил себе некоторую дерзость, – сказал я, – решившись посмотреть картину, которую художник повернул к стене. Но нельзя ли спросить...

– О да, сэр, это дерзость, и неизвинительная, а потому не задавайте никаких вопросов, так как ответа на них вы не получите, – перебила она, стараясь улыбкой смягчить свой упрек. Но блеск в ее глазах и краска на щеках показывали, что она рассердилась не на шутку.

– Я хотел только спросить, вы ли его написали, – сказал я обиженно, протягивая ей портрет.

Она выхватила его у меня, быстро поставила на прежнее место лицом к стене, загородила портретом Артура и со смехом повернулась ко мне.

Но меня разбирала досада, и, отойдя к окну, я уставился на унылый сад, а когда они с Розой поговорили минуты две-три, объявил моей сестрице, что нам пора, ласково пожал руку Артуру, холодно поклонился его матери и направился к двери. Однако миссис Грэхем, попрощавшись с Розой, протянула мне руку и сказала ласковым тоном с милой улыбкой:

– Да пройдет ваш гнев до захода солнца, мистер Маркхем! Мне очень жаль, что моя резкость вас обидела.

Когда дама просит извинения, сердиться на нее невозможно, и мы расстались добрыми друзьями – на этот раз я пожал ей руку сердечно, а не злобно.

Глава VI

Дальнейший ход событий

После этого я четыре месяца не переступал порога миссис Грэхем, как и она – моего. Однако женская часть нашего общества не переставала о ней судачить, и наше знакомство, хотя и медленно, все же продолжало развиваться. Что до разговоров, я почти их не слушал (то есть когда они касались прекрасной отшельницы), и все полученные из них сведения свелись к тому, что в одно ясное морозное утро она осмелилась пройтись с сыном до церковного дома, но, к сожалению, не застала никого, кроме мисс Миллуорд. Тем не менее она оставалась там довольно долго, – видимо, у них нашлось о чем побеседовать, и расстались они со взаимным желанием увидеться снова. Впрочем, Мэри любила детей, а нежные маменьки всегда питают слабость к тем, кто восхищается их бесценными чадами.

Однако иногда я видел ее сам – и не только в церкви, но и на холмах, когда она шла с сыном куда-то или же просто в погожие дни прогуливалась по вересковым пустошам и бурым лугам в окрестностях Уайлдфелл-Холла с книгой в руке, а мальчик резвился вокруг нее. И всякий раз, шел ли я пешком, ехал ли верхом, занимался ли делами фермы, я обычно умудрялся нагнать ее или попасться ей навстречу, потому что мне нравилось смотреть на нее и разговаривать с ней и очень нравилось болтать с ее маленьким спутником, который, перестав меня дичиться, оказался очень приветливым, умненьким и забавным малышом, так что скоро мы стали закадычными друзьями – а уж к большому удовольствию маменьки или не слишком большому, сказать не могу. Вначале мне казалось, что она была бы рада вылить ушат холодной воды на завязывающуюся нашу дружбу, так сказать, угасить веселый огонек прежде, чем он успеет разгореться, но в конце концов, несмотря на предубеждение против меня, удостоверившись, что я безобиден, исполнен наилучших намерений, а Артур извлекает из знакомства со мной и моим сеттером много радости, она сменила гнев на милость и даже приветствовала мое появление улыбкой. Артур же весело окликал меня, едва завидев, и бросался ко мне навстречу, обгоняя маменьку шагов на сто. Если я был верхом, то подхватывал его в седло и катал рысью, а то и галопом. Если же я шел пешком, то где-нибудь рядом паслась рабочая лошадь, он отправлялся дальше легкой трусцой, а его маменька обязательно шла рядом – не столько из страха, как бы он не упал, сколько опасаясь, что в ее отсутствие я могу заразить его детским ум какими-нибудь неуместными понятиями. Больше всего она любила, когда он бегал наперегонки с Санчо, а я держался рядом с ней – боюсь, не потому, что ей так уж нравилось мое общество (хотя порой я льстил себя такой мыслью), но потому, что у Артура не было товарищей среди сверстников, и ему редко доводилось бегать и играть на свежем воздухе, как это ни полезно для укрепления детского здоровья. Быть может, радовало ее и то, что, находясь рядом с ней, я не мог причинить мальчику какой-либо вред, прямой или косвенный, намеренно или нечаянно, – доброго же мнения была она обо мне!

Тем не менее, мне кажется, разговоры со мной все-таки были ей приятны. Как-то в ясный февральский день, когда мы минут двадцать прогуливались по вереску, она словно забыла обычную сухую сдержанность, и между нами завязалась оживленная беседа, причем миссис Грэхем говорила с таким воодушевлением, замечания ее были такими меткими и глубокими (к счастью, в обсуждавшемся вопросе наши взгляды совпадали), а выглядела она такой красивой, что я возвращался домой совсем очарованный, и вдруг поймал себя на мысли, что, пожалуй, было бы куда приятней идти рука об руку по жизни с подобной женщиной, чем с Элизой Миллуорд, и тут же, фигурально выражаясь, сгорел от стыда из-за такого моего непостоянства.

Войдя в гостиную, я застал там Розу в обществе Элизы, и неожиданность эта не вызвала у меня положенного восторга. Мы довольно долго болтали, но Элиза вдруг представилась мне

пустенькой и даже скучноватой в сравнении с миссис Грэхем – с ее зрелым умом и загадочным характером. Увы, вот оно человеческое постоянство!

«Впрочем, – рассуждал я про себя, – жениться на Элизе я не могу, раз моя мать настолько против нашего брака, и, следовательно, не должен вводить девушку в заблуждение относительно моих намерений. И если нынешнее мое настроение не рассеется, мне легче будет вырваться из ее шелковых, но крепких силков. Миссис Грэхем, возможно, столь же неприемлема для матушки, но ведь даже врачи, когда иного средства нет, выбирают меньшее зло, чтобы избавить больного от большего. Ведь не влюблюсь же я всерьез во вдовушку, как и она в меня. Об этом и речи нет. Но если ее общество мне приятно, то почему я должен себе в нем отказывать? Если же звезда ее красоты затмит блеск звезды Элизы, тем лучше. Но навряд ли, навряд ли!»

После этого я чуть не каждый погожий день старался оказаться вблизи Уайлдфелл-Холла примерно в тот час, когда моя знакомая обычно выходила из своей уединенной обители. Однако я так часто оказывался обманутым в своих ожиданиях, так капризно выбирала она время прогулок и места их, так мимолетны были наши встречи, что меня все больше начинало преследовать подозрение, уж не прилагает ли она столько же стараний избегать моего общества, сколько я – ища его. Но мысль эта была столь неприятна, что я старался отогнать ее при первой же возможности.

Однажды в тихий ясный мартовский день, наблюдая за выравниванием луга и починкой изгороди в долине, я увидел у ручья миссис Грэхем с альбомом. Она сосредоточенно рисовала, а Артур строил плотины и дамбы поперек каменистого русла, благо тут было совсем мелко. Работа мне надоела, и не мог же я упустить столь редкий случай, а потому, забыв и про луг, и про изгородь, поспешил к ним, но Санчо, разумеется, меня опередил – увидев своего юного приятеля, пес молнией понесся вперед и прыгнул на мальчика с таким восторгом, что опрокинул его почти на середину ручья. К счастью, выступающие между струйками камни уберегли его от воды, а поверхность их была такой гладкой, что он совсем не ушибся, и неожиданное злоключение его только развеселило.

Миссис Грэхем изучала особенности разных деревьев, которые стояли еще по-зимнему обнаженные, и тщательно срисовывала сложные узоры их ветвей резкими, но изящными штрихами. Она молчала, а я как замороженный следил за ее карандашом, за тонкими красивыми пальцами, которые с таким умением подчиняли его намерениям художницы. Но вскоре движения их утратили четкость, стали неуверенными, карандаш чуть дрожал, ошибался, а затем и вовсе замер, художница же подняла голову от альбома и со смехом сказала мне, что мой надзор дурно сказывается на наброске.

– Тогда я поболтаю с Артуром, пока вы не кончите, – сказал я.

– Мистер Маркхем, а вы меня не покатаете, если мама позволит? – попросил мальчик.

– Но ведь я пришел пешком, милый.

– А вон же на лугу лошадь! – И он указал на крепкую черную кобылу, которая тащила каток.

– Нет, нет, Артур, это слишком далеко! – возразила его мать.

Однако я обещал вернуть его целым и невредимым, прокатив по лугу разок-другой, и, поглядев на его молящее личико, она улыбнулась и кивнула. Впервые мне было дозволено увести Артура от нее хотя бы на полширины луга.

Восседаю на могучей спине, как на троне, мальчик медленно двигался вверх и вниз по склону, сияя безмолвной, но безграничной радостью. Однако работа скоро завершилась. Тем не менее, когда я спешил гордого всадника и вернул матери, она как будто досадовала, что я разлучил их слишком надолго. Во всяком случае, альбом был закрыт, видимо, уже несколько минут назад, а лицо ее выражало плохо скрываемое нетерпение.

Им пора домой, сказала она и хотела уже пожелать мне доброго вечера, но я упрямо пошел проводить их. Пока мы поднимались по склону, она стала гораздо приветливее, и я был совсем счастлив, но едва впереди показался угрюмый старый дом, как миссис Грэхем остановилась и обернулась ко мне, словно полагая, что я дальше не пойду, а договорю начатую фразу и мы простимся. Конечно, так и следовало бы сделать, ибо «холодный тихий вечер» быстро «угасал», солнце уже закатилось и в сером небе блестел лунный серп. Но чувство, похожее на сострадание, приковало меня к месту. Меня угнетала мысль, что она сейчас вернется в это уединенное мрачное жилище. Я еще раз взглянул на дом, сурово хмурившийся выше по склону. Нижние окна одного крыла отливали красноватыми отблесками, остальные были темными, а некоторые зияли черными провалами, лишённые не только стекол, но и рам.

– Разве вы не чувствуете себя одинокой среди этого безлюдия в таком неуютном обиталище? – сказал я после минутного молчания.

– Порой чувствую, – ответила она. – В холодные вечера, когда Артур засыпает, и я сижу и слышу, как за стенами воеет ветер и стонет в заброшенных комнатах, ни чтение, ни другие занятия не могут отогнать унылые мысли и дурные предчувствия. Но я понимаю, что это лишь минутная слабость, которой стыдно поддаваться. Если Рейчел жизнь здесь даже по душе, то почему я должна роптать? Напротив, мне следует благодарить судьбу за такое убежище, пока его у меня не отняли!

Последние фразы она произнесла вполголоса, словно просто думала вслух, забыв на мгновение о моем присутствии. А затем простилась со мной, и мы расстались.

Не успел я пройти и сотни шагов, как увидел, что по разбитой дороге, ведущей через вершину холма, спускается на красивом сером жеребчике мистер Лоренс. Я свернул ему навстречу, так как мы уже довольно давно не виделись.

– Вы ведь, кажется, разговаривали сейчас с миссис Грэхем? – спросил он, когда мы поздоровались.

– Да.

– Хм! Я так и подумал... – Он задумчиво устремил взгляд на гриву жеребчика, словно был очень недоволен ею или чем-то еще.

– Ну, и что тут такого?

– Решительно ничего! – ответил он. – Но только мне казалось, что вы ее недолюбливаете! – добавил он, скривив красивые губы в саркастической улыбке.

– Предположим. Но разве человек не имеет права переменить мнение?

– Разумеется, – ответил он, ловко распутывая пышные пряди конской гривы. И вдруг, повернувшись ко мне, устремил на меня пристальный взгляд застенчивых карих глаз, а потом спросил: – Так, значит, вы его переменили?

– Пожалуй, не совсем. Да, по-моему, мое мнение о ней в целом осталось прежним, но несколько смягчилось.

– А! – Он поглядел вокруг, словно ища, чтобы такое сказать, посмотрел на месяц и пробормотал что-то о красоте вечера, но я этого разговора не поддержал, а спросил, спокойно глядя ему прямо в лицо:

– Лоренс, вы влюблены в миссис Грэхем?

Он не только не оскорбился, чего я, по правде сказать, почти ожидал, но после первого секундного удивления, вызванного подобной бесцеремонностью, испустил веселый смешок, словно я сказал что-то необыкновенно забавное.

– Я?! Влюблен в нее? – повторил он. – Откуда вы это взяли?

– Вас что-то слишком интересует развитие моего знакомства с этой дамой и перемена в моем мнении о ней. Вот я и подумал, что вы ревнуете.

– Ревную? Нет! – И он снова засмеялся. – Но мне казалось, что вы подумываете жениться на Элизе Миллуорд.

– И напрасно. Ни на той, ни на другой я жениться не собираюсь!

– В таком случае вам не следует искать их общества.

– А вы подумываете о том, чтобы жениться на Джейн Уилсон?

Он покраснел и снова принялся распутывать гриву, однако ответил:

– Нет.

– В таком случае вам не следует искать ее общества.

«Это она ищет моего!» – Но он ничего подобного не сказал и почти полминуты хранил смущенное молчание, а затем опять попытался переменить разговор, в чем я, сжалившись над ним, его поддержал: еще одно слово на прежнюю тему уподобилось бы соломинке, сломавшей спину верблюду.

К чаю я опоздал, но матушка заботливо оставила чайник и жареный хлеб греться у каминной решетки и, лишь слегка меня побранив, поверила моим объяснениям. Когда же я пожаловался на вкус перестоявшегося чая, вылила его в полоскательницу, а Розе велела поставить воду кипятиться и заварить свежего, что и было исполнено довольно-таки сердито и сопровождалось всякими интересными замечаниями:

– Ну-ну! Опоздай я хоть на полчаса, так обошлась бы вовсе без чая! Даже Фергесу пришлось бы пить что осталось, и помнить, что он и за это должен еще спасибо сказать, негодник эдакий! Но тебе мы не знаем как и угодить! Вот так всегда. Если на обед есть что-нибудь вкусненькое, мама качает головой и подмигивает, чтобы я ни в коем случае не взяла себе и самого маленького кусочка. А стоит мне все-таки протянуть руку, как она шепчет: «Не жадничай так, Роза. Надо, чтобы Гилберту и на ужин осталось!» А в гостиной что? «Роза, побыстрее переодейся. Надо до их возвращения все прибрать и хорошенько растопить камин. Гилберт любит, чтобы огонь пылал ярко!» А на кухне? «Испеки пирог побольше, Роза. Мальчики, наверное, сильно проголодаются! Да не клади столько перца! Не то они не возьмут второй порции!» Или: «Роза, пудинг замешай без специй, Гилберт их не любит», или: «Изюма для кекса не жалея! Фергес очень любит изюм!» А стоит мне сказать, что я-то изюма не люблю, и мне тут же объяснят, как нехорошо думать только о себе. «Знаешь, Роза, занимаясь хозяйством, следует думать только о двух вещах: делать все наилучшим образом, во-первых, и угождать отцам, мужьям, братьям и сыновьям, во-вторых. А женщины обойдутся и так!»

– Очень здравое правило, – заметила матушка. – Вот спроси у Гилберта!

– Во всяком случае, очень для нас удобное, – ответил я. – Но, мама, если ты действительно хочешь мне угодить, то, пожалуйста, чуть больше считайся с собой и со своими удобствами. Роза, уж конечно, сама о себе прекрасно позаботится, а когда принесет мне очередную жертву или ради меня позабудет о себе, то уж постарается довести до нашего сведения всю безмерность ее подвига. Но из-за тебя я могу легко стать отпетым себялюбцем, равнодушным к нуждам других, потому что меня вечно балуют, все мои желания предвосхищаются или мгновенно исполняются. И ведь я даже понятия не имел бы, сколько для меня делается, если бы Роза время от времени не открывала мне на это глаза. И злоупотреблял бы твоей добротой, как чем-то мне положенным, и вовсе не знал бы, скольким я тебе обязан!

– Нет, Гилберт, этого до конца ты так и не узнаешь, пока не женишься. А вот когда обзаведешься легкомысленной, себялюбивой женой, вроде Элизы Миллуорд, которая будет думать только о своих удобствах и удовольствиях, или же упрямой неумехой, вроде миссис Грэхем, которая будет пренебрегать всеми своими обязанностями ради занятий, для женщины вовсе неуместных, вот тогда, тогда ты почувствуешь и поймешь всю разницу!

– Но мне-то это будет только полезно, мама. Ведь я родился не только для того, чтобы другие упражняли на мне свою доброту и прочие прекрасные качества, правда? А для того, чтобы самому их упражнять. И когда я женюсь, мне будет приятнее заботиться о счастье и удобствах моей жены, чем принимать ее заботы. Я предпочитаю давать, а не получать.

– Все это чепуха, милый. Мальчишеская болтовня. Тебе скоро надоест баловать свою жену, потакать любым ее прихотям, какой бы очаровательной она ни была, и вот тут-то все и решится.

– Что же, мы будем стараться облегчать бремя друг друга.

– Вовсе нет! Ты будешь заниматься своим делом, а она, если окажется достойной тебя, займется своим. Но твое дело – угождать себе, а ее – угождать тебе. Лучшего мужа, чем твой дорогой покойный отец, я уверена, никогда в мире не было, но если бы через полгода после свадьбы ему вдруг вздумалось утруждаться ради меня, я бы удивилась так, словно он взмыл птицей в небеса! Он всегда говорил, что я хорошая жена и помню о своем долге. Как и сам он, упокой Господь его душу. Он любил порядок, всегда наблюдал часы, редко сердился без причины, воздавал должное моим обедам, и не припомню случая, чтобы по его вине хоть какое-то кушанье перестоялось. А больше этого ни одна женщина не может ждать ни от одного мужчины.

Глава VII

Пикник

Вскоре в одно прекрасное солнечное утро, когда ноги еще немного вязли в сырой земле, так как последний снег не успел совсем растаять и кое-где тянулся серыми полосками или белил свежую зеленую травку под изгородями, а из темных листочков уже поднимали нежные головки первоцветы и жаворонок пел в небе о весне, надежде, любви и других небесных радостях, я наслаждался всеми этими прелестями на склоне холма, куда пришел взглянуть, не нужно ли помочь новорожденным ягнятам и их маткам. Как вдруг, обводя взглядом окрестности, увидел, что на холм поднимаются трое – Элиза Миллуорд, Роза и Фергес. Я пошел им навстречу, услышав, что они направляются в Уайлдфелл-Холл, объявил, что готов их проводить туда, и предложил свою руку Элизе, сказав Фергесу, что он теперь может спокойно вернуться домой.

– Прощу прощения! – вскричал мой братец. – Это не я их сопровождаю, а они меня! Вы все насмотрелись на эту загадочную красавицу, и я больше не желаю один оставаться в неведении. Любопытство меня так замучило, что я уговорил Розу сию же минуту пойти со мной в Уайлдфелл-Холл и представить меня ей. А Роза заявила, что без мисс Элизы не пойдет туда. Я сбегал за ней, и всю дорогу мы шли под ручку, как нежные влюбленные, а теперь ты отнял ее у меня и к тому же хочешь, чтобы я остался и без прогулки, и без возможности нанести задуманный визит! Нет уж, лучше ты убирайся на свой луг к своим овцам, деревенщина! Тебе ли втираться в общество благородных девиц и их кавалеров, у которых только и дела, что навещать соседей, заглядывать во все потаенные уголки у них в доме, вынюхивать их секреты да перемывать им косточки, если на наш вкус они еще плохо вымыты. Тебе не понять столь утонченные забавы!

– А нельзя ли вам обоим пойти? – спросила Элиза, пропустив мимо ушей вторую половину его монолога.

– Конечно! Идемте все вместе! – воскликнула Роза. – Чем больше, тем веселее. А веселья нам потребуется немало, чтобы уж совсем не приуныть в этой огромной, темной, мрачной комнате с узенькими окнами и мелкими стеклышками. Разве что она опять примет нас у себя в мастерской!

И мы отправились дальше всей честной компанией. Тощая старуха служанка проводила нас именно в ту комнату, о которой Роза рассказывала мне после их с матушкой визита к миссис Грэхем. Она была достаточно благородных пропорций, но старинные окна пропускали мало света, потолок, стены и каминная полка были все из старого потемневшего дуба. Каминную полку украшала замысловатая, но безвкусная резьба, под стать ей были столы и стулья, а также ветхий книжный шкаф с самыми разными книгами по одну сторону камина и старенькое фортепьяно – по другую.

Хозяйка дома сидела в жестком кресле с высокой спинкой перед круглым столиком, на котором стояли пюпитр и рабочая корзинка, а Артур, опираясь локтем на ее колено, с удивительной беглостью и выразительностью читал ей вслух, придерживая небольшой томик на другом ее колене. Она же, положив ладонь ему на плечо, рассеянно поигрывала длинными кудрями, ниспадавшими на его белую шейку. Это была очаровательная картина, приятно контрастировавшая с окружающей обстановкой, но, разумеется, я успел ее увидеть только в тот краткий миг, когда Рейчел распахнула перед нами дверь. Едва мы вошли, как Артур закрыл книгу, а его мать поднялась нам навстречу.

Мне показалось, что миссис Грэхем не слишком нам обрадовалась: в ее вежливом спокойствии прятался какой-то не поддающийся описанию холод. Впрочем, я почти с ней не разговаривал, а, устроившись у окна, чуть в стороне от остальных, подозвал к себе Артура, и мы

втроем с Санчо проводили время очень приятно, пока барышни допекали его мать светской болтовней, а Фергес сидел напротив них, заложив ногу на ногу, засунув руки в карманы и развалившись в кресле. Он то поглядывал на потолок, то вперял глаза в хозяйку дома с бесцеремонностью, вызывавшей у меня неодолимое желание дать ему хорошего пинка и вышвырнуть вон из комнаты, то принимался тихонько насвистывать любимый мотивчик, то вмешивался в разговор, то заполнял паузу каким-нибудь развязным замечанием или вопросом. Вот, например:

– Поражаюсь, миссис Грэхем, с чего вам вздумалось поселиться в этих древних развалинах? Если вам было не по карману арендовать Уайлдфелл-Холл целиком и сделать все необходимые починки, почему вы не сняли уютный домик?

– Может быть, причиной моя гордость, мистер Фергес, – ответила она с улыбкой. – А может быть, эта романтическая старина дорога моему сердцу. К тому же мое старинное жилище имеет множество преимуществ перед уютным домиком. Во-первых, как вы замечаете, комнаты просторны и в них гораздо больше воздуха, во-вторых, свободные помещения, за которые я не плачу, можно использовать как кладовые, не говоря уж о том, что мой сын бегают и играет там в дождливые дни, когда не может выйти погулять. И еще сад, где он резвится в хорошую погоду, а я работаю. Вот взгляните, я уже немного привела его в порядок, – продолжала она, оборачиваясь к окну. – Грядки в том углу, а вон там распустились подснежники и первоцветы, и желтые крокусы уже открывают свои венчики на солнечной лужайке.

– Но все же, как вы способны выносить такое уединение? До ближайших соседей две мили, и никто к вам не заглядывает, даже мимо не проходит? Роза быстро бы с ума спятила на вашем месте. Она умирает с тоски, если ей не удастся увидеть в течение дня полдюжину новых платьев и шляпок. Не говоря уж о лицах под их полями. Но у ваших окон можно просидеть до ночи и не увидеть даже старухи с корзиной яиц на продажу.

– Уединенное местоположение, пожалуй, больше всего меня и привлекло. Наблюдать за прохожими мне не нравится, и я люблю тишину и покой.

– О! Так, значит, вам было бы приятнее, если бы мы остались дома и не докучали вам!

– Вовсе нет. Широкие знакомства мне не по душе, но моих друзей я время от времени рада видеть. Никто не способен находить счастье в вечном одиночестве. Поэтому, мистер Фергес, если вы входите в мой дом как друг, добро пожаловать, но если нет, признаюсь откровенно, я предпочла бы обойтись без вашего визита! – И, повернувшись к Розе с Элизой, она продолжала разговор, который он перебил.

– Миссис Грэхем! – не выдержал он пять минут спустя. – По дороге сюда мы вели спор, который вы могли бы сразу разрешить, так как были его предметом. Правду сказать, мы частенько о вас спорим, ведь кое у кого здесь только одно занятие и есть – обсуждать дела ближних. Но мы выросли и распустились на здешних лугах, знаем друг друга с незапамятных времен, обо всем наговорились вдосталь, и нам все это смертельно надоело. Незнакомая особа, оказавшаяся в наших местах, добавляет свежую влагу в пересохшие источники наших развлечений. Так вот, вопрос или вопросы, которые вы можете разрешить, таковы...

– Да замолчи ты! – вскричала Роза, вне себя от злости и стыда.

– И не подумаю. Значит, вам следует разрешить такие недоумения: во-первых, относительно вашего рождения, а также происхождения и места прежнего жительства. Одни утверждают, что вы иностранка, другие – что вы англичанка, третьи соглашаются с ними, но спорят, с севера вы или с юга, а четвертые...

– Что же, мистер Фергес, я вам отвечу. Я англичанка и не понимаю, какие могут быть основания сомневаться в этом. Родилась же я в краю, расположенном не на самом севере, но и не на самом юге нашей счастливой страны. Там же я провела большую часть моей жизни. Надеюсь, вы удовлетворены, так как в настоящую минуту я больше не расположена отвечать на вопросы.

– Кроме вот этого...

– Нет-нет, без всяких исключений! – ответила она со смехом и, быстро поднявшись с кресла, отошла в поисках спасения к окну, где сидел я, и заговорила со мной, несомненно, только для того, чтобы избавиться от навязчивости моего брата.

– Мистер Маркхем! – сказала она поспешно, а прерывистое дыхание и краска на щеках выдавали ее волнение. – Вы еще не забыли наш разговор о прекрасном виде на море? Вот теперь я злоупотреблю вашей любезностью и попрошу еще раз объяснить мне, как найти дорогу туда. Если эта прекрасная погода не переменится, я, пожалуй, побываю там с альбомом. Остальные сюжеты я все уже истощила, и мне не терпится отправиться туда.

– Ах, Гилберт, ничего не объясняй! – вскричала Роза, когда я было открыл рот, чтобы исполнить просьбу нашей хозяйки. – Мы ее туда проводим! Вы же говорите о... бухте, миссис Грэхем? До нее ведь очень далеко. Даже для вас. А об Артуре и речи быть не может. Но мы давно решили устроить там пикник, и только согласитесь обождать, пока не установится теплая погода, а мы все будем ужасно рады, если вы составите нам компанию!

Бедная миссис Грэхем с расстроенным видом попыталась отказаться, но Роза, то ли из сострадания к ее скучному одиночеству, то ли из желания завязать с ней более тесное знакомство, ничего не желала слушать и находила ответ на каждое возражение. Общество, сказала она, будет самое малочисленное – никого, кроме ближайших друзей, к тому же самый красивый вид открывается с... утесов, но до них целых пять миль.

– Отличная прогулка для джентльменов, – продолжала Роза. – А мы будем то идти пешком, то ехать в коляске. В нашей коляске хватит места и для маленького Артура, и для трех из нас, и для ваших рисовальных принадлежностей, и для провизии.

В конце концов приглашение было принято, и несколько минут спустя, окончательно условившись о времени пикника и о некоторых других частностях, мы попрощались и отправились восвояси.

Однако был еще март, апрель выдался холодный и дождливый, и прошла половина мая, прежде чем мы осмелились привести свой план в исполнение, уже не опасаясь, что удовольствие от красивых видов, приятного общества, морского воздуха, долгой прогулки и веселого пикника будет испорчено холодным ветром, раскисшими дорогами и пасмурным небом. И вот в одно великолепное утро наш небольшой отряд собрался и тронулся в путь. Состоял он из миссис Грэхем и мастера Грэхема, Мэри и Элизы Миллуорд, Джейн и Ричарда Уилсонов, а также Розы, Фергеса и Гилберта Маркхемов.

Мистер Лоренс получил приглашение присоединиться к нам, но по причине, известной только ему одному, не пожелал его принять. Позвал его я, и он сначала осведомился, из кого состоит наша компания. Когда я назвал мисс Уилсон, он, казалось, уже собрался дать согласие, но тут я в своем перечислении дошел до миссис Грэхем, полагая, что это подбавит ему решимости, однако ошибся: у него оказалось какое-то неотложное дело. И, признаюсь, я почему-то обрадовался, хотя не берусь объяснить почему.

До места мы добрались часа в два. Всю дорогу миссис Грэхем прошла пешком, да и Артура лишь редко удавалось усадить в коляску – за эти месяцы он сильно окреп и не желал ехать с незнакомыми людьми, пока те, кого он знает и любит, – его мама, Санчо и мистер Маркхем с мисс Миллуорд – весело гуляют: то далеко отстают, то идут напрямик через луга по удобным тропкам.

У меня остались самые чудесные воспоминания об этой прогулке – по выбеленной солнцем дороге, кое-где затененной деревьями в уборе молодой листвы, между благоухающими живыми изгородями, по майским зеленеющим лугам в коврах душистых цветов. Правда, рядом со мной не было Элизы: она предпочла прокатиться в коляске с подругами, и я мог только пожелать ей столько же удовольствия, сколько получал сам. И даже когда мы пятеро свернули на прямую тропинку, а коляска скрылась из виду за деревьями, я не испытал ни малейшей

ненависти к этим последним за то, что они заслонили от меня прелестную шляпку и шаль и разлучили меня с моим счастьем. Честно говоря, я был счастлив идти рядом с миссис Грэхем и ничуть не огорчился, что Элизы Миллуорд с нами нет.

Правда, первое время она самым досадным образом разговаривала только с Мэри Миллуорд и Артуром, который шел между ними. Однако чуть дорога становилась шире, как миссис Грэхем оказывалась между сыном и мной, а Ричард Уилсон занимал позицию рядом с Мэри Миллуорд, Фергес же то уходил вперед, то останавливался, как ему взбрело на ум. Но затем она начала отвечать на мои вопросы и замечания, и вскоре мне удалось совершенно завладеть ее вниманием. Вот тогда-то я почувствовал себя безоблачно счастливым, тем более что мне очень нравилось ее слушать. Когда наши мысли и мнения совпадали, меня восхищал ее тонкий ум, изящный вкус, глубокие чувства, если же мы в чем-то не соглашались, смелость и твердость, с какой она доказывала или защищала свою точку зрения, ее убежденность в своей правоте воспламеняли мое воображение. И даже когда я сердился на какие-нибудь ее язвительные слова, пренебрежительный взгляд или безжалостные упреки по моему адресу, то сердился лишь на себя за то, что не сумел произвести на нее благоприятное впечатление, и загорался желанием представить ей свой характер и склонности в более выгодном свете, а если удастся, то и заслужить ее уважение.

Наконец мы добрались до цели. Долгое время громоздившиеся впереди крутые холмы заслоняли от нас даль, но вот мы поднялись на высокий гребень и внезапно увидели далеко внизу ослепительное синее море! Чуть лиловатое к горизонту, оно не было зеркальным – его покрывали белые барашки, казавшиеся с такого расстояния настолько маленькими, что их нелегко было отличить от чаек, которые кружили над ними, сверкая на солнце белыми крыльями. Море казалось пустынным, лишь в отдалении виднелись два суденышка.

Я взглянул на мою спутницу, желая узнать, какое впечатление произвел на нее этот дивный вид. Она не произнесла ни слова, но взгляд, устремленный на безбрежную синеву, самая неподвижность ее позы сказали мне, что ожидания ее не обманули. Да, кстати, глаза у нее были чудесные. Не помню, описывал ли я их тебе раньше, но все равно: большие, ясные, полные чувства, они были темными, но не карими, а темно-серыми, почти черными. С моря дул освежающий бриз – ласковый, чистый, целительный. Он играл ее локонами, заставил заалеть губы и вызвал нежный румянец на обычно бледных щеках. Он бодрил и веселил, и я чувствовал, как пьянящая радость разливается по моим жилам, но не осмеливался поддаться ей, чтобы не отвлечь миссис Грэхем от этого замороженного созерцания. Однако та же радость отразилась и на ее лице, наши взгляды встретились, и мы словно обменялись улыбкой ликующего восторга и понимания. Никогда еще она не выглядела такой красивой, никогда еще мое сердце не рвалось к ней с таким пылом. Если бы мы чуть дольше простояли так, я бы уже не мог за себя ручаться. Но, к счастью для моего самообладания, а может быть, и для счастливого продолжения этого дня, нас позвали к столу, которым служил большой плоский камень, укрытый от жаркого солнца нависающей скалой и деревьями. Роза, мисс Уилсон и Элиза, приехавшие в коляске несколько раньше нас, успели уставить его всякими яствами.

Миссис Грэхем села в стороне от меня, а моей соседкой оказалась Элиза, которая была со мной мила и ласкова даже более обыкновенного – и, наверное, столь же обворожительна, как всегда, если бы я только был в настроении заметить это. Впрочем, довольно быстро я вновь подпал под ее обаяние, и, насколько мог судить, наша трапеза на вольном воздухе прошла очень весело и приятно.

Когда она наконец завершилась, Роза, заручившись помощью Фергеса, принялась убирать в корзинки столовые приборы, тарелки и прочее, а миссис Грэхем взяла свой складной стул, карандаши и альбом, попросила мисс Миллуорд не спускать глаз с ее драгоценного сына, а ему строго-настрого велела не отходить от своей временной опекунши и направилась вверх по каменистой тропке к высокой площадке у самого обрыва, откуда вид был даже еще велико-

лепнее. Именно там решила она расположиться с альбомом, хотя барышни наперебой ее отговаривали – уж очень это страшное место.

Мне почудилось, что без нее веселье разом угасло, хотя она, казалось, не вносила в него никакой лепты. Ни разу не пошутила и даже ни разу не засмеялась. Но ее улыбка питала мою веселость, а одно-единственное меткое слово или тонкое замечание словно обостряли мою наблюдательность и придавали особый интерес тому, что говорили или делали остальные. Даже моя болтовня с Элизой вдохновлялась ее присутствием, хотя я этого и не подозревал. Но стоило ей уйти, как шутливость Элизы перестала меня забавлять и вызывала только томительную скуку. И развлекать ее мне больше не хотелось. Меня неудержимо влекло туда, где в отдалении прекрасная художница совсем одна склонялась над альбомом. И я недолго противился искушению. Стоило моей миниатюрной соседке на минуту повернуться к мисс Уилсон, как я вскочил и ловко ускользнул прочь. Вскоре я уже карабкался по камням и через несколько минут оказался на узком уступе, стеной обрывавшемся к каменной россыпи у воды.

Миссис Грэхем не услышала моих шагов и вздрогнула, как от электрического разряда, когда на открытый лист легла чья-то тень. Она стремительно обернулась. (Любая другая моя знакомая непременно громко взвизгнула бы от неожиданности.)

– А, это вы! Зачем вам понадобилось меня пугать? – сказала она с некоторым раздражением. – Терпеть не могу, когда меня вот так застают врасплох.

– Право, вы несправедливы, – ответил я. – Если бы мне в голову пришло, что я могу вас напугать, то, конечно, я был бы более осторожен...

– Все пустяки. Но почему вы пришли? Или они все идут сюда?

– Нет. Впрочем, на этой площадке всем никак не уместиться.

– И очень хорошо. Я устала от разговоров.

– Ну, тогда я буду молчать. Только сяду и буду смотреть, как вы рисуете.

– Но вы же знаете, как я этого не люблю.

– Хорошо, я удовлетворюсь тем, что буду любоваться этим чудесным видом.

Она ничего не возразила и некоторое время молча склонялась над своим рисунком. Однако я не мог удержаться и часто переводил взгляд с неба и волнующегося моря на изящную белую руку, державшую карандаш, на красивую шею и пышные черные локоны, почти касавшиеся альбома.

«Вот будь у меня карандаш и лист бумаги, – думал я, – а также умение точно запечатлеть в линиях то, что вижу, мой набросок был бы куда прекраснее!»

Хотя о подобном торжестве я мог только мечтать, мне было вполне достаточно тихо сидеть подле нее и молчать.

– Вы еще здесь, мистер Маркхем? – сказала она, наконец оглядываясь. (Я сидел на мшистом камне чуть позади нее.) – Почему вы не вернулись к своим друзьям? Там ведь вам было бы гораздо веселее.

– Потому что мне, как и вам, они надоели. И я успею наглядеться на них завтра и в любой другой день. Но кто знает, когда мне снова выпадет счастливый случай увидеть вас?

– Когда вы уходили, что делал Артур?

– Сидел возле мисс Миллуорд, как вы ему и велели, но все время спрашивал, скоро ли вернется мамочка. Да, кстати, мне вы его не доверили, – добавил я с досадой, – хотя я имею честь быть с вами знакомым много дольше! Но, правда, мисс Миллуорд обладает способностью утешать и забавлять детишек, – продолжал я небрежным тоном. – Благо ничем другим она похвастать не может.

– Мисс Миллуорд обладает многими прекрасными качествами, но такими, каких вам оценить не дано. Вы не скажете Артуру, что я приду через несколько минут?

– В таком случае я с вашего разрешения останусь на эти минуты тут и помогу вам спуститься с крутизны.

- Благодарю вас, но в подобных случаях я предпочитаю обходиться без помощи.
- Так я хотя бы понесу ваш стул и альбом.

В этой милости она мне не отказала, но меня обидело ее нескрываемое желание избавиться от моего общества, и я даже пожалел о своей настойчивости, но затем она смягчила мой гнев, посоветовавшись со мной об одной трудности. К счастью, мое мнение показалось ей уместным, в рисунок тут же было внесено необходимое изменение.

– Мне часто недостает чужого суждения, – сказала она. – Когда мое зрение и мысли слишком долго сосредоточены на каком-то предмете, я перестаю им доверять.

– Это лишь одно из многих зол, которыми чревато одиночество, – заметил я.

– Совершенно справедливо, – отозвалась миссис Грэхем, и воцарилось молчание.

Минуты через две она, однако, прервала его, сказав, что кончила, и закрыла альбом.

Вернувшись к месту пикника, мы нашли там лишь троих его участников – Мэри Миллуорд, Ричарда Уилсона и Артура Грэхема. Более юный джентльмен сладко спал, положив голову на колени барышни, а джентльмен постарше сидел рядом с ней с томиком какого-то латинского автора в руке. Он никуда не ходил без такого спутника, стараясь при всяком удобном случае продолжать занятия. Каждая минута казалась ему потерянной, если не была посвящена учению или не отнималась физической необходимостью поддерживать жизнь в теле. Вот и теперь он не предался наслаждению чистым воздухом и благодетельным солнечным теплом, несравненным пейзажем, баюкающей музыкой волн внизу и ветерка в деревьях, и даже обществом барышни рядом с ним (хотя, бесспорно, не такой уж очаровательной). Нет, он должен был уткнуться в книгу, чтобы всемерно использовать время, пока его желудок переваривал отнюдь не обильный обед, а усталые члены отдыхали после непривычно долгой прогулки.

Впрочем, быть может, он все-таки порой обменивался взглядом или словом со своей соседкой. Во всяком случае, она не только не казалась обиженной, но, когда мы подошли к ним, ее невзрачные черты дышали безмятежной веселостью, и она смотрела на его бледное сосредоточенное лицо с несомненным благоволением.

Возвращение домой оказалось для меня далеко не таким приятным, как предыдущие часы. Ибо теперь в коляске ехала миссис Грэхем, а спутницей моей была Элиза Миллуорд. Она заметила, что меня влечет общество молодой вдовы, и, видимо, почувствовала, что ею я пренебрегаю. Однако свое огорчение она выражала не жгучими упреками, ядовитыми сарказмами или угрюмым оскорбленным молчанием – их я перенес бы спокойно или отшутился бы, – но показывала его лишь страдальческой печалью, кроткой грустью, которая ранила меня в самое сердце. Я попытался развеселить ее, и к концу это мне как будто удалось, но совесть начала меня грызть еще сильнее, так как я знал, что рано или поздно порву эти узы и только пробуждаю ложные надежды, оттягивая неизбежный черный день.

Когда коляска приблизилась к Уайлдфелл-Холлу, насколько позволяла дорога, – миссис Грэхем и слушать не пожелала, чтобы ее подвезли до ворот кружным путем по ухабам и рытвинам, – они с сыном сошли, Роза пересела на козлы, и я убедил Элизу занять освободившееся место.

Усадив ее поудобнее, заботливо попросив беречься вечерней прохлады, я с большим облегчением простился с ней и поспешил предложить мои услуги миссис Грэхем в качестве носильщика. Но она уже повесила стул на локоть, альбом взяла в руку и самым решительным образом пожелала мне доброго вечера вместе с остальным обществом. Однако на этот раз она отказалась от моей помощи так мило и по-дружески, что я почти ее простил.

Глава VIII

Подарок

Прошло полтора месяца. В конце июня, когда почти весь луг был уже скошен, после дождливой недели выдалось великолепное солнечное утро, и я решил всемерно использовать перемену погоды, чтобы просушить сено. Собрав на лугу всех работников, я в одной рубашке и соломенной шляпе усердно трудился во главе их, подхватывал охапки сырой душистой травы и рассыпал ее в твердом намерении проработать так до самого вечера, с усердием и прилежностью, каких только мог требовать от других, чтобы воодушевить или пристыдить нерадивых своим примером. Но – увы! – моим благим намерениям вскоре был положен конец потому лишь, что на луг прибежал мой брат и вложил мне в руку сию минуту доставленный из Лондона пакет, которого я давно с нетерпением ожидал. Я сорвал с него обертку и увидел изящный томик, содержащий «Мармион» сэра Вальтера Скотта.

– А я знаю, для кого это! – заметил Фергес, наблюдая, как я с гордостью перелистываю золотообрезные страницы. – Для мисс Элизы, э?

В его голосе была такая ехидная многозначительность, что я с удовольствием поставил его на место.

– Ошибаешься, мой милый! – сказал я, поднял сюртук, положил томик в карман, а затем надел его (то есть сюртук). – Ну-ка, лентяй, принеси разочек хоть какую-то пользу! Снимай куртку и повороши за меня сено, пока я не вернусь.

– Пока не вернешься... А куда это ты идешь, скажи на милость?

– «Куда», тебе знать необязательно. Тебя касается только «когда». А до обеда я так или иначе возвращусь.

– Ого! А я, значит, до обеда надрываюсь? Следи, чтобы эти молодцы не бездельничали? Ну-ну! Впрочем, один раз куда ни шло. А ну, ребята, пошевеливайтесь! Теперь вам буду помогать я, и горе тому – или той! – кто хоть на минуту остановится, чтобы оглядеться по сторонам, почесать в затылке или высморкаться. Никаких причин я не приму. Надо работать, работать, работать в поте лица своего...

Ну и так далее.

Оставив Фергеса воодушевлять работников, которые, впрочем, слушали его, посмеиваясь, я вернулся домой, привел себя в порядок и поспешил в Уайлдфелл-Холл с «Мармионом» в кармане, ибо он предназначался для книжного шкафа миссис Грэхем.

«Ах, вы, значит, уже настолько близко познакомились, что начали обмениваться подарками?»

Нет-нет, старина, не совсем так. Это была моя первая попытка, и я с большой тревогой ожидал ее результата.

Со времени пикника в... бухте мы виделись несколько раз, и я обнаружил, что мое общество ей даже приятно – если разговор велся на общие интересные для нас обоих темы. Но стоило мне коснуться области чувств, сказать комплимент или даже позволить себе нежный взгляд, как я не только тут же карался ледяной холодностью, но и в следующий раз она если вовсе не отказывалась меня видеть, то держалась с сухой неприступностью. Однако это меня не слишком обескураживало, так как я объяснял подобные перемены в ней не неприязнью к моей скромной особе, но твердым решением не вступать во второй брак, то ли из-за горячей любви к покойному мужу, то ли потому, что первого опыта ей оказалось более чем достаточно. Ведь вначале ей словно доставляло удовольствие терзать мое самолюбие и уязвлять мое тщеславие, безжалостно обрывая их ростки, едва они пробивались на свет. Признаюсь, ранило это меня очень глубоко. Но одновременно толкало искать мести. Однако, в конце концов убедившись, что я не тот пустоголовый хлыщ, каким ей казался, она теперь прекращала мои робкие

поползновения в совсем иной манере – с серьезным, почти печальным неудовольствием, и я скоро научился старательно его избегать.

«Сначала мне надо укрепить мое положение в ее доме, – думал я, – как покровителя и товарища игр ее сына, надежного, благоразумного, прямодушного друга ее самой. И вот, когда я стану ей необходимой опорой, привычным источником развлечений и радостей, скрашивающих одинокую жизнь (а я не сомневался, что это в моей власти), вот тогда мы поглядим, каким будет следующий шаг».

Поэтому мы беседовали о живописи, поэзии и музыке, о богословии, геологии и философии. Раза два я одалживал ей книги, а один раз она отплатила мне той же любезностью. Я попался ей навстречу во время ее прогулок как мог чаще. Первым предлогом для вторжения в священные пределы ее жилища был толстенный щенок, сын Санчо, от которого Артур пришел в совершенный восторг, что не могло не доставить удовольствия материнскому сердцу. Затем я подарил ему книгу, которую выбирал очень тщательно, зная взыскательность его матери, и сначала тайно показал ей для одобрения. Затем я принес саженец от имени моей сестры, предварительно уговорив Розу сделать ей такой подарок. И каждый раз я справлялся, как продвигается картина, которую она писала по этюду, сделанному на обрыве, и меня допускали в мастерскую, и спрашивали моего мнения, а порой и просили совета. И наконец, я побывал у нее, чтобы вернуть прочитанную книгу. Вот тогда-то, заговорив о стихотворениях сэра Вальтера Скотта, она и упомянула о своем желании прочесть «Мармиона», а я задумал дерзновенный план преподнести ей его в подарок и, едва вернувшись домой, поспешил выписать из Лондона тот самый томик, который сейчас прибыл. Но я все еще нуждался в предложениях, чтобы вторгаться в обитель суровой отшельницы, а потому запасся голубым ошейником из дорогой кожи для щенка. Незамысловатый подарок вызвал куда больше радости и благодарности, чем он того стоил, не говоря уж об эгоистичных замыслах дарителя. Я робко осведомился у миссис Грэхем, нельзя ли мне опять взглянуть на картину, если она еще здесь.

– Разумеется. Пойдемте же! (Я застал их в саду.) Она закончена, вставлена в раму и готова к отправке, но все-таки выскажите свое мнение, и если оно окажется полезным для нее, то во всяком случае будет принято и взвешено.

Картина была поразительно хороша. Пейзаж словно перенесся на холст силой волшебства. Но я выразил свое одобрение коротко и осторожно, боясь ее рассердить. Она, однако, внимательно следила за моим лицом, и, несомненно, восхищение в моих глазах должно было польстить гордости художницы. Но пока я глядел, меня все время мучила мысль о книге – как я осмелюсь ее подарить? Мужество мне изменило, но я не мог уйти, не сделав даже попытки. Ждать подходящей минуты было бесполезно, как и придумывать заранее речь, подходящую для такого случая. Чем проще и безыскуснее удастся мне обставить это, тем будет лучше. А потому я отошел к окну, чтобы собраться с духом, вынул книгу из кармана, повернулся и вложил ее в руку миссис Грэхем, сказав только:

– Вы хотели прочесть «Мармиона», миссис Грэхем, так вот он, если вы будете столь любезны, что согласитесь его принять.

На мгновение она покраснела – быть может, это была краска сочувственного стыда за мою неуклюжесть, – внимательно осмотрела переплет с обеих сторон, затем молча полистала страницы, задумчиво хмурясь, наконец закрыла книгу, перевела взгляд на меня и спокойно спросила, сколько она стоит. Кровь бросилась мне в голову.

– Мне жаль, если я вас обидела, мистер Маркхем, – сказала она, – но если я не заплачу за книгу, принять ее я не смогу.

– Но почему?

– Да потому что... – Она умолкла и опустила взгляд на ковер.

– Так почему же? – повторил я с таким раздражением, что она снова подняла на меня глаза.

– Потому что я не люблю обязываться, если не могу отплатить тем же. Я и так уже в долгу перед вами за доброту к моему сыну. Но за нее вас хотя бы вознаграждает его горячая привязанность к вам, ну и радость, которую вы получаете, балуя его.

– Вздор! – вскричал я.

Она посмотрела на меня удивленно и с каким-то спокойным сожалением, которое, хотела она того или нет, мне показалось упреком.

– Значит, вы не возьмете книгу? – спросил я уже гораздо мягче.

– Возьму с большим удовольствием, если вы разрешите мне заплатить за нее.

Я назвал ей цену и стоимость доставки, стараясь говорить самым спокойным голосом, хотя готов был расплакаться от разочарования и досады.

Она достала кошелек и невозмутимо отсчитала требуемую сумму, но заколебалась и, внимательно глядя на меня, сказала очень ласково:

– Вы чувствуете себя оскорбленным, мистер Маркхем. Ах, если бы вы могли понять, что мне... что я...

– Я все прекрасно понимаю! – перебил я. – Вы думаете, что, приняв от меня этот пустячок, дадите мне повод и в дальнейшем позволять себе... Но вы ошибаетесь. Если только вы будете так любезны и возьмете его, даю вам слово, я не построю на этом никаких ложных надежд и не истолкую вашу снисходительность как разрешение и дальше ею злоупотреблять. А говорить, будто это вас как-то обяжет, – чистейший вздор! Ведь вы прекрасно знаете, что обязан вам буду я, а любезность мне окажете вы!

– Ну, хорошо, ловлю вас на слове, – сказала она с небесной улыбкой и положила мерзкие деньги назад в кошелек. – Но помните!

– Я буду помнить то, что я сказал. Только не карайте меня за дерзость, не отнимайте у меня вашу дружбу вовсе и не требуйте, чтобы я искупил свою вину, держась с этих пор на более почтительном расстоянии, – сказал я, протягивая руку, чтобы попрощаться, потому что боялся остаться дольше, столь велико было мое волнение.

– Ну, хорошо! Пусть все будет, как было, – ответила она, дружески вкладывая свою руку в мою, и я, пожимая ее, лишь с трудом удержался от того, чтобы не прижать ее к своим губам, но это было бы самоубийственным безумием. Я и так уже излишней смелостью и необдуманной торопливостью чуть-чуть не погубил все свои надежды.

Домой я почти бежал, не замечая палящего полуденного солнца, такой огонь сжигал мое сердце и мозг. Я забыл обо всем и обо всех, кроме той, с кем сейчас расстался; сожалел только о ее неприступности, собственной поспешности и неделикатности; страшился только ее суровой решимости и своей неспособности смягчить ее; ни на что не надеялся, кроме... Но довольно! Я не стану докучать тебе рассказом о борении моих надежд и страхов, о моих размышлениях и о клятвах, которые я себе давал.

Глава IX

Тайный яд

Хотя теперь уже не оставалось сомнений, что Элиза Миллуорд вовсе вытеснена из моего сердца, я еще не прекратил посещать дом при церкви, так как не хотел нанести ей явный афронт, полагая, что, помедлив, сумею оберечь ее от печали и горькой досады, а себя – от сплетен. К тому же, прекрати я визиты вовсе, священник, не сомневавшийся, что главной, если не единственной, приманкой для меня были беседы с ним, бесспорно, счел бы себя оскорбленным. Но когда я заглянул туда на другой день после моего разговора с миссис Грэхем, его не оказалось дома – обстоятельство, которое далеко не так меня обрадовало, как в былые времена. Конечно, в гостиной сидела и мисс Миллуорд, но толку от нее ждать не приходилось. Впрочем, я решил, что останусь недолго, а с Элизой буду разговаривать братским, дружеским тоном, на какой наше долгое знакомство давало мне право – я полагал, что он и не обидит, и не поддержит ложные надежды.

У меня было твердое правило ни с кем не говорить о миссис Грэхем – и с Элизой в том числе, но не прошло и трех минут, как она сама упомянула про нее, причем весьма странным образом.

– Ах, мистер Маркхем, – произнесла она почти шепотом с возмущенным видом, – что вы думаете о неслыханных вещах, какие стали известны про миссис Грэхем? Надеюсь, вы сможете успокоить нас, что произошла ошибка.

– О каких вещах?

– Ах, полно! Уж вы-то знаете. – Она хитро улыбнулась и покачала головой.

– Я ничего не знаю. О чем вы говорите, Элиза?

– Меня не спрашивайте! Что могу сказать я? – Она взяла батистовый платочек, который обшивала кружевом, и усердно принялась за работу.

– Что такое, мисс Миллуорд? О чем она говорит? – воззвал я к ее старшей сестре, которая подрубала простыню из грубого полотна.

– Не знаю, – ответила Мэри. – Вероятно, всего лишь глупая сплетня, придуманная от безделья. Я ее слышала на днях, не только от Элизы. Однако, если бы даже весь приход хором тверди то же самое, я все равно не поверила бы ни единому слову. Я слишком хорошо знаю миссис Грэхем!

– Вы совершенно правы, мисс Миллуорд. И я не верю – что бы там ни говорилось!

– Что же! – произнесла Элиза с печальным вздохом. – Такое неколебимое доверие к тем, кого мы любим, большое утешение. При условии, что оно не будет обмануто.

И она обратила на меня взор, полный такой сострадательной нежности, что мое сердце, конечно, растаяло бы, но в ее глазах пряталось что-то, что меня сразу оттолкнуло, и я только удивился, что прежде так ими восхищался. Доброе лицо Мэри, ее небольшие серые глаза вдруг показались мне несравненно более симпатичными! Впрочем, в ту минуту я злился на Элизу за чернящие миссис Грэхем намеки – лживые, как я был убежден, пусть даже Элиза заблуждалась искренне.

Однако больше я на эту тему говорить не стал, как, впрочем, и на какую-либо другую; обнаружив, что мне не удастся восстановить душевное равновесие, я вскоре встал и распрощался под предлогом, что мне надо еще побывать на лугу, куда и отправился. В лживости этих таинственных слухов я нисколько не сомневался, но очень не прочь был бы узнать, в чем они заключаются, от кого исходят, на что опираются и как всего успешнее можно было бы положить им конец.

Несколько дней спустя мы устроили званый чай, на который, кроме обычного круга близких знакомых и соседей, пригласили и миссис Грэхем. Сослаться на вечернюю темноту или

капризы погоды она не могла и, к большой моей радости, пришла к назначенному часу. Иначе я изнывал бы от скуки. Но едва она вошла в гостиную, как весь дом словно озарился, и хотя я знал, что обязан развлекать других гостей, что особого внимания она мне не окажет и обмениваться мы будем лишь общими фразами, вечер, мнилось мне, обещал быть чудесным.

Мистер Лоренс тоже принял приглашение. Приехал он, когда остальные гости уже собрались. Мне было любопытно посмотреть, как он встретится с миссис Грэхем. Но он обменялся с ней лишь легким поклоном и, поздоровавшись с остальными, сел между матушкой и Розой в порядочном отдалении от молодой вдовы.

– Видали ли вы когда-нибудь столь искусную игру? – шепнула мне Элиза, ближайшая моя соседка. – Ведь они словно бы едва знакомы!

– Да, конечно. Но что из этого?

– Как что? Не притворяйтесь, будто не знаете!

– Чего не знаю? – спросил я столь резко, что она вздрогнула и прошептала:

– Тс-с! Не так громко.

– Но объясните же мне, – сказал я, послушно понизив голос, – на что вы намекаете? Терпеть не могу загадки.

– Но, право же, я не могу ручаться за истинность... Нет-нет... Но неужели вы не слышали?

– Я *ничего* не слышал. И ни от кого, кроме вас.

– Значит, вы нарочно оглохли. Ведь кто угодно скажет вам, что... Впрочем, я умолкаю, так как вижу, что только рассержу вас, повторяя...

Она плотно сжала губы и сложила руки на коленях с видом оскорбленной невинности.

– Если бы вы не хотели меня рассердить, то либо не начали бы этого разговора, либо прямо и честно договорили все до конца.

Она отвернулась, достала носовой платочек, отошла к окну и некоторое время стояла лицом к стеклу, словно бы борясь со слезами. Меня мучили недоумение, досада и стыд – но не столько за свою резкость, сколько за ее детскую несдержанность. Однако никто словно не заметил ее выходки, и скоро нас позвали к чаю. В тех краях тогда было принято пить чай в столовой и подавать к нему сытные кушанья, так как обедали мы днем. Я сел рядом с Розой, а стул по другую мою руку оказался свободен.

– Можно мне сесть подле вас? – произнес тихий голосок у моего плеча.

– Если вам угодно, – ответил я, и Элиза грациозно опустилась на пустой стул и прошептала, поглядев на меня с улыбкой, к которой примешивалась грусть:

– Вы так суровы, Гилберт!

Я передал ей чашку с чуть презрительной усмешкой и промолчал, потому что сказать мне было нечего.

– Но чем я вас обидела? – продолжала она еще жалобнее. – Не понимаю.

– Пейте чай, Элиза, и не говорите вздора, – ответил я, передавая ей сахарницу и сливочник.

В эту секунду у другого моего плеча я услышал голос мисс Уилсон, которая пожелала перемениться местом с Розой.

– Не будете ли вы так любезны уступить мне ваш стул, мисс Маркхем? – сказала она. – Мне не хочется сидеть рядом с миссис Грэхем. Раз уж ваша матушка полагает возможным принимать у себя подобных особ, значит, она не станет возражать и против того, чтобы ее дочь беседовала с ними.

Последняя фраза была произнесена, так сказать, в сторону, когда Роза уже обходила стол, но у меня не доставало благовоспитанности пропустить ее мимо ушей.

– Не будете ли вы так любезны, мисс Уилсон, объяснить мне, что вы имеете в виду?

Вопрос этот слегка ее смутил, но только слегка.

– О, мистер Маркхем! – ответила она, мгновенно обретая обычную невозмутимость. – Просто меня несколько удивило, что миссис Маркхем допускает в свой дом такую особу, как миссис Грэхем. Но, быть может, ей неизвестно, что репутация этой дамы весьма сомнительна.

– Это неизвестно ни ей, ни мне, а потому я буду весьма вам обязан, если вы меня и дальше просветите.

– И время, и место не подходят для подобных объяснений, но, полагаю, вы вовсе не так не осведомлены, как делаете вид. Ведь вы с ней, должно быть, знакомы не менее близко, чем я.

– Вероятно, даже более, а потому, если вы сообщите, что вам довелось услышать или вообразить в ущерб ей, возможно, я сумею восстановить истину.

– Не могли бы вы сказать в таком случае мне, за кем она была замужем и была ли?

Я онемел от негодования. Ни время, ни место не позволяли ответить так, как я предпочел бы.

– Неужели вы не заметили, – спросила в свою очередь Элиза, – как похож этот ее сыночек на...

– На кого же? – осведомилась мисс Уилсон холодно и очень сурово.

Элиза вздрогнула. Робкий намек предназначался только для моих ушей.

– Ах, извините меня! – произнесла она умоляюще. – Быть может, мне только почудилось... да-да, почудилось! – Но она бросила на меня искоса насмешливый взгляд, хотя лицо ее хранило выражение простодушной кротости.

– У меня просить извинения не за что, – объявила ее приятельница. – Но я не вижу тут никого, в ком можно было бы отыскать сходство с этим ребенком, кроме его матери. И я была бы вам благодарна, мисс Элиза, если бы впредь, услышав какие-нибудь злокозненные выдумки, вы избавили бы меня... то есть, мне кажется, вам не следует их повторять. Позволю себе предположить, что вы подразумевали мистера Лоренса, но разрешите вас заверить, что ваши подозрения по его адресу совершенно напрасны. И если между ним и этой особой существуют какие-то отношения (чего никто не имеет права утверждать!), во всяком случае, он (чего нельзя сказать кое о ком еще) достаточно уважает требования приличий и в порядочном обществе ограничивается лишь самым сдержанным поклоном. Он, несомненно, был удивлен и раздосадован, увидев ее здесь.

– Ату ее, ату! – воскликнул Фергес, сидевший по другую руку от Элизы. – И уж постарайтесь не оставить от нее камня на камне!

Мисс Уилсон выпрямилась с леденящим презрением, но промолчала. Элиза собралась было что-то ответить, но я предупредил ее, заметив тоном, которому старался придать полное равнодушие, хотя, без сомнения, он все-таки выдал обуревавшие меня чувства:

– По-моему, эта тема исчерпана. И если мы способны только чернить тех, кто достойнее нас, то не лучше ли помолчать?

– Много лучше! – подхватил Фергес. – Как, несомненно, считает и наш почтенный пастырь. Все это время он с обычным своим красноречием поучал сотрапезников и то и дело с суровым порицанием поглядывал, как вы тут кощунственно перешептывались, а один раз смолк в самом интересном месте своего повествования – или проповеди, судить не берусь, – и прожег тебя, Гилберт, негодующим взглядом, словно говоря: «Я продолжу свою речь, когда мистер Маркхем кончит флиртовать с соседками!»

О чем еще говорилось за столом, не знаю, как не знаю, откуда у меня взялось терпение досидеть за ним до конца. Помню только, что чашку свою я допил с трудом, а съесть не мог ничего и только переводил взгляд с Артура Грэхема, сидевшего наискосок от меня рядом с матерью, на мистера Лоренса у дальнего конца стола. В первое мгновение я обнаружил несомненное сходство, но, присмотревшись повнимательнее, приписал его игре моего воображения. Правда, обоих отличали тонкость черт и хрупкость сложения, не столь уж обычные у сильного пола, к тому же цвет лица Лоренса был матово-бледным, а нежная кожа Артура казалась

почти прозрачной. Но его курносый носишко вряд ли когда-нибудь мог стать прямым и длинным, как у мистера Лоренса, лицо же, хотя и не совсем круглое, с подбородком в ямочках, который отнюдь не грозил стать квадратным, тем не менее не обещало вытянуться в узкий овал. Да и волосы мистера Лоренса никогда не были такого светлого оттенка. Большие же ясные синие глаза мальчугана, несмотря на порой появлявшееся в них слишком серьезное для его возраста выражение, ни в чем не походили на карие глаза, из которых робко выглядывала застенчивая душа, готовая тут же спрятаться от слишком грубого и бесчувственного мира.

Какой же я негодай, если хотя бы на миг позволил себе питать подобное подозрение! Или я не знаю миссис Грэхем? Разве я не наблюдал за ней, не беседовал с ней столько раз? Разве я не убежден, что умом, чистотой помыслов и возвышенностью души она далеко превосходит своих недоброжелательниц? Что она, короче говоря, самая благородная, самая пленительная из всех известных мне представительниц прекрасного пола, и даже тех, кого создавало мое воображение?

И я мог только повторить за Мэри Миллуорд (столь благоразумной и проницательной), что даже если бы весь приход... да нет, весь мир! начал бы хором дудеть мне в уши эту гнусную ложь, я бы ему не поверил, ведь я слишком хорошо ее знаю!

Мозг мой был словно охвачен пожаром, а сердце разрывалось от противоречивых чувств. На моих прелестных соседок я смотрел с гадливым отвращением, которое почти не пытался скрыть. Меня начали поддразнивать за рассеянность и нелюбезность, но я оставался равнодушен. Если не считать того, на чем сосредоточивались все мои мысли, я хотел лишь одного: чтобы чашки возвращались на поднос и больше его не покидали. Но мистер Миллуорд, чудилось мне, вечно будет растолковывать нам, что не принадлежит к любителям чая, ибо перегружать желудок грязной водицей в ущерб более полезным субстанциям весьма вредно для здоровья, – и все допивать и допивать четвертую свою чашку.

Однако всему приходит конец, и тотчас, встав из-за стола, я без слова извинения покинул гостей – общество их стало мне невыносимо – и поспешил вон из дома охладить пылающую голову предвечерней душистой прохладой, собраться с мыслями... или дать выход душевной буре в уединении сада.

Не желая, чтобы меня увидели из окон, я быстро прошел по тенистой аллейке к скамье, укрытой трельяжем с выющимися розами и жимолостью, опустился на нее и предался размышлениям о высоких достоинствах хозяйки Уайлдфелл-Холла, о черной клевете... Однако не прошло и двух минут, как голоса, смех и мелькающие за деревьями фигуры сказали мне, что все общество тоже пожелало подышать свежим воздухом в саду. Я отодвинулся в густую тень трельяжа, уповая, что останусь незамеченным и никто не нарушит моего уединения даже невзначай. Но... проклятие! На дорожке послышались приближающиеся шаги. Ну почему им мало любоваться цветами на еще освещенной солнцем лужайке перед домом, почему они не могут оставить этот темный уголок мне, комарам и мошкаре?

Однако едва я посмотрел в просвет между листьями жимолости, чтобы выяснить, кто эти незваные пришельцы (звук голосов сказал мне, что их по меньшей мере двое), как мое раздражение мгновенно исчезло и совсем иные чувства наполнили мою все еще смятенную душу: ко мне медленно приближалась миссис Грэхем, и с ней был только Артур! Но почему они одни? Неужели яд черной клеветы уже отравил остальных и все отвернулись от нее? Я вдруг вспомнил, как еще до чая миссис Уилсон тихонько придвинулась к матушке и наклонилась к ее уху, словно собираясь сообщить какой-то секрет. Она так покачивала головой, так часто сморщивала и без того морщинистую физиономию, а ее прищуренные глазки поблескивали таким упоенным злорадством, что секрет этот мог быть только гнусной сплетней, а предосторожности, какими она сопровождала свой рассказ, внушили мне мысль, что ее злополучная жертва находится среди наших гостей. Теперь же, вспомнив выражение ужаса и недоверия, с каким ее слушала матушка, я пришел к выводу, что жертвой этой могла быть только миссис

Грэхем. Опасаясь, как бы, увидев меня, она не свернула в сторону, я вышел из своего убежища, только когда они почти поравнялись с трельяжем. Но при моем появлении миссис Грэхем все равно остановилась как вкопанная и, казалось, собралась повернуть назад.

– Нет, нет, мистер Маркхем, не беспокойтесь! – сказала она. – Мы пришли сюда, чтобы побыть вдвоем, а не для того, чтобы нарушать ваше уединение.

– Но я же не пустынный, миссис Грэхем, хотя готов признать, что покинул моих гостей весьма неучтиво.

– Я боялась, что вам стало дурно, – произнесла она с искренним сочувствием.

– Так оно и было, но я уже совсем оправился. Пожалуйста, присядьте и скажите мне, как вам нравится эта беседка! – И, подхватив Артура под мышки, я усадил мальчика на середину скамьи, чтобы заставить его мать остаться. И она, признав, что тут действительно приятно уединяться от шумного веселья, опустилась на один край скамьи, а я – на противоположный.

Но ее слова меня испугали. Неужели искать уединения ее заставила их бессердечность?

– Почему никто не пошел с вами? – спросил я.

– Потому что я ушла от них всех, – ответила она с улыбкой. – Мне невыносимо наскучила пустая болтовня. Я, право, ее не выношу и не могу понять, какое удовольствие они в ней находят.

Искренность ее удивления вызвала у меня невольную улыбку.

– Или они видят свой *долг* в том, чтобы не умолкать ни на миг? – продолжала она. – А потому не успевают думать и заполняют паузы совершеннейшим вздором или бесконечными повторениями одного и того же, потому что ничего по-настоящему интересного им в головы не приходит? Или им искренне нравится такое переливание из пустого в порожнее?

– Вполне возможно, – ответил я. – Их умишки не способны воспринимать глубокие идеи и довольствуются пустяками, какими не стал бы питаться более развитый мозг. И у них есть только один выбор: если не болтать о том о сем, так погрузиться по уши в сплетни, что они и предпочитают.

– Неужели же все? Не может быть! – вскричала она, удивленная горечью в моем голосе.

– Нет, разумеется. Я готов ручаться, что моей сестре такие низкие вкусы не свойственны. Как и моей матери, если ваши обличения касались и ее.

– Я никого не собиралась обличать, и уж во всяком случае у меня в мыслях не было как-либо задеть вашу почтенную матушку. Мне доводилось знать немало умных и достойных особ, которые умели прекрасно поддерживать разговоры такого рода, если того требовали обстоятельства. Но сама я подобным даром не обладаю. Я старалась быть внимательной слушательницей, пока у меня оставались силы, но когда они иссякли, я ускользнула немного отдохнуть на этой укромной дорожке. Ненавижу пустые разговоры, когда люди не обмениваются ни мыслями, ни впечатлениями, ничего не дают другим и ничего не получают от них.

– Прошу вас, – поспешно сказал я, – если моя словоохотливость когда-нибудь начнет вас утомлять, предупредите меня сразу же, и я обещаю, что не обижусь. В обществе тех, кого я... в обществе моих друзей мне нравится и молчать.

– Я не слишком вам верю, но будь это так, мне больше нечего было бы желать.

– Следовательно, в остальных отношениях я именно такой, каким вы хотели бы меня видеть?

– Нет, я говорила не об этом... Как красивы ветки, когда сквозь них просвечивает солнце! – сказала она, желая переменить тему.

Но она была права: там, где почти горизонтальные лучи заходящего солнца пробивались сквозь густой кустарник, пыльные листья как будто сияли изумительным золотисто-зеленым светом.

– Мне почти жаль, что я художница, – заметила миссис Грэхем.

– Почему? Казалось бы, в такие мгновения вы должны радоваться вашему редкому умению подражать сверкающим и нежным краскам природы.

– О нет! Вместо того чтобы просто наслаждаться ими, подобно прочим людям, я мысленно ишу способа, как передать их на холсте точно такими же. А это заведомо невозможно: одна лишь суета сует и смятение духа.

– Пусть вам и не удастся сделать то, к чему вы стремитесь, плоды ваших усилий восхищают других!

– Разумеется, жаловаться не мне. Мало кто получает столько радости от труда ради хлеба насущного... Но сюда идут.

Ей как будто это было неприятно.

– О, просто мистер Лоренс и мисс Уилсон, видимо, решили немного прогуляться, – ответил я. – Нам они не помешают.

Я не понял выражения на ее лице. Но ревности я в нем не подметил. Только вот какое у меня было право что-нибудь подмечать?

– Мисс Уилсон... Какая она? – спросила миссис Грэхем.

– По ее полированным манерам и светским талантам трудно догадаться, что происхождение и положение у нее весьма скромное. Она слывет светской барышней, и некоторые находят ее очень приятной.

– Сегодня мне показалось, что она держится чопорно и даже пренебрежительно.

– Пожалуй, с вами она такой и была. Возможно, у нее есть свои причины питать против вас предубеждение: по-моему, вы ей кажетесь соперницей.

– Я? Не может быть, мистер Маркхем! – воскликнула она с изумлением и досадой.

– Ну, мне про это ничего не известно, – ответил я упрямо, решив, что досадует она на меня.

Тем временем гуляющие почти поравнялись с нами. Наша беседка располагалась в уютном уголке, где тенистая аллея кончалась, но от нее ответвлялась открытая дорожка, огибавшая сад по дальнему краю. Лицо Джейн Уилсон сказала мне, что она обратила на нас внимание своего спутника, а ее холодная насмешливая улыбка и несколько долетевших до меня слов не оставляли сомнения, как она старается внушить ему, будто наши отношения давно перешли границы простого знакомства. Во всяком случае, он покраснел до корней волос, украдкой покосился на нас, помрачнев, пошел дальше, но словно бы ничего ей не ответил.

Так, значит, правда, что он таит какие-то намерения по отношению к миссис Грэхем! А будь они благородны, откуда бы такая скрытность? О, конечно, *она* ни в чем не повинна, но *он* – гнусный мерзавец!

Пока эти мысли проносились у меня в мозгу, миссис Грэхем внезапно встала, подозвала сына, сказала, что им пора вернуться к обществу, и удалилась с ним по аллее. Без сомнения, она расслышала или, во всяком случае, догадалась, о чем говорила мисс Уилсон, и, вполне понятно, не сочла возможным продолжить наш тет-а-тет. Тем более что мои щеки запылали огнем негодования против моего недавнего приятеля, она же могла счесть это признаком глупого смущения. Еще одна мучительная минута, которую я мог поставить в счет мисс Уилсон! И чем больше я раздумывал над ее поведением, тем больше ненависти начинал питать к ней.

Когда я наконец вернулся в дом, час был уже поздний и миссис Грэхем как раз прощалась с матушкой. Я попросил... нет, умолял ее о позволении проводить их. Мистер Лоренс стоял неподалеку, с кем-то разговаривая. На нас он не смотрел, но тут вдруг умолк на полуслове, а затем, едва услышав ее отказ, закончил фразу как ни в чем не бывало, но с очень довольным видом.

Отказ этот был хотя и решительным, но достаточно мягким. Она полагала, что на пустынных проселках и лугах ее с сыном не могут подстерегать никакие опасности. Еще светло, и вряд ли они кого-нибудь встретят. Да к тому же обитатели здешних мест люди все смирные. Нет-

нет, она и слышать не хотела, чтобы кто-нибудь ради нее затруднялся, хотя Фергес тоже предложил себя в провожатые, а матушка настаивала, что пошлет с ней кого-нибудь из работников.

Когда она ушла, вечер утратил всякую прелесть, если не сказать больше. Лоренс попытался втянуть меня в разговор, но я ответил какой-то резкостью и отошел на другой конец комнаты. Вскоре гости начали расходиться, и он протянул мне, прощаясь, руку. Когда я ее не заметил и не услышал его «спокойной ночи», он повторил свое пожелание, так что я, чтобы избавиться от него, вынужден был буркнуть что-то нечленораздельное и угрюмо кивнуть.

– Маркхем, что случилось? – спросил он шепотом.

Я ответил гневно-презрительным взглядом.

– Вы сердитесь, потому что миссис Грэхем не разрешила вам проводить ее? – осведомился он с легкой улыбкой, которая почти лишила меня власти над собой.

Но, проглотив сокрушающий ответ, я ответил только:

– Вам-то что за дело?

– Ни малейшего, – ответил он с язвящей невозмутимостью. – Однако... – Тут он поглядел мне прямо в глаза с глубокой серьезностью. – Только разрешите мне предупредить вас, Маркхем: если вы питаете какие-то надежды, они никогда не сбудутся, и мне больно смотреть, как вы тешитесь пустыми мечтами и напрасно тратите силы в бесполезных попытках...

– Лицемер! – перебил я, и он поперхнулся, взглянул на меня с глубочайшей растерянностью, весь побелел и удалился, не сказав более ни слова.

Я задел его за живое – и был этому рад!

Глава X

Уговор и ссора

Когда все гости ушли, я убедился, что гнусная клевета действительно была пущена в ход – и в присутствии жертвы! Правда, Роза клялась, что не поверила и никогда этому не поверит, и матушка повторила те же заверения, хотя, боюсь, не с такой искренней и твердой убежденностью. Мысль эта, видимо, ее преследовала, и она постоянно доводила меня до бешенства, вдруг вздыхая и произнося что-нибудь вроде: «Ах, но кто бы мог подумать! Да-да, мне всегда казалось, что есть в ней какая-то странность. Вот сам видишь, как женщина расплывается за то, что делает вид, будто она не такая, как все люди!»

А однажды она сказала категорически:

– Мне сразу не понравилась такая таинственность. Я с *самого начала* знала, что ничего хорошего тут не кроется! Очень, очень прискорбно!

– Но, мама, ты же сказала, что не веришь этим выдумкам! – заметил Фергес.

– Конечно, милый. Но ведь какие-то причины должны быть!

– Причины тут одни: человеческая злоба и фальшивость! – вскричал я. – Кто-то видел, как мистер Лоренс раза два вечером направлялся в ту сторону, деревенские кумушки тут же решают, будто он ухаживает за приезжей, а омерзительные сплетницы жадно ухватываются за этот слухок, чтобы истолковать его на свой дьявольский лад.

– Но, Гилберт, ведь должно же быть в ней что-то, что дало пищу этим слухам!

– Ты сама заметила в ней что-нибудь дурное?

– Ну разумеется, нет. Но ты же знаешь, я всегда говорила, что есть в ней что-то странное!

Если не ошибаюсь, именно в тот вечер я осмелился вновь посетить Уайлдфелл-Холл. Со времени последнего нашего разговора у нас в саду прошла почти неделя. Я ежедневно пытался встретить миссис Грэхем во время ее прогулки, но всякий раз терпел разочарование (думаю, благодаря ее предосторожностям) и еженощно перебирал в уме более или менее благовидные поводы, чтобы нанести ей визит. В конце концов у меня неостало сил терпеть дальнейшую разлуку (как видишь, я уже успел влюбиться по уши), и, вытащив из шкафа старинный том, который, как мне давно казалось, мог ее заинтересовать (до сих пор я не осмеливался принести его ей почитать, так он был растрепан и засален!), я поспешил с ним в Уайлдфелл-Холл, хотя и робел при мысли о приеме, какой она может мне оказать, и от сомнений, хватит ли у меня духу явиться к ней под таким прозрачным предлогом. Но вдруг я увижу ее в саду или встречу на лугу? Как это было бы удачно! Особенно меня пугала необходимость чопорным стуком в дверь возвестить о себе – Рейчел торжественно проводит меня в гостиную, где хозяйка встретит меня удивленно и сухо.

Моя надежда не сбылась. Однако в саду играл с веселым щенком Артур. Я позвал его из-за калитки. Он тут же пригласил меня войти, но я ответил, что без позволения его маменьки сделать этого не могу.

– Я сбегаю спрошу ее, – предложил мальчик.

– Нет, нет, Артур, спрашивать об этом не надо. Но если она ничем не занята, просто попроси ее выйти сюда на минутку. Скажи, что мне нужно с ней поговорить.

Он опрометью бросился в дом и вскоре вернулся с матерью. Как она была хороша! Легкий летний ветерок играл ее темными локонами, нежные щеки чуть порозовели, на губах сияла улыбка. Милый Артур! Скольким я обязан тебе за эту и за другие счастливые наши встречи! Благодаря тебе я был мгновенно избавлен от всех моих страхов, от чопорности и неловкости. В любви нет посредника лучше привязчивого бесхитростного малыша, который всегда готов спаять разделенные сердца, перебросить мост через угрюмый ров условностей, растопить лед холодной сдержанности и сокрушить стену пустых требований приличия и гордости.

– Так что же привело вас сюда, мистер Маркхем? – с ласковой улыбкой спросила меня молодая мать.

– Я хотел бы, чтобы вы посмотрели эту книгу и, если она покажется вам интересной, взяли бы ее, чтобы прочесть на досуге. Я не прошу извинения за то, что вынудил вас выйти на воздух в такой прекрасный вечер, хотя и ради пустяка.

– Ну, мама, скажи, чтобы он вошел! – потребовал Артур.

– Не зайдете ли вы? – спросила она.

– С удовольствием. Мне очень хочется посмотреть, как вы преобразили сад.

– И каково пришлось саженцам вашей сестры от моих забот, – добавила она, открывая калитку.

И мы совершили прогулку по саду, беседуя о цветах, деревьях, книге... и о многом другом. Вечер был теплым и ласковым – как и моя собеседница. Мало-помалу я преисполнился такой горячей нежности, какой еще, пожалуй, никогда не испытывал, но по-прежнему избегал запретных тем, а она не старалась меня оттолкнуть. Когда мы поравнялись с розовым кустом, который я весной преподнес ей от имени Розы, она сорвала прелестный полураспустившийся бутон и попросила передать его моей сестре.

– А можно я оставлю его себе?

– Нет. Но вот для вас другой.

Вместо того чтобы просто взять цветок, я сжал протягивавшие его пальцы и посмотрел ей в лицо. Она не сразу отняла руку, и на мгновение в ее глазах зажегся ликующий блеск, черты отразили радостное волнение, и я уже решил, что настал час моей победы. Но тут же она словно вспомнила что-то невыносимо тягостное, брови ее страдальчески сдвинулись, щеки оделись мраморной белизной, губы побелели, и после мига внутренней борьбы она внезапно вырвала у меня руку и отступила на шаг.

– Мистер Маркхем! – произнесла она с каким-то вымученным спокойствием. – Я должна откровенно сказать вам, что так продолжаться не может. Мне нравится ваше общество, потому что я здесь одна, а беседовать с вами мне интереснее, чем с кем-либо другим. Но если вам мало видеть во мне друга, только друга, только хорошую знакомую, которая относится к вам по-матерински, по-сестрински, если угодно, то прошу вас немедленно удалиться и более меня не навещать. С этой минуты всякое знакомство между нами должно прекратиться.

– Нет же, нет! Я буду вашим другом, хорошим знакомым, братом – ну, чем вам угодно, лишь бы вы позволили мне по-прежнему видеть вас. Но объясните, почему ничем другим мне быть нельзя?

Наступило долгое, тягостное молчание.

– Из-за какого-нибудь необдуманного обета?

– Да, примерно, – ответила она. – Быть может, когда-нибудь я вам все расскажу, но сейчас вам лучше уйти. И никогда больше, Гилберт, не вынуждайте меня повторять то, что я сказала вам сегодня! – добавила она с печальной серьезностью, спокойно и ласково протягивая мне руку. Какой дивной музыкой прозвучало в ее устах мое имя!

– Никогда! – ответил я. – Но этот проступок вы мне простили?

– При условии, что он не повторится.

– И я могу иногда вас навещать?

– Пожалуй... иногда. Если вы только не злоупотребите этим!

– Я не хочу давать пустых обещаний, но докажу на деле.

– Если что-нибудь подобное повторится, знакомство между нами будет кончено. Только и всего.

– И вы теперь всегда будете называть меня Гилбертом? Это ведь по-сестрински и не перестанет напоминать мне о нашем уговоре.

Она улыбнулась и опять попросила меня уйти. Благоразумие подсказало, что мне следует подчиниться. Она вернулась в дом, а я начал спускаться с холма. Внезапно тишину росистого вечера, поразив мой слух, нарушил стук конских копыт, и, поглядев на дорогу, я увидел, что по склону поднимается одинокий всадник. Я узнал его с первого взгляда, хотя уже сгущались сумерки. Мистер Лоренс на своем сером жеребчике. Молниеносно пробежав луг, я перемахнул через каменную стенку и неторопливо пошел по дороге навстречу ему. Увидев меня, он натянул поводья, словно намереваясь повернуть назад, но передумал и затрусил вперед. Слегка мне поклонившись, он направил жеребчика вдоль самой стенки, чтобы разминуться со мной, но я этого не допустил, а схватил конька за уздечку и воскликнул:

– Лоренс, я требую объяснения этой тайны! Куда вы едете и зачем? Отвечайте сию же секунду и без увиливаний!

– Отпустите уздечку, будьте так любезны! – сказал он спокойно. – Вы рвете губы Серому.

– Чтоб вас и вашего Серого...

– Почему вы ведете себя и выражаетесь столь непристойно, Маркхем? Мне стыдно за вас.

– Вы не сдвинетесь с места, пока не ответите на мои вопросы! Я требую объяснения вашей низкой двуличности!

– Я не отвечу ни на единый вопрос, пока вы держите уздечку, – держите ее хоть до завтра!

– Ну, хорошо! – Я разжал руку, но остался стоять перед ним.

– Задайте мне их тогда, когда будете в состоянии говорить, как подобает джентльмену! – ответил он и попытался меня объехать, но я тут же остановил конька, который словно был удивлен моей грубостью не менее своего хозяина.

– Право, мистер Маркхем, это уже слишком! – сказал тот. – Я не могу навестить по делу свою арендаторшу без того, чтобы не подвергнуться нападению, которое...

– Вечер – не время для деловых разговоров, сэр! Сейчас я выскажу вам все, что думаю о вашем поведении!

– Лучше отложите до более удобной минуты, – заметил он вполголоса. – Вон мистер Миллуорд!

И действительно, со мной почти тотчас поравнялся священник, возвращавшийся из какого-то дальнего уголка своего прихода. Я тут же отпустил уздечку, и помещик продолжил свой путь, учтиво поклонившись мистеру Миллуорду.

– Э-э, Маркхем, ссоритесь? – воскликнул тот, обернувшись ко мне и укоризненно покачивая головой. – Из-за вдовушки, разумеется. Но разрешите сказать вам, молодой человек (тут он придвинул свое лицо к моему, словно доверительно сообщая важную тайну), она этого не достойна! – И он торжественно кивнул в подтверждение своих слов.

– МИСТЕР МИЛЛУОРД!!! – вскричал я столь грозно, что преподобный джентльмен с недоумением посмотрел вокруг, ошеломленный такой неожиданной дерзостью, и бросил на меня взгляд, яснее слов говоривший: «Что? Вы смеете *так* говорить со мной?!» Но меня душил гнев, и, не подумав извиниться, я повернулся к нему спиной и торопливо зашагал по ухабистой дороге к дому.

Глава XI

Опять мистер Миллуорд

Вообрази, что прошли три недели. Миссис Грэхем и я были теперь только друзьями – или братом и сестрой, как мы предпочитали смотреть на себя. Она по моему настоянию называла меня Гилбертом, а я ее – Хелен, обнаружив это имя на титульном листе одной из ее книг. Виделся я с ней не чаще двух раз в неделю, причем по-прежнему старался искать будто бы случайных встреч, полагая, что мне следует соблюдать величайшую осторожность. Короче говоря, я вел себя настолько образцово, что у нее ни разу не нашлось причины в чем-нибудь меня упрекнуть. Тем не менее я замечал, что порой она бывала горько недовольна сама собой или своим положением, и, признаюсь, последнее и у меня вызывало тягостную досаду. Выдерживать небрежный братский тон оказалось очень нелегкой задачей, и я часто ощущал себя последним лицемером. К тому же я видел, а вернее, чувствовал, что вопреки ее усилиям «я ей небезразличен», как скромно выражаются герои романов. И хотя я радовался привилегиям, которых сумел добиться, отказаться от надежд на лучшее будущее у меня не хватало сил, хотя, разумеется, свои мечты я тщательно скрывал.

– Куда ты, Гилберт? – как-то вечером спросила Роза, когда я кончил пить чай после хлопотливого дня на ферме.

– Пройдусь немножко, – ответил я.

– А ты всегда так тщательно чистишь шляпу, и причесываешься, и надеваешь новенькие щегольские перчатки, когда хочешь немножко пройтись?

– Не всегда.

– Ты ведь идешь в Уайлдфелл-Холл, верно?

– С чего ты взяла?

– Вид у тебя такой. Но лучше бы ты туда так часто не ходил!

– Чепуха, деточка. Я полтора месяца там не был. О чем ты говоришь?

– Просто на твоём месте я бы держалась от миссис Грэхем подальше.

– Роза, неужели и ты поддалась общему предубеждению?

– Не-ет, – ответила она нерешительно. – Но последнее время я столько про нее наслышалась и у Уилсонов, и у Миллуордов, да и мама говорит, будь она порядочной женщиной, так не жила бы здесь одна. И разве ты забыл, Гилберт, как прошлой зимой она объяснила, почему подписывает картины неверно? Что у нее есть близкие... или знакомые, от которых она прячется, и она боится, как бы они ее не выследили? И как потом она вскочила и вышла из комнаты, когда пришел кто-то, и она не хотела, чтобы мы его увидели? А Артур так загадочно сказал, что это мамин друг?

– Да, Роза, я все это помню. И могу извинить твою подозрительность, потому что, не зная я ее, как знаю, так и сам, возможно, сопоставил бы все это и поверил тому, чему веришь ты. Но, благодарение Богу, я ее знаю. И я буду недостойн называться человеком, если поверю о ней чему-нибудь дурному, пока не услышу подтверждение из ее собственных уст. Уж скорее я поверил бы такому о тебе, Роза!

– Гилберт, ну что ты говоришь?

– Значит, по-твоему, что бы там про тебя ни шептали Уилсоны и Миллуорды, я не должен был бы им верить?

– Еще бы!

– А почему? Потому что я знаю тебя. Ну вот и ее я знаю не хуже.

– Вовсе нет! Что ты знаешь о ее прошлой жизни? Год назад ты ведь и представления не имел, что она живет на свете!

– Неважно. Можно посмотреть человеку в глаза, заглянуть ему в сердце и за какой-то час узнать о его душе столько, сколько и за всю жизнь не обнаружишь, если он или она не захотят тебе открыться или у тебя не хватит ума понять то, что тебе откроется.

– А, так ты все-таки идешь к ней!

– Конечно.

– Но, Гилберт, что скажет мама?

– А зачем ей об этом знать?

– Если ты и дальше будешь так продолжать, от нее ведь не скроешь!

– Продолжать? Что продолжать? Мы с миссис Грэхем просто друзья и такими останемся, и никто на свете не может этому помешать или встать между нами!

– Если бы ты слушал, что они говорят, то вел бы себя осторожнее – и не только ради себя, но и ради нее. Джейн Уилсон считает, что твои визиты туда просто еще одно доказательство ее безнравственности!..

– Чтобы Джейн Уилсон провалилась в тартарары!

– А Элиза Миллуорд очень из-за тебя огорчается.

– Пусть ее.

– И все-таки на твоём месте я не стала бы.

– Не стала бы – чего? Откуда они знают, что я туда хожу?

– От них ничего не спрячешь. Что угодно сумеют вывести и подсмотреть.

– Об этом я не подумал. И они смеют превращать мою дружбу в новую пищу для сплетен и клеветы против нее? Во всяком случае, вот доказательство их лживости, если тебе требуются доказательства. Опровергай их, Роза, когда только сможешь!

– Но они прямо при мне ничего не говорят. О том, что они думают, я знаю только по намекам и умолчаниям. И еще из чужих разговоров.

– Ну, хорошо, сегодня я не пойду, тем более что время позднее. Но пусть они отсохнут, их проклятые языки! – проворчал я со злостью.

И как раз в эту минуту в комнату вошел священник. Мы так увлеклись нашим разговором, что не услышали его стука. По обыкновению, поздоровавшись с Розой отечески ласково – она была его любимицей, – старик смерил меня строгим взглядом.

– Ну-ну, сэр! – начал он. – Да знакомы ли мы с вами? Ведь уже... дайте-ка подумать... – продолжал он, опуская дородное тело в кресло, которое ему услужливо придвинула Роза. – Ведь, по моему счету, уже шесть недель, как вы не переступали моего порога! – Он отчеканивал каждое слово и постукивал палкой по полу.

– Неужели, сэр? – сказал я.

– То-то и оно! – Он добавил торжественный кивок и продолжал взирать на меня с величавым неудовольствием, положив ладони на набалдашник зажатой между колен толстой трости.

– Я был очень занят, – сказал я, так как от меня, видимо, ждали оправданий.

– Занят! – повторил он с усмешкой.

– Да. Вы ведь знаете, я убирал сено, а теперь начинается жатва.

– Гм-гм!

Но тут вошла матушка и отвлекла от меня внимание, почтительно, радостно и многословно здороваясь с его преподобием. Как жаль, что он не пришел чуточку пораньше, к чаю! Но если он сделает ей честь и выпьет чашечку, она тут же заварит свеженького.

– Не для меня, благодарю вас, – ответил он. – Я тороплюсь домой.

– Право, останьтесь и выкушайте чашечку. Через пять минут все будет готово.

Но он величественным жестом остановил ее и произнес:

– Вот чего бы я выпил, миссис Маркхем, так это стаканчик вашего превосходного эля!

– Да на здоровье! – воскликнула матушка, быстро дернула сонетку и приказала подать любимый пастырский напиток.

– Я просто подумал, загляну-ка к вам на минутку, раз уж иду мимо, и пригублю ваш домашний эль. Я возвращаюсь от миссис Грэхем.

– Да неужто?

Он сурово кивнул и добавил грозным голосом:

– Я почел это своим долгом!

– Право?

– А почему, мистер Миллуорд? – спросил я, но он ответил мне строгим взглядом и, отвернувшись к матушке, повторил, пристукнув палкой:

– Я почел это моим долгом!

Матушка, сидевшая напротив него, замерла от ужаса и восхищения.

– «Миссис Грэхем!» – сказал я, – продолжал священник, укоризненно покачивая головой. – «Миссис Грэхем, что означают ужасные доходящие до меня слухи?» А она говорит, делая вид, будто не понимает: «Какие слухи, сэр?» Но я прямо ей объявил: «Мой долг, как вашего пастыря, высказать вам прямо, что недопустимого я сам нахожу в вашем поведении, что я подозреваю и что мне о вас рассказывают другие!» Так я ей и сказал!

– Да, сэр? – вскричал я, вскакивая на ноги и ударяя кулаком по столу.

Но он только покосился на меня и произнес, обращаясь к матушке:

– Это был тяжкий долг, миссис Маркхем, но я ей сказал все!

– А как она? – спросила матушка.

– Закоснелая натура, боюсь, весьма закоснелая, – ответил он, скорбно покачивая головой. – Пребывающая в грешном заблуждении и не умеющая сдерживать несправедливые страсти. Она вся побелела, втянула воздух сквозь зубы, точно в ярости, даже не попыталась возразить или сказать хоть что-нибудь в свое оправдание, но с бесстыдным спокойствием, совсем не подобающим молодой женщине, почти напрямик объявила мне, что в моих увещеваниях не нуждается и пастырские мои советы пропадут втуне... Более того: самое мое присутствие она не желает терпеть, если я буду продолжать. В конце концов я удалился, убедившись, к большому моему прискорбию, что помочь ей нельзя, и всем сердцем сожалея, что нашел ее такой нераскаянной. Но я твердо решил, миссис Маркхем, что *мои* дочери прекратят с ней всякое знакомство. А что до ваших сыновей, – что до *вас*, молодой человек... – продолжал он, вперяя в меня грозный взгляд.

– Что до меня, сэр! – перебил я, но почувствовал, что утратил дар речи, что весь дрожу от бешенства, и поступил наиболее благоразумно: схватил шляпу, выбежал из комнаты и так хлопнул дверью, что дом задрожал, как от землетрясения, матушка испуганно охнула, а мне на секунду стало легче.

В следующую секунду я уже торопливым шагом направлялся к Уайлдфелл-Холлу, сам не зная зачем и с какой целью. Но мои чувства искали выхода в движении, а идти больше мне было некуда. Я должен увидеть ее, поговорить с ней – это я знал твердо. Но что я скажу, что сделаю, мне было неизвестно. Вихрь мыслей, буря противоречивых чувств и намерений совсем лишили меня способности соображать.

Глава XII

Тет-а-тет и неожиданное открытие

Через какие-то двадцать минут с небольшим я уже остановился перед знакомой калиткой, вытер вспотевший лоб, попытался отдышаться и хотя бы немного успокоиться. Быстрая ходьба несколько утишила мое возбуждение, и по садовой дорожке я прошел твердым ровным шагом. Приблизившись к обитаемому крылу здания, я увидел в открытом окне миссис Грэхем: она медленно прохаживалась взад и вперед по комнате.

Мое появление как будто взволновало ее и даже смутило, словно она и от меня ждала обвинений. Я намеревался вместе с ней посетовать на гнусность света, присоединиться к ее негодованию против священника и мерзких сплетниц, но едва я вошел, мне стало стыдно начинать подобный разговор, и я решил, что буду молчать о случившемся, если она сама о нем не упомянет.

– Час, конечно, для визитов не слишком урочный, – сказал я шутливо, хотя мне было совсем не весело. – Но я ненадолго.

Она мне улыбнулась, правда, слегка, но ласково (я чуть было не написал «с благодарностью»), едва поняла, что ее опасения были напрасны.

– Как у вас неуютно, Хелен! Почему вы не затопили камин? – спросил я, оглядывая сумрачную комнату.

– Но еще лето! – возразила она.

– Мы обязательно затапливаем камин по вечерам, разве что жара уж вовсе невыносимая. А вам в этом холодном доме, в этой унылой комнате веселый огонь просто необходим!

– Если бы вы пришли пораньше, я развела бы его для вас. Но сейчас нет смысла: вы сказали, что пришли ненадолго, а Артур уже спит.

– Тем не менее я вдруг стосковался по огню. Если я позвоню, вы скажете Рейчел, чтобы она его разожгла?

– Но, Гилберт, что-то незаметно, чтобы вы замерзли! – произнесла она с улыбкой, глядя на мои щеки, которые, наверное, пылали.

– Да, – ответил я. – Но, уходя, я хочу знать, что вам будет тут уютно.

– Уютно! Мне! – повторила она с горьким смешком, словно самая мысль об этом была нелепа. – Нет, сумрак и холод больше мне подходят, – добавила она с грустной покорностью судьбе.

Но я решил поставить на своем и дернул сонетку.

– Ну, вот, Хелен! – сказал я, когда в коридоре послышались приближающиеся шаги Рейчел. У нее не оставалось иного выхода, и, обернувшись к служанке, она попросила ее затопить камин.

По сей день я еще не свел счеты с Рейчел за взгляд, которым она меня одарила, когда отправилась на кухню накалить кочергу, – суровый, подозрительный, инквизиторский взгляд, который словно спрашивал: «Вы-то что тут делаете, хотела бы я знать!» Ее хозяйка заметила этот взгляд и печально нахмурилась.

– Вам нельзя оставаться тут долго, Гилберт, – сказала она, едва дверь закрылась.

– У меня такого намерения и нет, – ответил я довольно резко, хотя зол был только на бесцеремонную старуху. – Но прежде чем уйти, Хелен, я должен вам сказать одну вещь...

– Какую же?

– Нет-нет, не сейчас. Я пока еще толком не знаю сам, в чем суть и как к этому приступить, – ответил я правдиво, но не слишком толково и, перепугавшись, что она меня сразу выгонит, принялся говорить, не помню уж о каких пустяках, чтобы выиграть время. Тут явилась Рейчел, и, просунув раскаленную докрасна кочергу сквозь решетку, умело подожгла растопку,

и удалилась, бросив на меня еще один суровый, враждебный взгляд. Но он меня тронул мало, и я продолжал говорить, усадив миссис Грэхем у камина. А потом, придвинув стул и для себя, осмелился сесть, хотя почти не сомневался, что она предпочла бы, чтобы я ушел.

Вскоре мы оба умолкли и несколько минут рассеянно смотрели на огонь. Она была погружена в свои невеселые думы, а я размышлял, как было бы чудесно сидеть вот так подле нее, чтобы нас не стесняло ничье присутствие, даже Артура, нашего милого друга, до сих пор всегда бывшего третьим меж нами. Как чудесно, если бы я осмелился открыться ей, дать волю чувствам, столь долго заключенным в моем сердце и рвавшимся теперь наружу, как ни старалось оно их сдерживать! И я принялся серьезно взвешивать, не признаться ли ей теперь же, умолять о взаимности, о разрешении назвать ее своей, о праве защищать ее от черной клеветы злых языков. С одной стороны, я вдруг уверовал в свое умение убеждать и почти не сомневался, что сердечный пыл одарит меня непобедимым красноречием, что самая моя решимость, безоговорочная необходимость добиться желанной цели, уже должна принести мне полную победу. С другой стороны, я опасался потерять даже то, чего мне удалось добиться ценой столь неимоверных усилий и осмотрительности, одним опрометчивым поступком разрушить все надежды, тогда как время и терпение могли бы принести успех. Словно я ставил свою жизнь на один бросок костей. Тем не менее я уже почти решился. Во всяком случае, я буду умолять ее об объяснении, которое она мне пообещала. Я потребую, чтобы она открыла, какая ненавистная преграда, какая таинственная помеха стоит между мной и моим счастьем, а также – хотелось мне верить – и ее счастьем.

Но пока я искал нужные слова, она с чуть слышным вздохом очнулась от задумчивости и, взглянув в окно туда, где из-за темного фантасмагорического тиса выплывала кроваво-красная августовская луна, чьи лучи начали проникать в комнату, сказала:

– Гилберт, уже поздно.

– Да, я вижу. Вы хотите, чтобы я ушел?

– Вы должны. Если мои добрые соседи проведают о вашем визите – а в этом можно не сомневаться! – они истолкуют его не самым лестным для меня образом.

Произнесла она все это с какой-то яростью, как, наверное, выразился бы мистер Миллуорд.

– Пусть толкуют, как им угодно, – ответил я. – Какое дело до их мыслей и вам и мне, до тех пор пока мы уверены в себе и друг в друге! Пусть провалятся в тартарары со своими гнусными толкованиями и лживыми выдумками!

– Значит, вы слышали, что они говорят обо мне?

– Слышал несколько омерзительных измышлений, которым могут поверить только дураки, Хелен. А потому не расстраивайтесь из-за них.

– Мистер Миллуорд не показался мне дураком, а он всему этому верит. Но как бы мало вы ни ценили мнение окружающих, как бы мало ни уважали их, тем не менее нет ничего приятного в том, что вас считают исчадием лжи и лицемерия и приписывают вам то, от чего вы с отвращением отворачиваетесь, и обвиняют в пороках, вам ненавистных; в том, что ваши добрые намерения рушатся, а руки оказываются связанными; в том, что вас обливают незаслуженным презрением, и вы невольно бросаете тень на принципы, которые исповедуете.

– Справедливо, и, если я опрометчивостью и эгоистическим пренебрежением к условностям хоть как-то способствовал тому, что на вас обрушились такие беды, молю вас не только о прощении, но и о позволении искупить свою вину: дайте мне право очистить ваше имя, сделать вашу честь моей честью, защищать вашу репутацию даже ценой собственной жизни!

– И у вас хватит героизма соединить себя с той, кого, как вам известно, порочат и презирают все вокруг? Вы решитесь назвать ее интересы, ее честь своими?

– Я бы гордился этим, Хелен! Был бы неописуемо рад и счастлив! И если это – единственное препятствие для нашего союза, то его более не существует, и вы должны... вы будете моей!

Вне себя я вскочил, схватил ее руку и пылко прижал бы к губам, но она столь же внезапно ее отдернула и воскликнула горестно:

– Нет-нет, есть и другое!

– Но какое же? Вы обещали, что со временем я узнаю, так неужели...

– И узнаете... но не сейчас... Ах, как у меня болит голова! – сказала она, прижимая ладонь ко лбу. – Мне надо отдохнуть... Я и так уже сегодня столько выстрадала! – воскликнула она с отчаянием.

– Но если вы скажете, вам станет легче! – не отступал я. – Вы облегчите душу, а я буду знать, как вас утешить.

Она грустно покачала головой.

– Если вам станет известно все, то и вы будете винить меня... может быть, даже больше, чем я того заслуживаю... пусть я и причинила вам огромное зло, – произнесла она почти шепотом, словно думая вслух.

– Вы, Хелен? О чем вы говорите?

– Правда, невольно. Ведь я не представляла себе силу и глубину вашего чувства... Я верила... старалась верить, что вы относитесь ко мне так по-братски, так бесстрастно, как вы притворялись.

– То есть как ко мне относитесь вы?

– Да, как я... должна была бы... Легко, поверхностно, эгоистично...

– Вот тут вы действительно причинили мне зло.

– Знаю. И даже тогда у меня были подозрения. Но я решила, что безопасно предоставить вашим надеждам и фантазиям мало-помалу сгореть в собственном пламени или же перепорхнуть на более достойный их предмет. Мне же осталась бы ваша дружеская симпатия. Но знай я глубину вашей привязанности ко мне, бескорыстие и благородство чувства, которое вы как будто испытываете...

– *Как будто*, Хелен?

– Хорошо, пусть без «как будто»... то я вела бы себя иначе.

– Каким образом? Быть со мной строже и холоднее вы не могли бы! Если же вы полагаете, что причинили мне зло, одарив своей дружбой и иногда позволяя мне наслаждаться вашим обществом и беседой, хотя все мои надежды на большую близость были тщетны – как вы постоянно давали мне понять, – если же вы полагаете, что причиняли мне зло, то вы глубоко ошибаетесь. Ведь эти милости сами по себе не только преисполняли восторгом мое сердце, но возвышали, очищали, облагораживали мою душу. И вашу дружбу я предпочитаю любви всех прочих женщин в мире!

Вовсе не утешенная, она сжала руки на коленях и в безмолвной муке молитвенно возвела глаза к небу, а затем спокойно обратила их на меня и сказала:

– Завтра, если вы встретитесь со мной на вересковой пустоши, я открою вам все, что вы стремитесь узнать. И быть может, тогда вы поймете, насколько необходимо прервать нашу дружбу, если только сами не отвернетесь от меня, как более недостойной вашего уважения.

– Вот этого никогда не будет, Хелен! Подобного признания вы сделать не можете и, видно, просто испытываете мою верность.

– Ах, нет! – ответила она. – Если бы так! Благодарение небу, – добавила она после краткой паузы, – в тяжких преступлениях мне признаваться не надо. Однако вы услышите больше, чем вам хотелось бы, а возможно, и больше, чем сумеете извинить, – и больше, чем я могу сказать вам сейчас. А потому, прошу вас, уйдите!

– Хорошо. Но прежде ответьте мне на один вопрос. Вы любите меня?

– Я на него не отвечу.

– Тогда я буду считать, что услышал «да», и пожелаю вам доброй ночи.

Она отвернулась, пряча чувства, с которыми не могла вполне совладать, но я схватил ее руку и пылко поцеловал.

– Гилберт, да уйдите же! – воскликнула она с такой болью, что было бы жестокостью ее слушаться.

Но, затворяя за собой дверь, я оглянулся и увидел, что она наклонилась над столом, закрыла глаза руками и судорожно рыдает. Тем не менее я бесшумно ушел, полагая, что всякая попытка утешения только усугубит ее страдания.

Потребовался бы целый том, чтобы описать тебе вопросы, предположения, страхи и надежды, которые теснились в моем мозгу, пока я спускался с холма, не говоря уж о вихре обуревавших меня чувств. Но еще на полпути до подножия невыносимая жалость к той, кого я оставил в неутешной печали, вытеснила все остальное и пробудила неодолимое желание вернуться. «Куда я тороплюсь? – спросил я. – Разве дома я обрету спокойствие, утешение, душевный мир, уверенность? Хотя бы что-то одно? И разве могу я оставить ее в таком смятении, тревоге и печали?»

Я оглянулся на старый дом. С того места, где я стоял, видны были только печные трубы, и мне пришлось пройти обратно, чтобы увидеть его весь. Но я лишь на миг остановился, окинул его взглядом и продолжал подниматься по склону к этому угрюмому средоточию моих надежд. Что-то толкало меня подойти ближе, еще ближе... А почему бы и нет? Ведь созерцание старинного здания, в стенах которого, озаренных особым золотистым светом августовской луны, обитала владычица моей души, дарило мне больше радости, чем сулило возвращение домой, где меня ждали свет и веселое оживление, столь чуждые моему теперешнему настроению, тем более что мои близкие в той или иной мере верили гнусной клевете, при одной мысли о которой у меня кровь закипала в жилах. Как я стерплю, если ее повторят вслух или – что еще хуже – язвительно намекают на нее? Ведь даже и сейчас меня терзал злобный бесенок, нашептывая мне на ухо: «А вдруг это правда?» В конце концов я не выдержал и крикнул:

– Нет, это ложь! И ты никогда не заставишь меня поверить ей!

Мне уже были смутно видны красные отблески огня в окнах гостиной. Я подошел к садовой ограде, оперся о верхний край и, устремив взгляд на частый переплет окна, попытался представить себе, что она сейчас делает, что думает, страдает ли... Ах, если бы я мог сказать ей одно-единственное слово или хотя бы мельком увидеть ее, прежде чем уйду!

Впрочем, почти сразу же, не устояв перед искушением, я перемахнул через ограду, чтобы заглянуть в окно и убедиться, что она несколько успокоилась. Если же нет... да, я попытаюсь утешить ее, сказать хоть частицу того, что должен был бы излить ей прежде, вместо того чтобы усугубить ее муки своей несдержанностью! И я заглянул в окно. Ее кресло было пустым, пустой была и комната.

В этот миг отворилась входная дверь и голос – *ее голос* – произнес:

– Выйдем. Я хочу посмотреть на луну, подышать вечерним воздухом, может быть, они принесут мне облегчение!

Они с Рейчел сейчас выйдут в сад! Я от души пожелал мгновенно очутиться по ту сторону ограды, но замер в тени высокого остролиста, который, раскинув ветки между окном и крыльцом, скрывал меня от посторонних взглядов, но не помешал мне увидеть, как на залитую лунной дорожку спустились две фигуры. Миссис Грэхем и... нет, не Рейчел, а молодой человек, стройный, довольно высокий! Какая боль сжала мои виски! У меня потемнело в глазах, но мне почудилось... да-да, и голос его... Это был мистер Лоренс!

– Ты напрасно принимаешь все это так близко к сердцу, Хелен, – сказал он. – Впредь я буду осторожнее и со временем...

Конец фразы я не расслышал, так как он шел рядом с ней и говорил почти шепотом. Мое сердце разрывалось от ненависти, но я затаил дыхание, чтобы не упустить ни слова из ее ответа, и ясно различил каждое:

– Но я должна уехать отсюда, Фредерик. Тут у меня не будет ни одной счастливой минуты... Как, впрочем, и в любом другом месте, – добавила она с невеселым смешком. – Но остаться я не могу.

– Но где ты найдешь приют надежнее? Такой уединенный, и по соседству со мной, если последнее для тебя что-нибудь значит.

– Конечно! – перебила она. – И ничего лучше я пожелать бы не могла, если бы только они оставили меня в покое!

– Но куда бы ты ни уехала, Хелен, начнется то же самое. Я не хочу с тобой расставаться. Или мы уедем вместе, или я приеду к тебе потом. А навязчивых дураков всюду много.

Тем временем они успели пройти мимо меня и теперь удалились на такое расстояние, что слова их до меня больше не долетали. Но я увидел, как он обнял ее за талию, а она нежно положила руку ему на плечо. Затем их поглотила тьма. Сердце у меня разрывалось, голова горела. Пошатываясь, я покинул место, где ужас заставил меня окаменеть, и перепрыгнул, а может быть, кое-как перелез через ограду – точно уж не помню. Зато помню, как я бросился на землю, словно обиженный ребенок, изнывая от гнева и отчаяния. Не знаю, сколько времени я пролежал так, но, видимо, очень долго. Во всяком случае, когда потоки слез немного облегчили мою душу и, поглядев на холодную безмятежную луну (столь же равнодушную к моим страданиям, как я – к ее мирному блеску), моля Бога послать мне смерть или забвение, я наконец поднялся на ноги, побрел без дороги в сторону моего дома и в конце концов чудом оказался перед ним, то нашел дверь крепко запертой. Все уже давно легли, кроме матушки, которая поспешила отворить ее в ответ на мой нетерпеливый стук и встретила меня градом вопросов и упреков.

– Ах, Гилберт, как ты мог? Где ты пропадал? Входи же, ужин тебя ждет. Я его оставила для тебя, хотя ты этого не заслуживаешь, потому что насмерть меня перепугал. Вдруг ни с того ни с сего выскочил из дому... Мистер Миллуорд был совершенно... Сыночек, да ты же совсем болен! Что с тобой?

– Ничего. Совсем ничего. Дай мне свечу.

– А ужин как же?

– Нет, я хочу сразу лечь, – ответил я, беря свечу и зажигая ее от той, которую держала матушка.

– Гилберт, но ты же весь дрожишь! – воскликнула моя родительница вне себя от тревоги. – И бледен как полотно. Что с тобой? Что случилось?

– Да ничего! – буркнул я, готовый затопать ногами, потому что свеча никак не зажигалась. Но затем, подавив раздражение, добавил: – Я слишком быстро шел, только и всего! – И начал подниматься по лестнице, хотя вслед мне донеслось:

– Быстро шел! Да где же ты был?

Матушка проводила меня до самой спальни, перемежая вопросы советами побережь здоровье и сетованиями на мое поведение. Но я упросил ее отложить расспросы до утра. В конце концов она удалилась, и я с облегчением услышал, как стукнула дверь ее спальни. Однако я решил, что спать все равно не буду, и принялся расхаживать взад-вперед по комнате, предвзательно сняв сапоги, чтобы матушка не услышала. Но половицы поскрипывали, а она была на чеку, и не прошло и четверти часа, как она поскреблась в мою дверь.

– Гилберт, почему ты не ложишься? Ты же сказал, что хочешь лечь!

– Сейчас и лягу! – ответил я.

– Но почему ты ходишь по комнате? Что-то у тебя на душе...

– Ради всего святого, оставь меня в покое и ложись сама.

– Неужели тебя так расстроила миссис Грэхем?

– Да нет же? Сколько раз тебе повторять? Ничего не случилось.

– Дай-то бог! – прошептала она со вздохом и вернулась к себе, а я кинулся на кровать, без малейшей сыновней почтительности ругая матушку за то, что она лишила меня даже столь малого облегчения и приковала к этому жуткому ложу из терниев.

Никогда в жизни не проводил я столь тягостной, столь нескончаемой ночи. Однако вовсе бессонной она не была. Под утро мои и без того смятенные мысли совсем утратили ясность и смешались с лихорадочными сонными видениями, а затем я погрузился в тупую дрему. Но лучше бы я вовсе не засыпал! Такая горечь нахлынула на меня с пробуждением, едва я вспомнил, что отныне жизнь моя пуста... о нет, хуже чем пуста!.. наполнена муками и страданиями, не просто бесплодная пустыня, но заросшая терновником и другими колючими кустами, что меня обманули, обвели вокруг пальца, оставили в дураках, что мою любовь растоптали, что мой ангел – вовсе не ангел, а мой друг – дьявол во плоти. Да лучше бы мне вовсе не просыпаться!

Утро было темное, пасмурное, словно погода изменилась в лад моим чувствам. По стеклам стучал дождь. Тем не менее я оделся и вышел из дома. Не для того, чтобы побывать на ферме, хотя и намеревался сослаться на этот предлог, – но чтобы немножко остудить горячий мозг и попробовать собраться с силами настолько, чтобы во время завтрака не навлекать на себя лишних вопросов. Если я вымокну, а к тому же сошлюсь на усталость от работы перед завтраком, это послужит достаточным объяснением внезапной потери аппетита. Ну, а если я заболею, то чем тяжелее, тем лучше! Будет чем объяснить угрюмость и печаль, которым еще очень долго предстоит омрачать мое чело.

Глава XIII

Возвращение на стезю долга

– Милый Гилберт! Не мог ли бы ты держаться помягче? – как-то утром спросила матушка после очередной моей неоправданной грубости. – Ты говоришь, что с тобой ничего не случилось, что тебя ничто не расстроило, но я в жизни не видела, чтобы кто-нибудь так переменялся за какие-то несколько дней! Ты никому доброго слова не скажешь – близкие люди или чужие, знакомые или работники, для тебя все едины. Мне очень хотелось бы, чтобы ты перестал.

– Что перестал?

– Так странно себя вести. Ты даже представить себе не можешь, как это тебя портит! Ведь от природы у тебя прекрасный характер! И нет никаких оправданий, если ты поступаешь наперекор ему.

Она продолжала пенять мне, но я взял книгу, раскрыл ее перед собой и сделал вид, будто погрузился в чтение, так как не мог ничего сказать в свое оправдание и не желал признавать ее правоту. Но моя досточтимая родительница продолжала читать мне наставления, а потом попробовала пустить в ход ласку и погладила меня по волосам, и я уже почувствовал себя паймальчиком, но тут мой нахальный братец, болтавшийся в комнате без дела, вновь облил меня дегтем, воскликнув:

– Мама, держитесь от него подальше! Он кусается! Не человек, а какой-то тигр. Сам я махнул на него рукой, отрекся от него, вырвал наше родство с корнем и всеми ветками! Если я на пять шагов к нему подойду, тут мне и смерть. Вчера он чуть не проломил мне голову, за то лишь, что я запел миленькую безобидную любовную песенку, чтобы его развлечь.

– Ах, Гилберт! Как ты мог? – вскричала матушка.

– Я ведь сперва предупредил тебя, Фергес, чтобы ты прекратил свой кошачий концерт, – буркнул я.

– Верно, но я же заверил тебя, что мне это вовсе нетрудно, и запел второй куплет – вдруг бы да он понравился тебе больше? – а ты схватил меня за плечи и швырнул об стену. Я чуть язык пополам не перекусил и уж думал, что стенка вся облеплена моими мозгами. Но потом пощупал макушку, убедился, что кость цела, и возблагодарил небо за такое чудо. Но бедняжка! – добавил он с сочувственным вздохом. – Ведь у него разбито сердце, что так, то так, а голова...

– Хоть теперь-то ты замолчишь? – крикнул я и вскочил с таким свирепым видом, что матушка, боясь, как бы ему не пришлось худо, ухватила меня за локоть и умоляла не трогать его. Фергес тем временем неторопливо скрылся за дверью, сунув руки в карманы и вызывая насмешливую «Ужель я буду смерть искать, коль ей дано красой блистать?..», ну и так далее.

– Очень мне нужно руки марать! – ответил я на материнские увещания. – Да я до него кончиком пальца не дотронусь, пусть меня озолотят!

Тут я вспомнил, что мне все-таки следует поговорить с Робертом Уилсоном: я давно подумывал купить у него луг, граничивший с моим, но без конца откладывал этот разговор, так как потерял всякий интерес к делам фермы, был в меланхоличном настроении, а главное – не желал встречаться ни с Джейн Уилсон, ни с ее мамашей. Правда, теперь у меня имелась веская причина поверить историям, которые они распускали про миссис Грэхем, однако это отнюдь не пробудило во мне любви к ним – да и Элизе Миллуорд тоже. Такая встреча была для меня тем тяжелее, что теперь я уже не мог презирать их за ложь и упиваться сознанием собственной верности. Однако пора было вернуться на стезю долга. И уж лучше пойти к Роберту, чем сидеть без дела, – во всяком случае доходнее. Пусть мое жизненное призвание не сулит мне никаких радостей, ничто другое меня не манит, а потому с этого дня я вновь взвалю на плечи свою

ношу и побреду, как ломовая лошадь, свыкшаяся со своей долей, – и так пройду по жизни, угрюмо принося пользу и не жалуясь на свой жребий, хотя бы он меня и не удовлетворял.

Приняв это решение со злобной покорностью судьбе, если такое выражение возможно, я направил стопы свои на ферму Райкаут, не думая, что застану владельца дома в такой час, но рассчитывая узнать, на каком лугу или поле смогу его найти.

Дома его действительно не оказалось, но он должен был вернуться с минуты на минуту, а потому меня пригласили подождать его в гостиной. Миссис Уилсон, сообщив мне это, отправилась хлопотать на кухне, но, увы, в гостиной моим очам предстала мисс Уилсон, оживленно болтающая с Элизой Миллуорд. Я тотчас обещал себе, что буду спокоен и холодно-вежлив. Видимо, такое же решение приняла и Элиза. Мы не виделись с достопамятного нашего чаепития, но при виде меня она сохранила полное равнодушие – ни радости, ни обиды, ни жалобной грусти, ни уязвленной гордости. Держалась она, как требовала того благовоспитанность, была непринужденно весела, что я особым грехом не счел бы, но в ее выразительных глазах таилась злоба, ясно сказавшая мне, что я далеко не прощен. Она больше уже не надеялась прибрать меня к рукам, но свою соперницу продолжала ненавидеть и была рада случаю уязвить меня побольнее. Мисс Уилсон, со своей стороны, была сама любезность, и хотя мне не очень хотелось разговаривать, барышни совместными усилиями умудрялись поддерживать непрерывный огонь светской болтовни. Затем Элиза выбрала случай спросить, давно ли я видел миссис Грэхем, – тоном самым небрежным, но искоса бросив на меня взгляд, полный не игривого лукавства, как ей хотелось бы, но откровенного злорадства.

– Довольно давно, – ответил я столь же небрежно, глядя прямо в ее злые глаза, но с досадой почувствовал, что, вопреки всем моим усилиям, у меня начинают гореть щеки.

– Как? Вы уже утрачиваете интерес? А я полагала, что столь привлекательная особа сумеет удержать вас по меньшей мере год!

– Я предпочел бы не говорить о ней.

– А-а! Так вы наконец убедились в своей ошибке? Вы все-таки обнаружили, что ваша богиня не столь уж безупречна...

– Я просил вас не говорить о ней, мисс Элиза.

– О, прошу прощения! Как вижу, стрелы Купидона оказались очень остры и не просто царапнули кожу, но оставили глубокие раны, и они, не успев зажить, кровоточат при каждом упоминании возлюбленного имени.

– Вовсе нет, – вмешалась мисс Уилсон, – мистер Маркхем просто считает, что это имя не следует упоминать в кругу порядочных людей. Элиза, я вам удивляюсь: неужели вы не понимаете, что упоминание этой несчастной никому здесь не может быть приятно?

Как было терпеть подобное? Я встал, чтобы схватить шляпу и в негодовании бежать из этого дома, но вовремя сообразил, в какое унижительное положение поставил бы себя, дав моим прекрасным мучительницам лишний повод посмеяться надо мной. И ради той, которая теперь казалась мне недостойной никаких жертв (хотя отзвуки былой благоговейной любви были еще настолько живы в моем сердце, что я не желал слушать, как ее имя порочат), я только отошел к окну, злобно закусив губу, и несколько секунд спустя, когда моя грудь перестала бурно вздыматься, сказал мисс Уилсон, что ее брат, очевидно, задержался, а мне время дорого, и потому я лучше зайду завтра в более удобное время, когда скорее застану его дома.

– Нет-нет! – возразила она. – Погодите минутку. Он непременно придет, потому что собирается в Л. (ближайший к нам городок) и должен перед дорогой съесть легкий завтрак.

Мне пришлось подчиниться, но, к счастью, ждать пришлось недолго. Мистер Уилсон действительно пришел через несколько минут, и, хотя мне вовсе не хотелось заниматься делами, хотя луг интересовал меня не больше, чем его владелец, я заставил себя сосредоточиться и с похвальной деловитостью быстро столкнулся о покупке – вероятно, скопидом-фермер был

доволен сделкой куда больше, чем высказал это вслух. Затем, оставив его вкушать весьма обильный «легкий завтрак», я с радостью покинул этот дом и отправился к своим жнецам.

Они уже приближались к концу долины, и я решил подняться по склону к ржаному полю и поглядеть, не ждет ли оно серпов, но так до него в этот день и не добрался, ибо вдруг увидел, что мне навстречу идут миссис Грэхем и Артур. Они тоже увидели меня, и Артур кинулся ко мне бегом, но я тотчас повернулся и зашагал вниз, так как твердо решил больше никогда с его матерью не видаться. Как детский голосок ни просил меня «подождать минутку», я не замедлил шага, и он вскоре умолк. То ли Артур понял, что бежать за мной бесполезно, то ли мать подозвала его к себе. Во всяком случае, когда пять минут спустя я обернулся, их нигде не было видно.

Эта случайная встреча взволновала и смутила меня самым непонятным образом – разве что стрелы Купидона не только глубоко меня ранили, но оказались еще и зазубренными, так что мне пока не удалось вырвать их из сердца. Но как бы то ни было, до конца дня я чувствовал себя несчастным вдвойне.

Глава XIV

Удар

На следующее утро мне пришло в голову, что у меня тоже есть дела в Л., а потому я оседлал лошадь и отправился туда сразу после завтрака. Моросил мелкий дождик, но я не обращал на него внимания: хмурое небо как нельзя лучше гармонировало с моим настроением. Я полагал, что дорога будет пустынной – день был не базарный, – и это соображение также меня прельщало.

Некоторое время я трусил мелкой рысцой, пережевывая жвачку горчайших фантазий, а потом услышал за спиной конский топот, но даже не подумал о том, кем может оказаться этот всадник. Однако на некрутом подъеме я пустил лошадь тише, а вернее, воспользовавшись моей рассеянностью, она сама перешла на ленивый шаг, благо я предоставил ей полную свободу, и тут неизвестный нагнал меня. И окликнул по имени, потому что это был мой знакомый – это был мистер Лоренс! Мои пальцы, державшие хлыст, зачесались и инстинктивно сжались крепче. Но я не дал себе воли и, сухо кивнув на его приветствие, поехал быстрее. Он скоро опять меня нагнал и завел разговор о погоде и видах на урожай. Я отвечал на его вопросы и замечания как мог короче, а потом опять перешел на шаг. Он тоже придержал своего Серого и спросил, не охромела ли моя лошадь. Я ответил ему уничтожающим взглядом, а он безмятежно улыбнулся!

Я был не только раздражен, но и изумлен его непонятным упрямством и невозмутимостью. Мне казалось, что после нашей последней встречи он должен был бы держаться со мной холодно и отчужденно. Он же не только словно забыл все прошлые обиды, но и не обращал внимания на то, как я его обрываю. Прежде стоило ему заметить или вообразить самую легкую холодность в тоне или во взгляде, как он сразу же спешил отойти от собеседника, а теперь его не отталкивала открытая грубость! Может быть, он прослышал о моем разочаровании и захотел полюбоваться результатами, насладиться моим отчаянием? Я сжал хлыст еще крепче, но все-таки удержался и молча ждал более явного оскорбления, чтобы распахнуть шлюзы моей души и дать выплеснуться наружу клокочущей ярости.

– Маркхем, – сказал он с обычным спокойствием, – почему вы ссоритесь со своими друзьями, испытав разочарование, в котором они неповинны? Ваши надежды не сбылись, но почему сердиться на меня? Ведь я, как вы помните, вас предупреждал, но вы не пожелали...

Он не договорил: словно побуждаемый каким-то бесом, я перехватил хлыст за тонкий его конец и с внезапностью и быстротой молнии обрушил другой на голову мистера Лоренса! Со свирепой радостью я увидел, что по его лицу разлилась смертельная бледность, лоб оросили красные капли, и, закачавшись в седле, он упал навзничь посреди дороги. Конек, столь неожиданно и непривычно избавленный от своей ноши, вздыбился, сделал несколько курбетов, а потом воспользовался свободой и принялся щипать траву под изгородью, а его хозяин продолжал лежать неподвижно, точно труп. Неужели я его убил? Я нагнулся над ним, с ужасом вглядываясь в жуткое откинутае вверх лицо, и сердце мое сдавила ледяная рука, прекратив его бие-ние... Но нет! Веки лежащего дрогнули, он застонал. Я перевел дух. Оглушен ударом, и ничего больше! Поделом ему, в следующий раз подумает, прежде чем позволять себе такую развязность! Может, помочь ему сесть на лошадь? Ну, нет! Любое другое сочетание оскорблений я бы спустил, но он позволил себе непростительное. Пусть сам взбирается в седло, если захочет... и когда захочет. Вон он уже зашевелился, открыл глаза, а конек пасется совсем рядом!

И с проклятием я оставил негодяя его судьбе, прищепил коня и галопом унесся прочь в странном опьянении чувств, проанализировать которое трудно. Впрочем, такой анализ, боюсь, не сделал бы мне чести, так как в основе, пожалуй, лежало злорадное ликование, рожденное моим поступком.

Но почти сразу же возбуждение начало спадать, и несколько минут спустя я повернул лошадь и возвратился, чтобы помочь моей жертве, если потребуется. Руководил мной не благородный порыв, не раскаяние и даже не страх перед последствиями, ожидавшими меня, если я усугублю содеянное тем, что брошу Лоренса на произвол судьбы, подвергая дальнейшей опасности, – нет, во мне просто заговорила совесть. И я испытывал немалую гордость, что так быстро подчинился ее голосу, – но если вспомнить, какого усилия мне это стоило, то, быть может, некоторое право гордиться у меня было.

Мистер Лоренс и его конек за эти минуты изменили свое положение. Второй удалился от места происшествия шагов на десять-двенадцать, а первый каким-то образом перебрался с середины дороги на ее край. Теперь он сидел полуоткинувшись на откосе, лицо его сохраняло жуткую бледность, а батистовый носовой платок, который он прижимал ко лбу, уже совсем покраснел. Удар, видимо, был сильным, но почти вся честь (или вина – это уж как тебе угодно) принадлежала массивной металлической конской морде, которая украшала рукоятку моего хлыста. Трава, намокшая от дождя, служила не слишком удобной кушеткой, костюм молодого помещика сильно испачкался, а шляпа откатилась в грязь на другом краю дороги. Но его мысли как будто были сосредоточены на Сером – он следил за коньком взглядом, в котором бессильная тревога мешалась с унылой покорностью судьбе.

Я спешил, привязал свою лошадь к ближайшему дереву и подобрал шляпу с намерением водрузить ее на голову владельца. Но то ли он опасался за вторую, то ли ему не понравилось состояние первой, только он выхватил ее у меня из рук и презрительно отбросил в сторону.

– Для тебя и такая годится! – буркнул я себе под нос и пошел за коньком. Поймать его не составило труда, так как нрав у него был смирный, и после нескольких игривых взмахов головы и прыжков он позволил схватить себя за уздечку. Но предстояло еще усадить в седло его хозяина.

– Эй ты, подлец... пес! Давай руку, и я помогу тебе взобраться на лошадь.

Но нет! Он с отвращением отвернулся от меня. Я подхватил его под локти, однако он откинулся, словно брезгуя моим прикосновением.

– Ах, не желаете? Ну, так сидите тут хоть до судного дня, мне все равно. Только вряд ли вам хочется истечь кровью. Так уж и быть, рану я перевяжу.

– Будьте добры, оставьте меня в покое.

– Хм! С радостью. Да убирайтесь ко всем чертям, раз вам так угодно, и скажите, что это я вас прислал!

Но прежде чем ускакать, я привязал его конька к столбу изгороди, а ему бросил свой платок, потому что его собственный уже весь напился кровью. Он поднял его и из последних сил швырнул обратно с презрительным отвращением. Это было последнее оскорбление, довершившее все остальные. Разразившись проклятиями, негромкими, но свирепыми, я вернулся к своей лошади, предоставив ему жить или умереть по собственному выбору. Мысленно я хвалил себя за то, что выполнил свой долг (но забывал при этом, что в таком состоянии он оказался по моей вине, а помощь свою я предложил наиоскорбительнейшим образом), и угрюмо готовился принять последствия, если он вздумает обвинить меня в попытке убить его, что представлялось мне вполне вероятным: уж наверное, им руководили злобные намерения такого рода, когда он с извращенным упрямством отверг все мои попытки облегчить его положение.

Вскочив в седло, я, прежде чем уехать, оглянулся. Лоренс встал на ноги и, держась за гриву жеребчика, попытался взобраться на него, но едва вставил ногу в стремя, как им овладела дурнота, он прижался лбом к лошадиной спине, сделал еще одно тщетное усилие и вновь опустился на траву, откинув голову в ее мокрую гущу, словно безмятежно расположился отдохнуть на диване у себя дома.

Мне следовало бы помочь ему, как бы он ни возражал, – перевязать рану, раз сам он не сумел остановить кровь, посадить на лошадь, проводить до дома. Но этому воспрепятствовал не только бушевавший во мне гнев, а и мысль о том, что я должен буду сказать его слугам и что – моим близким. Либо рассказать правду, – а тогда меня сочтут сумасшедшим, если только я не открою истинной причины, о чем не могло быть и речи, – либо придумать какую-нибудь убедительную ложь, о чем тоже не стоило и думать. Тем более что мистер Лоренс, конечно же, расскажет все, как было, и я окажусь опозоренным втройне – разве что у меня хватит подлости воспользоваться отсутствием свидетелей и представить его даже большим негодяем, чем он был на самом деле. Нет! В конце-то концов, у него только рассечена кожа на лбу, да еще он мог получить несколько синяков при падении или от копыт своего жеребчика, а от этого он не умрет, пролежи тут хоть до вечера. И если сам сесть в седло так и не сумеет, кто-нибудь же проедет мимо. Не может быть, чтобы именно в этот день этой дорогой никто, кроме нас, не воспользовался! Ну, а что он расскажет... Подождем – увидим. Если солжет, я его обличу, а если скажет правду, стерплю, насколько сумею. Объяснений я никаких давать не обязан, кроме тех, которые сам сочту нужными. Вполне возможно, что он предпочтет отмолчаться из опасений, как бы сплетники не начали допытываться о причинах ссоры, а тогда откроются его отношения с миссис Грэхем, которые он ради нее или ради собственных интересов столь тщательно скрывал.

Рассуждая подобным образом, я добрался до городка, где сделал то, что намеревался, и выполнил разные поручения матушки и Розы с похвальной обязательностью, если принять во внимание происшествие на дороге. На обратном пути меня охватили всевозможные дурные предчувствия. Что, если я увижу, что злополучный Лоренс все еще лежит на сырой земле, совсем замерзший и ослабевший? Или даже его застывший труп? Этот жуткий, внезапно поразивший меня вопрос вызвал в моем воображении страшную картину того, что мне предстояло увидеть на роковом месте, к которому я как раз приближался. Но нет! Благодарение небесам, ни человека, ни лошади там уже не было, и лишь два предмета обличали меня – правда, и сами по себе отвратительные, и словно бы свидетельствовавшие о тяжком преступлении, если прямо не об убийстве! – размокшая от дождя, облепленная грязью шляпа с тульей, промятой и рассеченной рукояткой хлыста, и багровый носовой платок в лужице сильно порозовевшей воды (дождь ведь не переставал моросить).

Дурные новости распространяются с быстротой пожара. Когда я вернулся домой, еще не было и четырех, но матушка встретила меня печальным вздохом:

– Ах, Гилберт, как ужасно! Роза ходила за покупками и узнала в лавке, что мистера Лоренса сбросила лошадь. Когда его привезли домой, он был при смерти.

Ну, ты представляешь, как это меня ошеломило, но мне тут же стало легче на душе, так как дальше я услышал, что у него проломлен череп и сломана нога. Я-то знал, что это выдумки, и во мне вспыхнула надежда, что и все остальное столь же преувеличено. Но матушка и Роза так ему сочувствовали и так за него опасались, что я с трудом удерживался, чтобы не утешить их, объяснив, что, насколько мне известно, он отделался рассеченным лбом да несколькими ушибами.

– Ты должен завтра поехать справиться о нем, – сказала матушка.

– А лучше бы сегодня, – добавила Роза. – Сейчас еще рано, и ты можешь взять пони, если твоя лошадь устала. Вот съешь что-нибудь и поезжай, хорошо, Гилберт?

– Нет, нет! Откуда мы знаем, не пустые ли это выдумки? Маловероятно...

– Да что ты! В деревне все только об этом и говорят. И я сама видела двоих, которые видели тех, которые видели человека, который его нашел. Конечно, в первую минуту как-то не верится, но если подумать...

– Но Лоренс прекрасно ездит верхом. Весьма маловероятно, что он вообще мог упасть. А если это и случилось, так без подобных повреждений. Уж они-то, несомненно, сильно преувеличены.

– Так ведь его брыкнула лошадь или наступила...

– Что?! Его смирный жеребчик?

– А откуда ты знаешь, что он ехал на нем?

– Он же всегда на нем ездит.

– В любом случае, – вмешалась матушка, – завтра ты должен у него побывать. Правда это, выдумки или преувеличения, но осведомиться о его здоровье необходимо.

– Пусть Фергес съездит.

– А почему не ты?

– У него больше свободного времени. Я сейчас очень занят.

– А-а! Но, Гилберт, не понимаю, как ты можешь? Неужели в подобном случае нельзя отложить дела на час-другой? Когда твой друг умирает!

– Да ничего подобного, говорю же тебе.

– Откуда ты знаешь? А вдруг? Как ты можешь оставаться таким спокойным, пока не повидал его? Ведь что-то же с ним случилось, и ты непременно должен побывать у него. Иначе он на тебя обидится, и будет прав!

– А, провалился он в тартарары! Не могу. Последнее время между нами пробежала кошка.

– Ну, мой милый! Неужели же ты настолько обидчив, что позволишь мелким недоразумениям...

– Мелким, дальше некуда! – пробурчал я.

– И все-таки вспомни, что произошло! Подумай, как ты будешь чувствовать себя, если...

– Ну, хорошо, но мне сейчас не до этого. Там видно будет, – перебил я.

А видно оказалось вот что: утром я отправил Фергеса справиться от имени матушки о здоровье мистера Лоренса. Разумеется, сам я туда поехать не мог – как и передать ему мои лучшие пожелания. Фергес привез следующие известия: молодой помещик лежит в постели, потому что к рассеченной голове и сильным ушибам, полученным при падении с лошади, которая затем не сразу успокоилась (подробностей он не рассказал), добавилась еще сильная простуда, – ведь он долго пролежал под дождем на сырой земле. Но все кости у него целы, и безвременная кончина ему пока не угрожает.

Несомненно, ради миссис Грэхем он решил про меня не упоминать.

Глава XV

Встреча и ее последствия

В этот день дождь моросил, как и накануне, но к вечеру небо начало проясняться, и на следующее утро обнадеживающе засияло солнце. Я был на холме со жнецами. Колосья колыхались под легким ветерком, и вся природа вокруг улыбалась в солнечном сиянии. Среди серебристых медленно плывущих облачков заливался жаворонок. Недавний дождик так очистил и освежил воздух, так умыл небо, оставил такие алмазы на листьях и травинках, что даже у земледельцев не было желания его бранить. Но в мое сердце не мог проникнуть ни единый солнечный лучик, никакой ветерок не мог его освежить, ничто не могло заполнить пустоты, которая осталась в нем, когда моя вера, мои надежды, мое восторженное преклонение перед Хелен Грэхем были безвозвратно погублены, и ничто не могло изгнать из него томительные сожаления и горечь еще не угасшей любви.

Я стоял, скрестив руки на груди, и рассеянно следил за волнами, бегущими по еще не сжатой половине поля, как вдруг почувствовал, что меня дернули за рукав, и тонкий голосок, теперь уже не радовавший мой слух, положил конец моей задумчивости следующими неожиданными словами:

– Мистер Маркхем, вас мама зовет!

– Зовет *меня*, Артур?

– Да... А отчего у вас такой странный вид? – спросил он с некоторым испугом, когда я резко повернулся к нему. Но потом неуверенно засмеялся и продолжал: – И отчего вы так долго у нас не были? Ну, идемте же! Почему вы стоите?

– У меня сейчас много дел, – пробормотал я, не зная, что ему ответить.

Он заглянул мне в лицо с детским недоумением, но прежде чем я успел открыть рот, миссис Грэхем сама подошла к нам.

– Гилберт, я *должна* с вами поговорить, – произнесла она, еле сдерживая бурное волнение.

Я поглядел на ее бледные щеки, лихорадочно блестевшие глаза, но ничего не сказал.

– Не более минуты, – умоляюще добавила она. – Только уйдемте на соседнее поле. – Она посмотрела на жнецов, которые поглядывали на нее с наглым любопытством. – Я вас долго не задержу.

Я последовал за ней через пролом в изгороди.

– Артур, милый, собери мне букет колокольчиков вон там, – сказала она, указывая на их голубую россыпь у изгороди в некотором отдалении от пролома. Мальчик замялся, словно ему не хотелось расставаться со мной. – Беги, беги, моя радость, – добавила она более настойчивым тоном, который, хотя и не был строгим, не терпел возражений, и Артур послушно оставил нас вдвоем.

– Так что же, миссис Грэхем? – сказал я невозмутимо и холодно. Да, я видел, что она несчастна, даже испытывал к ней жалость и все-таки не мог отказать себе в удовольствии терзать ее.

Она обратила на меня взор, который прожег мне сердце – и заставил улыбнуться.

– Я не спрашиваю о причине такой перемены, Гилберт, – сказала она с горьким спокойствием. – Я знаю ее и без объяснений. Но хотя я видела, как другие подозревают и осуждают меня, и переносила это без особой боли, стерпеть подобное от вас я не могу. Почему вы не пришли выслушать мои объяснения в назначенный день?

– Потому что успел раньше узнать все, что вы намеревались мне сказать... А может быть, и немного больше.

– Последнее неверно, потому что я сказала бы вам все! – вскричала она с гневом. – Но теперь я вижу, что вы недостойны доверия!

Ее бледные губы дрожали от волнения.

– Позволено ли спросить, почему?

Она ответила на мою насмешливую улыбку взглядом испепеляющего презрения.

– Потому что вы меня никогда не понимали, иначе не стали бы с такой готовностью слушать моих клеветников! И моего доверия не заслуживаете – вы не тот человек, за которого я вас принимала. Уходите! Мне все равно, что бы вы обо мне ни думали!

Она отвернулась, а я ушел, так как решил, что это будет для нее лишней пыткой. И не ошибся – оглянувшись, я успел заметить, как она обернулась, словно надеясь или не сомневаясь, что увидит меня рядом. Убедившись в своей ошибке, она замерла, а потом посмотрела через плечо. Взгляд ее выражал не столько гнев, сколько мучительное страдание и отчаяние. Но я мгновенно напустил на себя равнодушие и притворился, будто бесцельно посматриваю по сторонам. Вероятно, она тотчас направилась вверх по склону. Во всяком случае, когда, помедлив, чтобы дать ей время подойти ко мне или хотя бы меня окликнуть, я снова оглянулся, она быстрым шагом удалялась вверх по склону, а маленький Артур бежал рядом и, видимо, о чем-то ей рассказывал, но она отворачивала от него лицо, словно не в силах справиться с собой.

Я вернулся к жнецам. И вскоре начал раскаиваться, что столь поспешно поймал ее на слове. Сомнений в том, что она меня любит, быть не могло. Вероятно, мистер Лоренс ей прискучил и она была бы рада променять его на меня. И если бы я не полюбил ее столь горячо и столь благоговейно, быть может, такое предпочтение, оказанное мне, позабавило бы меня и польстило моему самолюбию. Но теперь контраст между тем, чем она мне казалась и чем была, как я теперь верил, – между моим прежним и моим теперешним мнением о ней – ввергал меня в такой ужас, так угнетал мою душу, что ни о чем другом я не мог и помыслить.

Тем не менее мне захотелось узнать, какое объяснение дала бы она – или даст, если я его все-таки потребую. В чем она признается и какие подыщет себе оправдания? Я жаждал узнать, за что ею восхищаться, а за что ее презирать. Жалеть ли ее или только ненавидеть? А почему, собственно, мне этого не узнать? Я увижусь с ней еще раз и, прежде чем мы расстанемся, пойму, как мне следует на нее смотреть. Разумеется, она для меня потеряна навсегда. Но мне невыносимо было думать, что мы расстались навеки в таком гневе и в такой горе. Ее последний взгляд поразил меня в самое сердце. Я не мог его забыть. Но какой же я глупец! Разве она не обманула меня, не ранила, не сделала несчастным на всю жизнь? «Хорошо! Я с ней увижусь, – решил я окончательно. – Но не сегодня. До ночи и всю ночь пусть она думает о своих грехах и мучается. А завтра я отправлюсь к ней и узнаю, что сумею. Разговор этот будет ей полезен или нет – но в любом случае он овеет ветром волнения жизнь, которую она обрекла на душную неподвижность, и, быть может, подарит уверенность, которая остудит некоторые жгучие мысли».

И на следующий день я пошел к ней, но под вечер, когда кончил все дневные дела, то есть между шестью и семью. Заходящее солнце заливало старый дом багрянцем и пылало на мелких стеклах окон, придавая этому угрюмому месту несвойственную ему прелесть. Мне незачем описывать чувства, с какими я подходил к святилищу моего бывшего божества, где роилось столько восхитительных воспоминаний и блаженных грез, уничтоженных теперь одной губительной истиной.

Рейчел проводила меня в гостиную и пошла позвать свою госпожу, которая куда-то вышла, но на круглом столике перед креслом с высокой спинкой лежал ее бювар, а на нем книга. Ее небольшую, хотя и прекрасно подобранную библиотеку я знал почти так же хорошо, как свою, но этот томик никогда прежде не видел. Я взял его в руки и раскрыл – «Последние дни философа» сэра Хамфри Дэви. На титульном листе красовалась надпись «Фредерик Лоренс». Я захлопнул томик, но не положил его на место, а встал перед камином лицом к

двери, чтобы встретить ее, сохраняя спокойную непринужденную позу. Что она придет, я не сомневался. И вскоре в коридоре послышались ее шаги. Сердце у меня бешено забилося, но хотя бы внешне мне удалось подавить волнение. Она вошла, бледная, спокойная, без тени растерянности на лице.

– Чему я обязана этой честью, мистер Маркхем? – произнесла она с таким строгим, невозмутимым достоинством, что я растерялся. Однако нашел в себе силы улыбнуться и ответить развязным тоном:

– Я пришел выслушать ваши объяснения.

– Но ведь я сказала, что ничего объяснять вам не стану. Я сказала, что вы недостойны моего доверия.

– Прекрасно! – воскликнул я и направился к двери.

– Погодите! – остановила она меня. – Мы видимся в последний раз. Не уходите пока.

Я глядел на нее, ожидая, что она скажет дальше.

– Объясните мне, – продолжала она, – на каком основании вы поверили всему этому? Кто очернил меня? И что они вам говорили?

Я ответил не сразу, но она встретила мой взгляд, не дрогнув, словно черпала силы в сознании своей невинности. Она желала узнать худшее и бросала мне вызов. «Эту дерзкую смелость мне сокрушить нетрудно!» – подумал я и, втайне наслаждаясь такой властью, захотел поиграть со своей жертвой, как кошка с мышкой. Раскрыв томик, который продолжал держать в руках, я указал на надпись, украшавшую титульный лист, и, не спуская глаз с ее лица, спросил:

– Вам знаком этот джентльмен?

– Разумеется, – ответила она, и внезапно ее щеки вспыхнули румянцем (стыда или гнева – я решить не сумел, хотя склонялся ко второй мысли). – Что дальше, сэр?

– Давно ли вы с ним виделись?

– Кто дал вам право допрашивать меня об этом или о чем-либо другом?

– О, никто! В вашей власти отвечать или нет. А теперь разрешите спросить, известно ли вам, что совсем недавно случилось с этим вашим другом? Если нет, то...

– Я не намерена слушать оскорбления, мистер Маркхем, – вскричала она, не стерпев моего тона. – И если вы пришли только ради этого, потрудитесь оставить мой дом!

– Я пришел не оскорблять вас, а выслушать ваши объяснения.

– Я уже сказала, что ничего объяснять не стану! – возразила она, в сильном волнении расхаживая по комнате. Руки ее были крепко сжаты, грудь судорожно вздымалась, глаза метали молнии. – Я не снизойду до объяснений с тем, кто способен превращать в шутку столь гнусные подозрения и с такой легкостью верит им!

– В шутку я их не превращаю, миссис Грэхем, – возразил я, сразу оставляя язвительный тон. – Как мне хотелось бы увидеть в них повод для шуток! А что до легкости, то лишь богу известно, каким слепым и глухим глупцом был я совсем недавно, как закрывал глаза и затыкал уши, если хоть что-то угрожало моей вере в вас, пока неопровержимое доказательство не рассеяло туман влюбленности!

– Какое доказательство, сэр?

– Ну, хорошо, я вам скажу! Помните последний вечер, когда я был здесь?

– Да.

– Даже тогда вы обронили несколько намеков, которые открыли бы глаза более разумному человеку. Но не мне! Я продолжал верить, отгонять сомнения, надеяться, вопреки надежде, и поклоняться, когда не мог понять. Но после того как я расстался с вами, что-то заставило меня вернуться – глубокое сострадание, чистая сила любви. Не смея навязывать вам свое присутствие, я поддался искушению заглянуть в окно, чтобы посмотреть, не стало ли вам дурно. Ведь когда мы прощались, вы, казалось, были очень расстроены, и я винил себя, что моя

настойчивость и нетерпеливость отчасти могли быть тому причиной. Если я поступил дурно, то лишь по настоящему любви, и меня тут же постигла суровая кара: едва я остановился возле остролиста, как из дома вышли вы и ваш друг. Не желая при таких обстоятельствах выдать свое присутствие, я замер в тени, пока вы с ним не прошли мимо.

– И какую часть нашего разговора вы слышали?

– Я услышал достаточно, Хелен. И во благо для себя. Ведь только это могло излечить меня от слепой влюбленности. Я все время утверждал и думал, что я не поверю ни единому плохому слову о вас, если только не услышу его из ваших уст. Все намеки, все заверения других людей я считал злобными, чернящими вас вымыслами. Ваши самообвинения мне казались преувеличениями, и я не сомневался, что все странности вашего положения вы легко объясните, если пожелаете того.

Миссис Грэхем перестала расхаживать взад и вперед и оперлась на конец каминной полки, противоположный тому, у которого стоял я. Она положила подбородок на сжатую руку и, пока я говорил, переводила глаза, уже не пылавшие гневом, но блестевшие лихорадочным волнением, с меня на стену напротив или на ковер.

– И все-таки вы должны были прийти ко мне, – сказала она. – Прийти и выслушать мои оправдания. Было и неблагородно и зло вдруг исчезнуть сразу же после стольких пылких заверений, даже не открыв причины такой перемены. Да, вы обязаны были высказать мне все, неважно с каким ожесточением. Любые упреки были бы лучше такого молчания.

– Но зачем бы я пришел к вам? Вы не сумели бы ничего добавить к ответу на вопрос, который единственно интересовал меня. И не могли заставить меня усомниться в свидетельствах моего зрения и слуха. Я захотел сразу же положить конец нашей близости – ведь вы сами говорили, что так оно и случилось бы, узнай я все из ваших уст. Но у меня не было желания осыпать вас упреками, хотя вы (также по вашему собственному признанию) и причинили мне огромное зло. Да, вы нанесли мне рану, которую вам никогда не излечить... и никому другому тоже. Вы погубили силы и надежды юности, превратили мою жизнь в бесплодную пустыню! Проживи я хоть до ста лет, я так и не оправлюсь от этого сокрушительного удара и ни на миг не забуду о нем! С этих пор... Но вы улыбаетесь, миссис Грэхем! – прервал я страстное излияние своих невыразимых чувств, увидев, что она *улыбается* зловещему делу рук своих.

– Разве? – Она подняла на меня глаза с глубокой серьезностью. – Я не заметила. Но если и так, то не от удовольствия при мысли о том зле, которое вам причинила. Видит Небо, как я терзалась, только предполагая подобную возможность! Если я и улыбнулась, то от радости, что в вас все-таки есть благородство души и чувств, что я не совсем в вас ошиблась. Впрочем, и слезы, и улыбки для меня едины и не связаны строго с тем или иным душевным состоянием. Я часто плачу, когда счастлива, и улыбаюсь, когда печальна.

Она снова посмотрела на меня, ожидая ответа, но я молчал.

– А вы очень обрадовались бы, – продолжала она затем, – если бы убедились, что выводы ваши неверны?

– Как вы можете даже спрашивать, Хелен?

– Я не утверждаю, что могу очиститься полностью, – сказала она быстро, почти шепотом, и мне казалось, что я вижу, как отчаянно бьется ее сердце, какое волнение переполняет ее грудь. – Но были бы вы рады узнать, что я лучше, чем вы обо мне думаете?

– С какой жадностью, с каким восторгом я выслушаю все, что хоть чуть-чуть вернет мне прежнее мнение о вас, оправдает чувство, которое я все еще питаю к вам, и смягчит муки невыразимых сожалений, с ним связанных!

Щеки ее пылали огнем, она вся дрожала от неопишуемого волнения, но ничего не сказала, а кинулась к бюро и вынула из ящика что-то вроде толстого альбома или манускрипта, торопливо вырвала несколько последних листков и вручила его мне.

– Читать все вам необязательно. Но возьмите его домой! – С этими словами она выбежала из комнаты.

Когда я уже спустился с крыльца, она окликнула меня из окна, но сказала только:

– Верните его, когда прочтете. Но ни одной живой душе ни звуком, ни намеком не говорите о том, что узнаете. Я полагаюсь на вашу честь.

Прежде чем я успел ответить, она закрыла окно и отвернулась. Я увидел, что она бросилась в старое дубовое кресло и закрыла лицо руками. Обуревавшие ее чувства нашли выход в слезах.

Задыхаясь от нетерпения и стараясь подавить пробуждающиеся надежды, я поспешил домой, сразу взбежал по лестнице в свою спальню, схватив в прихожей свечу, хотя еще не начало смеркаться, задвинул задвижку, чтобы никто не мог мне помешать, положил свою драгоценную ношу на стол, открыл ее и погрузился в чтение. Сперва я лихорадочно перелистал этот, как оказалось, дневник, прочитывая одну-две фразы то там, то тут, а затем успокоился и прочел его с начала и до конца.

Сейчас он лежит передо мной, и, хотя в тебе, разумеется, он не может пробудить и половины такого жгучего интереса, как во мне, ты, я знаю, не удовлетворишься кратким пересказом, а потому получишь его целиком. Изъяты будут лишь отдельные места, касающиеся мало-значительных происшествий, или подробности, только перегружающие повествование, а не поясняющие его.

Начинался он прямо с середины вот так... Но отложим это начало до следующей главы, которую назовем

Глава XVI

Наставления опытности

1 июня 1821 года. Мы только что вернулись в Стейнинггли. То есть вернулись мы несколько дней назад, но я никак не могу с этим свыкнуться, и мне кажется, никогда не свыкнусь. Столицу мы покинули раньше, чем намеревались, так как дядюшке нездоровилось. Как знать, чем бы все это обернулось, если бы мы остались до конца сезона. Мне стыдно, что я утратила всякий вкус к деревенской жизни. Все мои прежние занятия кажутся скучными и ничемными, а развлечения – такими пресными и ненужными! Музицирование не приносит мне радости, потому что никто меня не слышит, прогулки не приносят мне радости, потому что они одиноки, книги не приносят мне радости, потому что я не могу сосредоточиться на чтении – в моем мозгу теснятся воспоминания о последних неделях, не оставляя места ни для чего другого. Остается только рисование, потому что, рисуя, можно думать. Правда, сейчас мои рисунки вижу только я да те, кому они неинтересны, однако в будущем, как знать... Но я все время стремлюсь нарисовать или написать красками одно незабываемое лицо, а оно мне не дается, и это меня мучает. И я не могу изгнать из своих мыслей того, кому оно принадлежит. Да и не пытаюсь. А он, думает ли он обо мне? И увижу ли я его когда-нибудь снова? Первый вопрос рождает рой все новых и новых, на которые ответ дадут лишь время и судьба, а в заключение еще одно «если». Если все ответы окажутся утвердительными, так не пожалею ли я об этом, как тотчас сказала бы мне тетюшка, угадай она мои мысли? Как ясно помню я наш разговор накануне отъезда в столицу, когда мы сидели у камина вдвоем, потому что дядюшку помучивала подагра и он рано ушел спать.

– Хелен, – спросила она, прерывая тянувшееся молчание, – ты когда-нибудь думала о замужестве?

– Да, тетя, часто.

– А ты не думала, что выйдешь замуж или будешь помолвлена еще до конца первого сезона?

– И это тоже. Но, по-моему, я замуж не выйду никогда!

– Почему?

– Потому что, мне кажется, в мире найдется очень мало мужчин, которые могли бы мне понравиться настолько. И десять шансов против одного, что мне вообще не случится познакомиться ни с кем из них. А если все-таки судьба сведет нас, то двадцать шансов против одного, он окажется женат или не обратит на меня внимания.

– Это не довод. Быть может, и правда (да так оно и должно быть!), что мужчин, из которых ты сама выбрала бы себе жениха, очень и очень мало. Однако девушке не положено даже помышлять, что она хотела бы выйти за такого-то или такого-то, пока он не сделает ей предложения. Девушка не должна отдавать свое чувство непрошено, если его не ищут. Но когда его ищут, когда цитадель сердца подвергается упорной осаде, то оно порой капитулирует даже прежде, чем это замечает та, в чьей груди оно бьется – причем нередко наперекор доводам ее рассудка, вопреки всем прежним представлениям о том, каким должен быть тот, кому она отдаст свою любовь. Тут требуется большая осторожность и рассудительность. Я говорю все это, желая предостеречь тебя, Хелен, предупредить, что, вступив в свет, ты должна быть очень осмотрительной и благоразумной и не допустить, чтобы твое сердце украл первый же глупый шалопад или безнравственный негодяй, который захочет завладеть им. Тебе, милочка, всего восемнадцать лет, и времени у тебя более чем достаточно, а ни я, ни твой дядя вовсе не торопимся сбросить тебя с рук. Но в поклонниках с серьезными намерениями, смею предположить, у тебя недостатка не будет. Залогом тому твое происхождение, приличное состояние, которое

в будущем еще пополнится, а кроме того, скажу прямо – иначе другие скажут тебе это первыми, – ты наделена еще и красотой. Надеюсь лишь, что тебе не придется об этом пожалеть.

– И я надеюсь, тетя. Но откуда ваши опасения?

– Видишь ли, милочка, красота, как и деньги, особенно привлекает наихудших среди мужчин и поэтому грозит той, кто ею обладает, всякими горестями.

– А у вас, тетя, они были?

– Нет, – ответила она серьезно и с упреком. – Но я знаю множество примеров. Некоторые по легкомыслию стали несчастными жертвами обмана, иные по слабости душевной не устояли перед соблазнами и ловушками, о которых даже говорить страшно.

– Ну, я не буду ни легкомысленной, ни слабой.

– Вспомни апостола Петра, Хелен! Не похваляйся, но будь на страже. Следи за своими глазами и ушами, открывающими доступ в твое сердце, и за своими губами, выдающими его тайны, иначе в беззаботную минуту они предадут тебя! Все ухаживания принимай холодно и спокойно, пока не узнаешь и не проверишь, чего достоин этот поклонник. И сердцем твоим пусть управляет только обдуманное и взвешенное одобрение. Сначала изучи, потом одобри и лишь тогда люби. Пусть глаза твои будут слепы к поверхностному блеску, твои уши глухи ко всем ухищрениям лести, к самым вкрадчивым улещиваниям. Они пусты... нет, хуже, чем пусты, эти ловушки и сети соблазнителя, расставленные на погибель легкомысленным и глупым. Ведь важнее всего – нравственные принципы, а затем здравый смысл, солидность и приличное состояние. Если ты выйдешь замуж за самого красивого, самого полированного и наделенного всяческими светскими талантами человека, то сейчас ты и представить себе не можешь, какие страдания тебя ожидают, если потом он окажется никчемным хлыщом или даже просто глупым фантазером.

– Но что же тогда делать бедным хлыщам и фантазерам, тетя? Если бы все последовали вашим советам, мир скоро опустел бы!

– Не бойся, милочка! Глупцы и хлыщи без труда отыщут себе невест. Ведь среди барышень достаточно дурочек и пустых кокеток. Но ты, будь добра, моими советами не пренебрегай. Это не предмет для шуток, Хелен. Мне очень жаль, что я нахожу в тебе столько легкомыслия. *Поверь, брак – дело очень серьезное!*

Она произнесла последнюю фразу столь серьезно, что я подумала, уж не убедилась ли она в этом на собственном опыте, но дерзких вопросов задавать больше не стала и сказала только:

– Я знаю. Все, что вы говорите, – правда и очень мне полезно. Но не опасайтесь за меня. Я никогда не свяжу свою судьбу с человеком без нравственных принципов или пустым. И не только потому, что это было бы дурно. Даже соблазна у меня возникнуть не может, – каким бы красивым и очаровательным он ни казался, мне он не понравится. Такого человека я могу ненавидеть, презирать, жалеть, ну, что угодно, только не любить. Одобрение не только *должно* руководить моим сердцем, но и непременно будет им руководить. Как же иначе? Любить, не одобряя, я не способна. Само собой разумеется, своего мужа я буду не только любить, но уважать и почитать, не то бы я его не полюбила. Поэтому не тревожьтесь за меня.

– Надеюсь, что так и будет, – сказала она со вздохом.

– Я знаю, что будет только так, – ответила я.

– Ты еще не испытала себя, Хелен. И обе мы можем лишь надеяться, – заключила она с обычной своей холодной осторожностью.

Меня раздосадовала ее недоверчивость. Но, пожалуй, сомнения ее не были совсем уж неразумны. Боюсь, мне оказалось легче запомнить ее советы, чем воспользоваться ими! Сказать правду, порой я начинаю думать, что во многом она ошибается. Не спорю, советы ее здравы, во всяком случае в определенных пределах, но кое-что она в своих расчетах упускает. Не знаю, была она когда-нибудь влюблена!

Я начала свой первый сезон в свете (или свою первую кампанию, по выражению дядюшки), исполненная радужных надежд и всяческих фантазий, рожденных во многом этим вечерним разговором, а также непоколебимо веря в собственное благоразумие и разборчивость. Сперва новизна и бурность столичной жизни приводили меня в восхищение, но вскоре эта вечная суета начала меня утомлять, и я уже вздыхала по деревенской тишине и свободе. Мои новые знакомые обоего пола обманули мои ожидания и вызывали у меня по очереди то раздражение, то скуку. Наблюдать их ужимки мне быстро надоело, как и смеяться над их глупостями, особенно потому, что смеяться я должна была про себя – тетушка не терпела моих насмешливых замечаний по их адресу. Они же – особенно дамы и девицы – казались мне на редкость пустыми и бездушными кривляками. Джентльмены производили менее тягостное впечатление – то ли потому, что были большей новинкой, то ли потому, что льстили мне. Но ни в одного из них я не влюбилась, а удовольствие от их ухаживаний незамедлительно вызывало злость на себя: я убеждалась, что тщеславна, и меня снедали опасения, не уподобляюсь ли я тем самым девицам, которых от души презирала.

Особенно досаждал мне один джентльмен в годах, давний богатый друг дядюшки, кажется вообразивший, что осчастливит меня своим предложением. Но он не только стар, но вдобавок безобразен, груб и, как мне кажется, без нравственных принципов, хотя тетушка, когда я так ей и сказала, выбрала меня, правда признав, что он не святой. А еще один, хотя и менее противный, докучал мне даже больше, потому что пользовался ее расположением и постоянно навязывал мне свое общество, осыпая меня слащавыми комплиментами. Зовут его мистер Скукхем, хотя я предпочла бы написать покороче просто «Скука», такую невыносимую скуку он на меня наводил. Даже и сейчас я содрогаюсь, вспоминая этот тягучий голос – жужужу, жужужу, жужужу у меня над ухом по получасу и больше, – пока он, усевшись поближе ко мне, тешил себя мыслью, что развивает мой ум полезными сведениями или внушает мне верный, то есть собственный, взгляд на вещи, объясняя, в чем ошибочность моих суждений. А может быть, ему казалось, что он снисходит до моего невежества и развлекает меня легкой болтовней! Однако не отрицаю, что человек он, возможно, вполне достойный и, если бы только оставил меня в покое, я бы его не возненавидела. Но что мне оставалось, если он не только преследовал меня своим вниманием, но и лишал общества других, более приятных и интересных людей?

Однажды на балу он превзошел даже самого себя, и мое терпение совсем истощилось. Вечер обещал стать невыносимым. На первый танец меня пригласил пустенький франт, а затем мной завладел мистер Скукхем с видимым намерением терзать меня до конца бала. Он никогда не танцевал, но уселся рядом и наклонял свою физиономию к моему лицу так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, будто он уже получил на меня особые права, а тетушка взирала на это весьма благосклонно и, видимо, желала ему всяческого успеха. Тщетно я пыталась избавиться от него, дав волю своей досаде и доходя даже до прямой грубости, – он пребывал в твердом убеждении, что его общество мне более чем приятно. Сердитое молчание он принимал за восхищенное внимание и только пуще пускался в новые рассуждения. Колкие ответы казались ему наивными обмолвками девичьей живости, за которые следовало мягко попенять, а резкие возражения только подливали масла в огонь и навлекали на меня новые потоки рассуждений и доказательств его непререкаемой правоты.

Однако некто иной сумел лучше понять состояние моих чувств: стоявший неподалеку молодой джентльмен довольно долго с улыбкой прислушивался к нам, забавляясь слепой назойливостью моего собеседника и моим видимым раздражением и посмеиваясь про себя сухой злости моих ответов. В конце концов он отошел к хозяйке дома и, видимо, попросил ее познакомить нас, потому что вскоре она подвела его ко мне и представила как мистера Хантингдона, сына покойного друга моего дяди, а он тотчас пригласил меня на танец. Разумеется, я с радостью согласилась, и он оставался моим кавалером до самого конца, который, правда, наступил быстро, так как тетушка, по обыкновению, пожелала уехать рано.

Я пожалела об этом, потому что мой новый знакомый оказался очень приятным и интересным собеседником. Во всем, что он говорил и делал, была какая-то чарующая непринужденность, особенно приятная после утомительной необходимости так долго сдерживаться и скупаться. Правда, его манеру держаться и разговаривать можно было бы счесть чуть-чуть излишне фамильярной, но меня охватила такая радость, такая благодарность к нему за избавление от мистера Скукхема, что я охотно прощала ее.

– Ну, Хелен, как теперь тебе нравится мистер Скукхем? – спросила тетушка, едва мы сели в карету и лошади тронулись.

– Даже меньше, чем прежде, – ответила я.

Лицо ее выразило неудовольствие, но она оставила эту тему и спросила после некоторого молчания:

– А кто этот молодой человек, с которым ты танцевала под конец и который с такой навязчивостью поспешил подать тебе шаль?

– Он нисколько не был навязчив, тетя. И не стал бы этого делать, если бы не увидел, что мне намерен услужить мистер Скукхем. Вот тут-то он со смехом и опередил его, сказав: «Придется мне избавить вас от этого покушения!»

– А кто он такой, могу ли я узнать? – осведомилась она ледяным тоном.

– Мистер Хантингдон, сын старого дядино друга.

– Я слышала от твоего дяди про молодого мистера Хантингдона. Он как-то сказал: «Сын Хантингдона отличный малый, но, кажется, немножко повеса». И потому прошу тебя поостеречься.

– А что значит «немножко повеса»? – спросила я.

– Это значит, что у него нет нравственных принципов, и он склонен ко всем порокам, свойственным молодым людям.

– Однако дядя часто говорит, что в молодости был лихим повесой.

Но она сурово покачала головой.

– Значит, он шутил? – предположила я. – Ну, а тут доверился слухам. Я же не могу поверить ничему дурному о таких веселых голубых глазах.

– Ты рассуждаешь глупо, Хелен, – сказала она со вздохом.

– Но, тетушка, нас ведь учат не судить ближних. И почему же глупо? Я прекрасная физиономистка и умею распознать характер человека по его лицу. Не потому, красиво оно или уродливо, но по общему его выражению. Например, я сразу бы заключила по вашему лицу, что вы строги и не склонны к шутливости, лицо мистера Уилмота сказало бы мне, что он никчемный старый сластолюбец, лицо мистера Скукхема – что общество его очень скучно. А лицо мистера Хантингдона говорит, что он не глупец и не негодяй, хотя, возможно, ни мудрецом, ни святым назвать его нельзя. Впрочем, меня это вряд ли касается. Ведь больше я его, наверное, не увижу. Разве что разок-другой потанцую с ним на балу.

Однако я ошиблась, так как увидела его уже на следующее утро. Он приехал к дяде с визитом извиниться, что не сделал этого прежде – но он путешествовал в Европе, вернулся совсем недавно и лишь накануне узнал, что дядюшка в Лондоне. После этого я часто его видела – иногда на званых вечерах, иногда у нас дома, так как он весьма усердно являлся засвидетельствовать почтение своему старинному другу, который, впрочем, не был особенно благодарен ему за такое внимание.

– И что малый повадился ходить сюда? – повторял он. – Может быть, ты знаешь, Хелен? Мне-то он ни к чему, как и я ему.

– Так почему вы ему это не скажете? – спросила тетушка.

– С какой стати? Я-то без него обошелся бы, но ведь я здесь не один живу! (Он подмигнул мне.) Да и состояннице у него кругленькое, Пегги, как тебе известно. Ну, конечно, партия похуже, чем Уилмот, только ведь о нем Хелен даже слышать не желает. Почему-то барышни на

старичков и смотреть не хотят, пусть хоть они богаты и свет знают отлично! Бьюсь об заклад, она предпочтет выйти за этого молодца, будь он хоть без гроша в кармане, чем за Уилмота, пусть у него весь дом был бы набит золотом, э, Нелли?

– Вы правы, дядя. Но мистеру Хантингдону это похвала небольшая, так как я лучше предпочту доживать век нищей старой девой, чем стану женой мистера Уилмота.

– Ну, а если тебе предложат стать миссис Хантингдон? Что ты тогда предпочтешь?

– Вот когда мне придется об этом задуматься, тогда я вам и отвечу.

– А, так об этом стоит задуматься? Но все-таки ты и тогда захочешь остаться старой девой, пусть даже и не нищей?

– Как я могу на это ответить прежде, чем мне сделают предложение?

И я поспешила выйти из комнаты, чтобы не подвергаться дальнейшему допросу. Но пять минут спустя, случайно поглядев в окно, увидела, что на крыльцо к нам поднимается мистер Скукхем. Почти полчаса я томила в неприятном ожидании, опасаясь, что тетушка вот-вот придет за мной, и тщетно надеясь услышать стук захлопнувшейся за ним входной двери. Затем на лестнице послышались шаги, ко мне с весьма серьезным видом вошла тетушка и притворила за собой дверь.

– Хелен, – произнесла она почти торжественно. – Мистер Скукхем в гостиной. Он хотел бы видеть тебя.

– Ах, тетя, скажите ему, что мне стало дурно. Ведь мне правда становится дурно при одной только мысли, что мне надо выйти к нему!

– Вздор, милочка! Сейчас не время для пустяков. Он приехал по очень важному делу – просить твоей руки у твоего дяди и у меня.

– Надеюсь, дядюшка сказал ему, что распоряжаться ею вы не вправе? Как он посмел говорить кому-нибудь о своих намерениях, не объяснившись прежде со мной!

– Хелен!

– Что ответил дядя?

– Он сказал, что вмешиваться не собирается. Если ты решишь принять лестное предложение мистера Скукхема, то...

– Он так и сказал – «лестное»?

– Нет. Он сказал, что ты можешь отдать ему свою руку, если захочешь, а если нет – так нет.

– Он ответил правильно. А что сказали вы?

– Какое это имеет значение? Важно, что скажешь ты. Он сейчас ждет, чтобы сделать предложение прямо тебе. Но хорошенько подумай, и если ты намерена отказать ему, то прежде объясни мне свои причины.

– Разумеется, я ему откажу. Посоветуйте мне, как это сделать вежливо, но твердо. А когда я от него отделаюсь, то объясню вам причины.

– погоди, Хелен! Присядь, успокойся, соберись с мыслями. Мистер Скукхем тебя не торопит, так как уверен в твоем согласии, а я полагаю, что обязана с тобой поговорить. Скажи, милочка, что ты имеешь против него? Можешь ли ты отрицать, что он добропорядочный, весьма достойный человек?

– Нет.

– И ты не отрицаешь, что он солиден, благоразумен, с безупречной репутацией?

– Нет. Вполне допускаю, что он именно таков, но...

– «Но», Хелен? Много ли таких людей надеешься ты встретить в свете? Добропорядочных, достойных, солидных, благоразумных, с безупречной репутацией? Неужели это столь уж заурядные качества, что ты без малейших колебаний готова отринуть того, кто наделен такой благородной натурой? Да, *благородной!* Только вдумайся в смысл этих слов, вспомни, сколько добродетелей объединяет каждое (а ведь я могла бы прибавить еще множество!) – и все они

слагаются к твоим ногам! В твоей власти обрести до конца дней высочайшее благо, доступное женщине, – благородного, безупречного мужа, который любит тебя нежно, но не настолько слепо, чтобы не видеть твоих недостатков, будет тебе надежным проводником по земной юдоли и разделит с тобой вечное блаженство! Подумай, как...

– Но я его ненавижу, тетя! – воскликнула я, перебивая поток красноречия, столь необычный в ее устах.

– Ненавидишь, Хелен! По-христиански ли это? *Ты его ненавидишь?* Такого превосходного человека?

– Я ненавижу его не как человека, а как жениха. Как человека я люблю его столь сильно, что от души желаю ему найти жену лучше меня – не менее полную добродетелей, чем он сам, и даже более, если, по-вашему, это возможно. При условии, что она будет способна его любить. Я же никогда его не полюблю, а потому...

– Но почему? Что ты имеешь против него?

– Во-первых, ему по меньшей мере сорок лет – а может быть, и намного больше, – мне же только восемнадцать. Во-вторых, он в высшей степени самодоволен и не свободен от ханжества. В-третьих, его вкусы и склонности прямо противоположны моим. В-четвертых, его наружность, голос, манеры мне чрезвычайно неприятны. И наконец, он внушает мне отвращение, которое я никогда не смогу побороть.

– Так попробуй! Будь добра, сравни его с мистером Хантингдоном и, если оставить в стороне красивую внешность, которая не делает человека лучше и отнюдь не способствует семейному счастью и которой ты, по твоим словам, никогда ни малейшего значения не придавала, ответь, кто из них более достойный человек?

– Я не сомневаюсь, что мистер Хантингдон как человек много лучше, чем вы полагаете. Но ведь мы говорим не о нем, а о мистере Скукхеме. И раз уж я, чем стать его женой, предпочту жить дальше, состариться и умереть в благословенном девичестве, будет только благородно, если я скажу ему об этом прямо и не оставлю никаких напрасных надежд, а потому позвольте мне пойти к нему.

– Только не отказывай ему решительно. Он ничего подобного не предвидит и будет очень оскорблен. Скажи, что ты пока еще не думаешь о замужестве...

– Но я о нем думаю!

– ...или что ты хотела бы узнать его поближе.

– Но у меня нет ни малейшего желания узнавать его поближе. Как раз наоборот!

И, не дожидаясь дальнейших увещаний, я вышла из комнаты и спустилась к мистеру Скукхему. Он расхаживал по гостиной, напевал обрывки каких-то мотивчиков и покусывал набалдашник трости.

– Моя милая барышня! – воскликнул он, расшаркиваясь и улыбаясь с величайшим самодовольством. – Я получил разрешение вашего добрейшего опекуна...

– Я знаю, сэр, – ответила я, желая как можно скорее положить конец этому разговору. – И весьма благодарна вам за оказанную мне честь, но должна ее отклонить, потому что, мне кажется, мы не созданы друг для друга, как вы сами не замедлили бы обнаружить, если бы мы сделали такой опыт.

Тетушка была права: он, несомненно, не ждал отказа, а тем более решительного. Он был изумлен, ошеломлен моим ответом, но не пожелал ему поверить и не очень обиделся.

– Я понимаю, моя дорогая, что между нами существует заметная разница в годах, характерах, а может быть, и еще в чем-то. Но позвольте уверить вас, что я не буду строг к недостаткам и заблуждениям столь юной и пылкой натуры, как ваша. Да, замечая их про себя или даже пеняя за них с отеческой нежностью, я покажу себя куда более ласково-снисходительным к вам, чем любой юный влюбленный к предмету своего преклонения, и в этом вы можете вполне на меня положиться. А с другой стороны, разрешите мне уповать, что умудренность опытом и

более спокойные привычки моего возраста не найдут осуждения в ваших глазах, ибо я приложу все усилия, дабы и они послужили вашему вящему счастью. Ну, так как же? Что вы скажете? Нужны ли между нами девические капризы и жеманство? Говорите прямо.

– Я так и намерена, но могу лишь повторить то, что уже сказала: мы не созданы друг для друга.

– Вы искренне так думаете?

– Да.

– Но ведь вы так мало меня знаете! При более близком знакомстве, когда у вас будет больше времени, чтобы...

– Нет, нет! Я уже достаточно вас знаю, и много лучше, чем вы меня, иначе у вас никогда не возникло бы мысли выбрать себе в подруги жизни столь мало соответствующую... столь не подходящую вам во всех отношениях!

– Но, милая моя барышня, я ведь не ищу совершенства и готов извинить...

– Благодарю вас, мистер Скукхем, но я не хочу злоупотреблять вашей добротой. Свою отеческую снисходительность вам лучше приберечь для более достойных, которые не будут подвергать ее столь тяжким испытаниям.

– Однако не откажите мне в нижайшей просьбе – посоветуйтесь со своей тетушкой, я уверен, что эта превосходнейшая...

– Я уже с ней советовалась и знаю, что ее желания совпадают с вашими. Но в столь важных для моей судьбы решениях я беру на себя смелость самой судить о их здравости. И никакие убеждения не могут изменить мою натуру или заставить поверить, что мое согласие составит мое счастье или ваше. И меня удивляет, как человек, столь умудренный жизненным опытом и столь проницательный, мог даже помыслить о том, чтобы выбрать себе такую жену!

– Что же, пожалуй... Меня и самого это порой удивляло. Я иногда спрашивал себя: «Послушай, Скукхем, чего ты хочешь? Поберегись! Сначала семь раз отмерь. Она прелестна, обворожительна, но вспомни! То, что особенно влечет влюбленного, часто оборачивается величайшими мучениями для мужа». Уверяю вас, свой выбор я сделал не без размышлений, не без длительных размышлений. Боязнь, не опрометчив ли мой выбор, принесла мне много тревожных мыслей днем и много бессонных часов ночью. Но под конец я уверил себя, что он отнюдь не так опрометчив. Я видел, что моя милая избранница не лишена недостатков, но юность ее, как мне верилось, в их число не входит, а лишь являет собой залог добродетелей, еще не раскрывшихся. И потому уповал, что небольшие изъяны в ее характере, ошибки в суждениях, кое-какие недостатки во вкусах и манерах не только не безнадежны, но будут легко исправлены или смягчены терпеливыми усилиями взыскательного, но не строгого советчика, а в тех случаях, когда мне все-таки не удастся убедить или поправить, я ради многих ее достоинств сумею извинить их. Итак, дражайшая барышня, я был с вами откровенен, так, может быть, вы скажете, что вам не нравится во мне? Чем я вам не угодил?

– По правде говоря, мистер Скукхем, причина моего отказа заключена во мне самой, а не в вас, и потому...

(Я собиралась закончить «оставим эту тему, так как ее бесполезно обсуждать дальше, и даже хуже!» Но он брюзгливо меня перебил.)

– И все же? Я бы любил вас, лелеял, оберегал...

И так далее, и так далее.

Не стану утруждать и записывать дальнейшую нашу беседу. Но он долго еще меня допекал и никак не хотел поверить, что я не кокетничаю, а действительно настолько упряма, настолько слепа к собственному своему благу, что ни у него, ни у моей тетушки нет ни малейшей надежды заставить меня переменить решение. Более того, я и сейчас не уверена, что сумела его убедить. Измученная тем, как он снова и снова возвращался к одному и тому же и

пускал в ход все те же доводы, вынуждая и меня повторять все те же ответы, я наконец чуть на него не накричала. Мои последние слова были:

– Говорю вам прямо, этого не будет! Никакие соображения не вынудят меня выйти замуж против своих склонностей. Я уважаю вас... вернее, уважала бы, если бы вы вели себя как разумный человек, но полюбить вас я не могу и никогда не смогу. И чем дольше вы меня уговариваете, тем больше перестаете мне нравиться, а потому, прошу вас, довольно!

После этого он поклонился мне и ушел, без сомнения обескураженный и оскорбленный. Но не по моей же вине!

Глава XVII

Дальнейшие предостережения

На следующий день я отправилась с дядей и тетушкой на обед к мистеру Уилмоту. У него гостили две барышни, его племянница Аннабелла, очень красивая, со смелыми манерами, – ей уже двадцать пять лет, но, по ее собственным словам, она слишком большая кокетка, чтобы выйти замуж (хотя мужчины почти все очень ею восхищаются и называют чаровницей), – и ее кузина Милисент Харгрейв, которая прямо-таки влюбилась в меня, потому что я кажусь ей совсем не тем, что я есть. В ответ я очень к ней привязалась. И неприязнь, которую мне внушают мои столичные знакомые женского пола, на бедняжку Милисент не распространяется. Но этот обед я вспоминаю не из-за Милисент или ее кузины, но из-за того, что среди гостей мистера Уилмота оказался и мистер Хантингдон. Это обстоятельство не изгладилось из моей памяти потому, что я с тех пор его больше не видела.

За обедом он сидел далеко от меня, ибо волей судеб в пару ему назначили дородную вдовушку преклонных лет, а моим кавалером оказался мистер Гримсби, его приятель, но весьма неприятный человек. (В лице у него таится что-то злое, а манеры под слащавой неискренностью прячут какую-то свирепую грубость, и его соседство было мне невыносимо.) Кстати, какой это глупый обычай! Один из тех, что превращают ультрацивилизованную светскую жизнь в мучение! Уж если мужчинам обязательно сопровождать дам в столовую, то почему им нельзя приглашать тех, кого они предпочли бы?

Однако я вовсе не уверена, что мистер Хантингдон, будь на то его воля, попросил бы меня быть его соседкой за столом. Вполне возможно, что выбор его пал бы на мисс Уилмот, которая, казалось, всячески старалась завладеть его вниманием, а он был совсем не прочь приносить ей дань преклонения, которую она требовала. Во всяком случае, так я заключила, наблюдая, как они переговариваются через стол и смеются, к большому негодованию своих забытых соседей. И потом, едва джентльмены присоединились к нам в гостиной, она сразу подозвала его к себе, чтобы он рассудил спор между ней и другой барышней, а он, тотчас подойдя к ним, мгновенно признал ее правой, хотя, по-моему, ошибалась как раз она. Он остался возле нее и весело болтал с ней и другими девицами и молодыми дамами, а я сидела рядом с Милисент в противоположном углу, рассматривала ее рисунки, указывала на их недостатки и давала ей советы, потому что она меня об этом попросила. Но как я ни старалась сохранять равнодушие, мой взгляд то и дело отрывался от рисунков и обращался на веселый кружок, и во мне поднимался непрощенный гнев, видимо омрачивший мое лицо, так как Милисент скоро сказала, что мне, наверное, надоела ее пачкотня – пусть лучше я вернусь к обществу, а рисунки досмотрю как-нибудь в другой раз... Я принялась заверять, что мне вовсе не хочется уходить от нее, что мне очень интересно, но тут к круглому столику, за которым мы устроились, подошел не кто иной, как сам мистер Хантингдон.

– Они ваши? – спросил он, небрежно взяв в руки один лист.

– Нет, мисс Харгрейв.

– А-а! Ну что же, поглядим!

И, не слушая заверений мисс Харгрейв, что они не стоят его внимания, он придвинул стул ко мне и начал брать из моих рук лист за листом, но после беглого взгляда бросал на стол, ни слова о них не упоминая, хотя не умолкал ни на секунду. Не знаю, что думала о таком поведении Милисент Харгрейв, но мне разговор с ним показался на редкость интересным, хотя когда я позже перебирала в уме все, что услышала, то не могла вспомнить почти ничего, кроме вышучивания большинства присутствовавших. Некоторые его наблюдения были очень умны, а другие очень смешны, но если их записать, они покажутся почти банальными. Ведь главным были выражение его лица, тон, жесты и то неотразимое и неизъяснимое очарование,

которое словно ореолом одевает все, что он делает и говорит. Из-за этого очарования трудно было оторвать от него взгляд, оно превратило бы его голос в музыку, даже если бы говорил он скучный вздор, – и оно же заставило меня рассердиться на тетушку, когда она прервала нашу восхитительную беседу под предлогом, что тоже хочет взглянуть на рисунки. А ведь нисколько не интересуется искусством и ничего в нем не понимает! Перебирая листы, тетушка самым холодным и сухим своим тоном начала задавать мистеру Хантингдону самые банальные и пустые вопросы, только чтобы отвлечь его от меня – чтобы досадить мне, решила я, и, посмотрев последний рисунок, оставила их и села на диванчик вдали от остального общества, даже не подумав, каким странным может показаться подобное поведение. Вначале я просто поддалась своей досаде, а затем погрузилась в размышления.

Впрочем, я недолго оставалась одна – мистер Уилмот, наиболее неприятный мне из всех находившихся в комнате джентльменов, заметил, что я уединилась, и поспешил усестись рядом со мной. Мне казалось, я столь успешно охлаждала его пыл во всех наших прежних разговорах, что могла более ничего не опасаться, но, видимо, я ошибалась. Так глубоко он верил в неотразимость то ли своего богатства, то ли былой галантности и настолько не сомневался в слабости женщин, что, ничтоже сумняшеся, возобновил осаду с прежней настойчивостью, к тому же подогретой винными возлияниями. Последнее обстоятельство сделало его еще омерзительнее. Но как ни был он мне противен, обойтись с ним грубо я не хотела – ведь я была его гостьей и только что вкусила его хлеба, а как избавиться от него решительно, но вежливо, я не знала. Впрочем, это вряд ли помогло бы: он настолько лишен деликатности чувств, что остановить его могла бы наглость, равная его собственной. Он только все больше рассыпался в приторных нежностях, все больше разгорячался, и я в отчаянии уже собиралась сказать сама не знаю что, как вдруг моя рука, лежавшая на ручке диванчика, ощутила ласковое, но жаркое пожатие. Я сразу же инстинктивно поняла, кто это, и, повернувшись, увидела перед собой улыбающегося мистера Хантингдона не столько с удивлением, сколько с восторгом. Словно от гнусного демона в Чистилище меня заслонил ангел света, явившийся возвестить, что моим мучениям пришел конец.

– Хелен, – сказал он. (Он часто называл меня Хелен, и такая свобода обращения ничуть меня не сердила.) – Вам непременно надо взглянуть на эту картину. Мистер Уилмот, конечно, извинит вас, если вы покинете его.

Я поспешно встала, он взял меня под руку и повел к противоположной стене, которую украшала чудная картина Ван Дейка, которую я давно заметила, но еще не имела случая рассмотреть внимательно. После минутного молчаливого созерцания я было заговорила о ее необыкновенных достоинствах и особенностях, но он шаловливо погладил мою руку, все еще удерживая ее на сгибе своего локтя, и перебил меня словами:

– Забудьте про картину, я вас сюда привел не ради нее, а чтобы избавить от ухаживаний старого селадона, который сейчас смотрит на меня так, словно собирается прислать мне вызов за такой афронт.

– Я вам очень-очень обязана, – сказала я. – Вы уже второй раз спасаете меня от неприятных собеседников!

– Ну, это не стоит благодарности, – возразил он. – Ведь я поступил так не только потому, что хотел выручить вас. Меня толкнула на это еще и досада на ваших мучителей: я был просто в восторге, что могу щелкнуть старичков по носу, хотя, мне кажется, особых причин опасаться их как соперников у меня нет. Не правда ли, Хелен?

– Вы знаете, что я не выношу их обоих.

– Вместе со мной?

– Для этого у меня нет причин.

– Но какие чувства вы испытываете ко мне? Хелен, отвечайте! Как вы относитесь ко мне?

И вновь он пожал мою руку. Но мне почудилось, что в его выражении было больше власти, чем нежности, да и какое право имел он вырывать у меня признание в благосклонности, если сам о своих чувствах не сказал ни слова? От растерянности я не знала, что ответить. Наконец я пробормотала:

– А как *вы* относитесь ко мне?

– Прелестный ангел, я вас обожаю! Я...

– Хелен, ты мне нужна, – тихо, но явственно произнес голос тетушки совсем рядом, и я оставила его шепотом осыпать проклятиями своего злого ангела.

– Что такое, тетя? – спросила я, следуя за ней в эркер. – Зачем я вам нужна?

– Я хочу, чтобы ты присоединилась к обществу, когда примешь приличный вид, – ответила она, сурово меня оглядывая. – Но будь добра, останься здесь, пока эта непристойная краска не сойдет с твоих щек, а твои глаза не обретут обычного выражения. Мне стыдно подумать, что кто-то заметит, в каком ты виде!

Естественно, от таких слов «непристойная краска» не только не отхлынула от моих щек, но начала их жечь огнем, который раздували разные чувства, но особенно возмущение и даже гнев. Тем не менее я промолчала и, откинув занавеску, поглядела в темноту – а вернее, на озаренную фонарями площадь.

– Мистер Хантингдон делал тебе предложение, Хелен? – спросила моя чересчур наблюдательная дуэнья.

– Нет.

– Тогда что же он говорил? То, что услышала я, очень походило на объяснение.

– Я не знаю, что он сказал бы, если бы вы его не перебили.

– Но если бы он сделал тебе предложение, ты приняла бы его, Хелен?

– Разумеется, нет... Не посоветовавшись прежде с дядей и с вами.

– А! Я рада, милочка, что ты еще сохраняешь какое-то благоразумие. Ну, а теперь, – добавила она после краткого молчания, – постарайся больше не привлекать к себе внимания. Я вижу, дамы удивленно на нас поглядывают. Я пойду к ним, а ты подожди, пока не успокоишься и не возьмешь себя в руки.

– Я уже спокойна.

– В таком случае не повышай голоса и не гляди так злобно, – ответила моя невозмутимая, но язвительная тетушка. – Вскоре мы вернемся домой, и тогда, – добавила она с мрачной многозначительностью, – я должна буду сказать тебе еще многое.

И всю недолгую дорогу домой я ожидала грозных нравоучений. В карете мы обе хранили молчание. Но когда я поднялась к себе в комнату и бросилась в кресло, чтобы обдумать события вечера, тетушка вошла следом за мной, отослала Рейчел, которая убирала в шкапулку мои драгоценности, закрыла за ней дверь и, поставив стул рядом с креслом, а точнее, под углом к нему, села. Разумеется, я тотчас хотела уступить ей свое кресло, но она остановила меня и начала:

– Хелен, ты помнишь наш разговор перед тем, как мы уехали из Стейнинггли?

– Да, тетя.

– И помнишь, как я просила тебя остерегаться, чтобы кто-нибудь недостойный не похитил твое сердце? Как предупреждала, чтобы ты не дарила своего чувства, если им не руководит одобрение, если рассудок и осмотрительность противятся...

– Да, но мой рассудок...

– Извини... ты помнишь, как заверяла меня, что опасаться за тебя нечего, что у тебя даже соблазна возникнуть не может выйти за человека пустого или без нравственных принципов, каким бы красивым и очаровательным он ни казался? Что такого человека ты полюбить не способна, что можешь его ненавидеть, презирать, жалеть, но только не любить? Это твои слова?

– Да, но...

– И разве ты не сказала, что твоим чувством *должно* руководить одобрение, что, не одобряя, не уважая, не почитая, ты любить не можешь?

– Да. Но я и одобряю, и уважаю, и почитаю...

– Как так, милочка? Разве мистер Хантингдон хороший человек?

– Он гораздо лучше, чем вы его считаете.

– Речь не об этом. Хороший ли он человек?

– Да, в некоторых отношениях. У него добрые задатки.

– А нравственные принципы у него есть?

– Может быть... не совсем. Но только по некоторому легкомыслию. Если бы кто-то рядом с ним давал ему советы, напоминал, что достойно...

– То он скоро научился бы разбирать, что хорошо, а что дурно? А ты с удовольствием стала бы его наставницей? Но, милочка, он, если не ошибаюсь, старше тебя на полных десять лет, так каким же образом ты опередила его в нравственной зрелости?

– Благодаря вам, тетя, я получила нравственное воспитание и всегда видела перед собой хорошие примеры, чего он, вероятно, был лишен. К тому же у него сангвиническая натура, он весел и беззаботен, а я склонна к задумчивости.

– Из твоих же слов выходит, что он пустой человек без нравственных принципов, а по твоему собственному признанию...

– К его услугам мои принципы, моя рассудительность...

– Это похоже на похвальбу, Хелен. Ты полагаешь, что наделена ими на двоих? И воображаешь, что твой веселый, беззаботный повеса допустит, чтобы им руководила молоденькая девчонка вроде тебя?

– Нет. Я вовсе не хочу им руководить. Но мне кажется, у меня достанет влияния спасти его от некоторых ошибок, и я считаю, что моя жизнь не пройдет напрасно, если я посвящу ее тому, чтобы спасти столь благородную душу от гибели. Он теперь всегда слушает очень внимательно, когда я говорю с ним на серьезные темы (а я часто осмеливаюсь пенять ему за слишком шутливую манеру выражаться), и не раз повторял, что, будь я всегда рядом с ним, он бы не делал и не говорил ничего дурного, и одного короткого разговора со мной, но только каждый день, было бы довольно, чтобы сделать из него святого. Конечно, это отчасти шутка, отчасти лесть, и все же...

– И все же ты полагаешь, что это правда?

– Если я полагаю, что в его словах есть правда, то потому лишь, что верю не в свое влияние, а в природное благородство его натуры. И вы напрасно называете его повесой, тетя. Он вовсе не повеса!

– Кто тебе это сказал, милочка? А слухи о его интрижке с замужней дамой, с леди... леди... как бишь ее там? Ведь мисс Уилмот на днях рассказала тебе всю историю.

– Это ложь! Ложь! – вскричала я. – Не верю ни единому слову.

– Значит, ты считаешь его добродетельным, во всех отношениях порядочным человеком?

– Я знаю только, что не слышала о нем ничего плохого – то есть ничего, чему было бы хоть малейшее доказательство. А я не верю никаким самым черным обвинениям, пока они остаются недоказанными. И в одном я убеждена: если он и совершал ошибки, то лишь свойственные молодости, каким никто значения не придает. Ведь я вижу, как он всем нравится, как улыбаются ему все маменьки и как все барышни – и мисс Уилмот среди них – ждут не дождутся, чтобы он их заметил.

– Хелен, пусть свет смотрит сквозь пальцы на такое поведение, пусть находятся безнравственные матери, которые ловят для своих дочерей богатых женихов, невзирая на их репутацию, пусть глупые девчонки радуются улыбкам веселого красавца и не стараются заглянуть глубже, но мне казалось, что ты выше того, чтобы смотреть их глазами и судить с их легкомыслием. Я не думала, что ты сочтешь подобные ошибки ничего не значащими!

– Вовсе нет, тетя. Но хотя я ненавижу грехи, я люблю грешника и готова на многое ради его спасения, даже если предположить, что ваши подозрения в большинстве своем справедливы – чему я не верю и никогда не поверю!

– Что же, милочка, спроси у своего дяди, в каком обществе он вращается, каких распутных молодых людей называет закадычными друзьями, веселыми товарищами своих забав, спроси, с каким наслаждением они предаются пороку и соперничают друг с другом, кто быстрее ринется в пропасть, уготованную духу зла и ангелам его.

– Тогда я спасу его от них!

– Ах, Хелен, Хелен! Ты не понимаешь, на какие горести обрекаешь себя, связывая свою судьбу с подобным человеком!

– Я уверена в нем тетя, что бы вы ни говорили, и с радостью рискну своим счастьем ради него. А тех, кто лучше, я оставлю тем, кто думает лишь о собственном благополучии. Если он поступал неверно, я постараюсь употребить мою жизнь на то, чтобы спасти его от последствий ошибок молодости, вернуть на путь добродетели. И дай мне Бог преуспеть в этом!

Тут наш разговор прервал голос дяди, громко требовавшего, чтобы тетя шла наконец спать. Он был в очень дурном расположении духа, потому что у него разыгралась подагра, которая начала его терзать, едва мы приехали в Лондон, и тетушка, воспользовавшись этим, утром убедила его немедленно вернуться в деревню, пусть сезон еще не кончился. Врач всячески ее поддержал, и вопреки своему обыкновению она так поторопилась со сборами (мне кажется, столько же ради меня, сколько ради дядюшки), что мы уехали через два дня, и я больше не видела мистера Хантингдона. Тетушка льстит себя мыслью, что я его скоро забуду, а возможно, думает, что он уже забыт, – ведь я ни разу не упомянула его имени. И пусть остается в этом убеждении, пока мы вновь не встретимся – если когда-нибудь встретимся. Но сбудется ли это?

Глава XVIII

Миниатюра

25 августа. Мало-помалу я вернулась к прежним своим занятиям и тихим развлечениям. Я бодра, даже весела, но с нетерпением жду весны, когда мы, наверное, опять поедem в Лондон. Нет, меня влекут не столичные удовольствия и суета, а надежда вновь увидеться с мистером Хантингдоном – он по-прежнему со мной в моих мыслях и в моих снах. Все, чем я занимаюсь, все, что я вижу или слышу, связано для меня с ним. Все, что я узнаю, чему учусь, когда-нибудь послужит для его пользы или развлечения; новые красоты, которые открываются мне в природе или в искусстве, я запечатлеваю карандашом или кистью, чтобы когда-нибудь и он их увидел, или запоминаю, чтобы в будущем рассказать о них ему. Во всяком случае, такую надежду я лелею, такие грезы скрашивают мой одинокий путь. Быть может, это лишь блуждающие огоньки, но что дурного последить за ними взглядом, полюбоваться их блеском, если я не дам им сбить меня с верного пути? А последнего, полагаю, никогда не случится, потому что я много размышляла над советами тетушки и теперь ясно вижу, как безрассудно было бы отдать свою жизнь тому, кто не достоин любви, на которую способна я, кто не может ответить на лучшие и сокровеннейшие чувства моего сердца, – вижу так ясно, что даже если мы снова встретимся, если он еще помнит и любит меня (увы, как мало это вероятно при его образе жизни среди таких друзей!) и попросит стать его женой, я твердо решила не давать согласия, пока точно не узнаю, чье мнение о нем, мое или тетушкино, ближе к истине. Ведь если мое окажется неверным, значит, я люблю не его, а призрак, созданный моим воображением. Но не думаю, что я ошиблась в нем. Нет, нет! Есть какой-то таинственный инстинкт, какой-то голос души, заверяющий меня, что я права. Натура его прекрасна по природе, и каким счастьем будет помочь ей расцвести! Если он заблудился, какое блаженство – вернуть его на истинный путь! Если на него воздействует тлетворное влияние развращенных и порочных друзей, какой чудный подвиг – спасти его от них! Ах, если бы я могла поверить, что Небеса предназначили меня для этого!

Нынче первое сентября, но дядюшка приказал лесничему приберечь фазанов до приезда джентльменов.

– Каких джентльменов? – спросила я, когда услышала об этом.

Оказывается, он пригласил пострелять дичь небольшое общество. В том числе своего друга мистера Уилмота и друга моей тетушки мистера Скукхема. Я ужаснулась, но все мои сожаления и досада тотчас были забыты, едва я услышала, что третьим будет мистер Хантингдон! Тетушка, разумеется, против того, чтобы он гостил у нас. Она всячески уговаривала дядю не приглашать его, но он лишь засмеялся и сказал, что уже поздно – он пригласил мистера Хантингдона и его друга лорда Лоуборо еще в Лондоне, и теперь остается только назначить день охоты. Так, значит, он жив, здоров и я его увижу! Однако я должна скрывать свою радость, как ни трудно мне прятать ее от тетушки. Я не хочу тревожить ее, пока не узнаю, следует ли мне дать волю своим чувствам или нет. Если я приду к убеждению, что мой долг – подавить их, они никого не ранят, кроме меня. Если же я докажу себе, что они оправданны, то не утрушусь ничем, даже гнева и горя лучшего моего друга на земле. Скоро я уже, конечно, буду знать все. Но они приедут только в середине месяца.

У нас будут гостить и две барышни: мистер Уилмот привезет свою племянницу и ее кузину Милисент. По-моему, тетушка думает, что мне пойдет на пользу общество этой последней, благой пример ее кротости и скромности. А в первой, подозреваю, она видит блестящую приманку, которая отвлечет мистера Хантингдона от меня. Ну я ей не буду за это благодарна! Но Милисент я искренне рада. Она очень милая, добрая девушка, и я хотела бы быть на нее похожей. То есть отчасти.

19 сентября. Они приехали. Они приехали позавчера. Сейчас все джентльмены отправились стрелять куропаток, барышни сидят с тетушкой в гостиной за рукоделием, а я ушла в библиотеку, потому что очень несчастна и хочу побыть одна. Чтение меня не развлекает, и вот, открыв дневник, я изложу причины своей тоски, а тогда, быть может, легче пойму, что мне следует делать. Эта страница будет моей наперсницей, и я изолью ей всю душу. Она не посочувствует моим страданиям, но и не посмеется над ними. И никому про них не проговорится, если я буду беречь ее от посторонних глаз. Вот почему подруги лучше мне, пожалуй, не найти.

Во-первых, расскажу о его приезде – как я сидела у окна и смотрела на дорогу почти два часа, прежде чем его экипаж миновал ворота парка, – они все прибыли раньше, и как горько было всякий раз обманываться в ожиданиях! Первым приехал мистер Уилмот с барышнями. Когда Милисент поднялась к себе в комнату, я на несколько минут покинула свой пост, чтобы поздороваться с ней и побеседовать наедине – мы ведь обменивались длинными письмами и стали близкими подругами. Вернувшись к окну, я увидела подъехавшую карету. Неужели он? Нет. Я узнала простой черный кабриолет мистера Скукхема, а потом увидела на крыльце и его самого – он внимательно следил, как слуги вносят в дом багаж. Столько баулов и свертков, словно он приехал на полгода, не меньше! Через порядочный срок подъехал лорд Лоуборо в ландо. Один из его друзей-повес? Пожалуй, нет. Я уверена, никто не назвал бы его веселым товарищем своих забав. Да и держится он столь серьезно и благовоспитанно, что никак не заслуживает подобных подозрений. Это высокий, худощавый, угрюмый человек лет тридцати пяти на вид, с лицом несколько болезненным и сумрачным.

Наконец к крыльцу лихо подкатил легкий фаэтон мистера Хантингдона, но его самого я почти не увидела – так быстро он выпрыгнул на ступеньки и тотчас скрылся в доме.

Тогда я наконец подчинилась необходимости переодеться к обеду – Рейчел уже минут двадцать меня теребила, – а по завершении этой важной процедуры спустилась в гостиную, где нашла мистера и мисс Уилмот, а также Милисент. Вскоре вошел лорд Лоуборо, а следом за ним мистер Скукхем, который как будто был готов весьма охотно простить и забыть мой отказ в уповании, что кое-какими улещиваниями и упорством он еще сумеет меня образумить. Едва он направился к окну, где я стояла с Милисент, и принялся разглагольствовать в обычном своем духе, как в гостиную вошел мистер Хантингдон.

«Как он поздоровается со мной?» – спросила я свое трепещущее сердце и не пошла ему навстречу, а, наоборот, отвернулась к окну, чтобы совладать со своими чувствами. Но, поздоровавшись с хозяином и хозяйкой дома и с остальными гостями, он сам подошел ко мне, пылко пожал мне руку и нежно сказал, что очень рад снова со мной увидеться. Тут доложили, что обед подан, тетушка попросила его быть кавалером мисс Харгрейв, а мне с омерзительными ужимками подставил свой локоть отвратительный мистер Уилмот. Я была осуждена сидеть за столом между ним и мистером Скукхемом! Но когда мы все вновь сошлись в гостиной, меня вознаградили за мои муки слишком короткие, но восхитительные минуты разговора с мистером Хантингдоном.

В течение вечера мисс Уилмот попросили развлечь общество пением и музыкой, а меня – моими рисунками, и, по-моему, хотя он любит музыку и она превосходная музыкантша, я не ошибусь, сказав, что мои рисунки занимали его больше, чем ее пение.

Все шло отлично, но вдруг он произнес вполголоса с каким-то особым выражением:

– А вот этот – лучше всех!

Я взглянула, чтобы понять, чем вызвана такая похвала, и в ужасе обнаружила, что он самодовольно смотрит *на оборотную сторону* листа, на собственное лицо, которое я там набросала и забыла стереть! Хуже того: вне себя от смущения я хотела вырвать у него лист, но он предупредил мое намерение, быстро прижал его к жилету, застегнул фрак с восхищенным смешком и воскликнул:

– Нет! Клянусь всеми святыми, его я оставлю себе!

Затем, придвинув подсвечник к самому своему локтю, он забрал все рисунки (и те, которые уже смотрел тоже), пробормотал: «Уж теперь я буду разглядывать обе стороны» – и перешел от слов к делу. Вначале я следила за ним почти спокойно, в уверенности, что больше он там не найдет пищи для своего тщеславия. Хотя обратная сторона нескольких листов хранила следы попыток запечатлеть это преследовавшее меня лицо, я твердо помнила, что за единственным злополучным исключением стерла все эти доказательства моего увлечения. Однако карандаш часто оставляет на картоне неизгладимые вдавленные линии, и я, признаюсь, со все возрастающим трепетом следила, как он подносит листы к пламени свечи, внимательно вглядываясь в словно бы совершенно чистую поверхность. Тем не менее я тешила себя надеждой, что эти еле заметные отпечатки ему ничего не скажут. Однако я ошиблась. Осмотрев последний лист, он сказал негромко:

– Как вижу, барышни приберегают обратную сторону рисунка, как и постскриптымы в своих письмах, для самого важного и интересного!

Он откинулся на спинку кресла и несколько минут размышлял в молчании, продолжая довольно улыбаться, а затем, пока я еще только подбирала слова, чтобы согнать эту улыбку с его губ, он вдруг встал, направился туда, где Аннабелла Уилмот отчаянно кокетничала с лордом Лоуборо, опустился на кушетку рядом с ней и уже не отходил от нее до конца вечера.

«Значит, – подумала я, – он презирует меня, так как понял, что я его люблю».

И мне стало до того горько, что я не знала, куда деваться. Ко мне подошла Милисент, взяла мои рисунки и начала ими восхищаться, но у меня не было сил говорить с ней. И ни с кем другим тоже. Едва внесли чай, как я воспользовалась общим движением в комнате и ускользнула в библиотеку – я чувствовала, что расплескаю чашку. Тетушка прислала за мной Томаса, но я сказала, что чай пить сегодня не буду. К счастью, она была занята гостями и оставила меня в покое. Во всяком случае, тогда.

Гости устали после долгого пути, и общество разошлось рано. Я услышала, что все они – как мне показалось – поднялись к себе в спальни, и направилась в гостиную, чтобы взять свою свечу. Однако мистер Хантингдон задержался. Он как раз поставил ногу на нижнюю ступеньку, но, услышав мои шаги – хотя сама я их почти не слышала, – тотчас обернулся.

– Хелен, это вы? – спросил он. – Почему вы убежали от нас?

– Спокойной ночи, мистер Хантингдон, – произнесла я холодно, не отвечая на его вопрос, и повернулась к дверям гостиной.

– Но вы дадите мне пожать вашу руку? – произнес он, преградил мне путь, не дожидаясь моего разрешения, схватил мою руку, крепко сжал в своих и не отпускал.

– Не задерживайте меня, мистер Хантингдон, – сказала я. – Мне надо взять свечу.

– Свеча подождет! – возразил он небрежно.

Я попыталась высвободить руку.

– Ну почему вы так торопитесь покинуть меня, Хелен? – сказал он с дразнящей улыбкой. – Вы же знаете, что вовсе не ненавидите меня!

– Нет, ненавижу... сейчас.

– Ничего подобного. Ненавидите вы Аннабеллу Уилмот, а совсем не меня.

– Я совершенно не интересуюсь Аннабеллой Уилмот! – воскликнула я, вспыхивая от негодования.

– А вот я так да, как вам известно, – ответил он, подчеркивая каждое слово.

– Мне это безразлично, сэр! – возразила я.

– Так-таки совсем уж безразлично, Хелен? Вы поклянетесь в этом? Поклянитесь!

– И не подумаю, мистер Хантингдон! Немедленно отпустите меня! – потребовала я, не зная, то ли плакать, то ли смеяться, то ли дать волю гневу.

– Ну, так идите, плутовка! – сказал он, но едва отпустил мою руку, как дерзко обнял меня за шею и поцеловал!

Вся дрожа от негодования, волнения и не знаю отчего еще, я вырвалась, схватила свечу и бросилась вверх по лестнице. Он бы никогда не осмелился, если бы не этот ненавистный рисунок! И ведь он у него так и остался – вечный памятник его торжества и моего унижения!

Ночью я почти не сомкнула глаз, а утром встала в растерянности, мучаясь мыслью, как мы встретимся за завтраком. Я не знала, что мне делать. Принять вид холодного, высокомерного равнодушия? Но ведь он знает о моем увлечении, пусть даже только его лицом! И все-таки надо было как-то положить предел его самонадеянности. Нельзя же допустить, чтобы эти ясные смеющиеся глаза помыкали мной! Поэтому я ответила на его веселое утреннее приветствие с таким ледяным спокойствием, какое только могла бы пожелать тетушка, и короткими сухими ответами положила конец двум-трем его попыткам завязать со мной разговор. Зато с остальными я держалась с необычной веселостью и любезностью – особенно с Аннабеллой Уилмот. Даже ее дядя и мистер Скукхем не составили в это утро исключение – я была с ними почти мила, не из кокетства, а желая показать ему, что моя холодность и сдержанность вовсе не следствие дурного расположения духа или уныния.

Однако моя тактика его не оттолкнула. Он почти не обращался ко мне, но когда заговаривал, то с непринужденностью, откровенностью и... и, да, *добротой*, которая словно намекала, что ему отлично известно, какой музыкой звучит в моих ушах его голос. А когда наши взгляды встречались, он улыбался улыбкой – пусть самонадеянной, но такой светлой, такой нежной, такой ласковой, что я невольно перестала сердиться. Последние остатки гнева скоро исчезли из моего сердца, словно утренний туман под солнечными лучами.

После завтрака все джентльмены, за исключением одного, с мальчишеским азартом собрались пострелять злополучных куропаток. Дядя и мистер Уилмот – верхом на охотничьих лошадках, мистер Хантингдон и лорд Лоуборо – пешком. Исключение составил мистер Скукхем, который, памятуя, что ночью шел дождик, счел за благо задержаться и присоединиться к остальным, когда солнце подсушит траву. Он долго и обстоятельно поучал нас, сколь опасно и вредно промачивать ноги, и сохранял при этом невозмутимую серьезность, несмотря на хохот и насмешки дяди и мистера Хантингдона, которые предоставили благоразумному охотнику развлекать женскую половину общества медицинскими наставлениями, а сами с ружьями за плечами направили стопы свои на конюшню, чтобы посмотреть лошадей и взять собак.

Не испытывая особого желания провести утро в компании мистера Скукхема, я удалась в библиотеку, поставила там мольберт и взяла палитру. Краски и кисти послужили бы мне оправданием, если бы тетушка заглянула в библиотеку сделать мне выговор за то, что я оставила ее одну занимать гостей. К тому же мне хотелось дописать давно начатую картину. Я вложила в нее много стараний и верила, что она будет моим шедевром, хотя притязания мои довольно честолюбивы. Яркая лазурь небес, теплые световые эффекты и густые длинные тени по моему замыслу воплощают идею солнечного утра. Я осмелилась сделать траву и листья более сочно-зелеными, чем это обычно принято, желая передать их юную свежесть на исходе весны или в самом начале лета. Картина изображает лесную поляну. Темная купа елей на среднем плане смягчает излишнюю яркость других оттенков зелени, а на первом плане я написала могучий дуб – вернее, часть толстого узловатого ствола и несколько ветвей, одетых почти золотистой листвой. Но это не осеннее золото, а блеск солнечных лучей, пронизывающих нежные едва-едва развернувшиеся резные листочки. На нижней ветви, контрастно выделяющейся на угрюмом фоне елей, сидит пара влюбленных голубков, чье сизое оперение создает еще один контраст, но иного рода – чуть навевающий грусть. А возле ствола в траве, усеянной звездами маргариток, стоит на коленях, закинув голову, юная девушка: волна белокурых кудрей ниспадает ей на плечи, руки сжаты, губы полуоткрыты, а глаза с неизъяснимым восторгом устрем-

лены на пернатых влюбленных, которые, всецело поглощенные друг другом, не замечают ее присутствия.

Я только-только приступила к работе (впрочем, мне оставалось сделать лишь несколько завершающих мазков), когда под окном прошли охотники, возвращавшиеся из конюшни. Оно было приоткрыто, и мистер Хантингдон, вероятно, увидел меня, так как через полминуты он вернулся, прислонил ружье к стене, поднял раму, прыгнул в комнату и встал перед картиной.

– Очень красиво, клянусь честью, – произнес он после нескольких секунд внимательного созерцания. – И тема особенно подходящая для юной барышни. Весна, переходящая в лето, утро, переходящее в полдень, детская наивность, расцветающая в женственность, и грезы, которые вот-вот станут явью. Она прелестна, но почему вы не захотели сделать ее волосы черными?

– Мне казалось, что светлые волосы пойдут ей больше. Вы же видите, я сделала ее голубоглазой, пухленькой, белокурой и румяной.

– Истинная Геба! Я бы влюбился в нее, если бы не видел перед собой художницу. Обворожительная невинность! Она думает, что настанет время, когда и ее, как эту голубку, покорит нежный и пылкий влюбленный, и еще она думает, каким блаженством это будет, какой верной и любящей найдет он ее!

– И, может быть, – добавила я, – каким верным и любящим найдет она его.

– Быть может... Ведь в таком возрасте буйная игра воображения не знает пределов.

– По-вашему, *это* такая уж буйная игра воображения?

– Нет. Мое сердце опровергает мои слова. Прежде я мог бы так подумать, но теперь я скажу: дайте мне назвать своей ту, кого я люблю, и я поклянусь ей в вечной верности, ей одной, летом и зимой, в молодости и в старости, в жизни и в смерти. Если старость и смерть все-таки неизбежны!

Он сказал все это так серьезно, так искренне, что сердце у меня подпрыгнуло от радости, но мгновение спустя, изменив тон, он спросил с многозначительной улыбкой, нет ли у меня «еще портретов».

– Нет, – ответила я, краснея от смущения и досады. Но на столе лежала папка с моими рисунками. Он взял ее и, сев у стола, хладнокровно приготовился их перебирать.

– Мистер Хантингдон, это неоконченные наброски! Я никому не разрешаю на них смотреть! – вырвалось у меня.

И я взялась за папку, чтобы отобрать, но он прижал ее ладонью и заверил меня, что «больше всего на свете любит смотреть наброски».

– А я ненавижу, если на них смотрят! – возразила я. – Отдайте папку! Я не могу оставить ее вам.

– Ну, так оставьте мне ее содержимое, – ответил он, и в ту секунду, когда я вырвала у него папку, он ловко вытащил больше половины рисунков и почти сразу же воскликнул: – Клянусь солнцем, еще один!

С этими словами он положил в жилетный карман небольшой овал веленовой бумаги – миниатюру, которой я была настолько довольна, что с большим тщанием ее раскрасила. Но мне совсем не хотелось, чтобы она осталась у него.

– Мистер Хантингдон! – воскликнула я. – Верните мне ее сейчас же. Она моя, и вы не имели никакого права брать ее! Сейчас же отдайте, или я вам этого никогда не прощу!

Но чем взволнованнее я настаивала, тем больше он смеялся, торжествуя, и совсем вывел меня из себя. Однако в конце концов он возвратил мне миниатюру со словами:

– Ну, раз уж вам она так дорога, не стану вас ее лишать!

Чтобы показать ему, как она мне дорога, я разорвала миниатюру пополам и бросила в огонь. К этому он готов не был и, сразу перестав смеяться, в немом изумлении следил, как огонь пожирает это сокровище.

– Хм! Пора пойти пострелять, – бросил он затем небрежно, повернулся на каблуках, выпрыгнул в окно, щегольски надел шляпу, взял ружье и, насвистывая, удалился, что, впрочем, не помешало мне закончить картину, так как в ту минуту я радовалась его досаде.

Вернувшись в гостиную, я обнаружила, что мистер Скукхем решил присоединиться к остальным охотникам, и после второго завтрака, к которому они не вернулись, как и были намерены, я предложила Милисент и Аннабелле показать им окрестности. Мы долго гуляли и вошли в ворота парка почти вместе с возвращавшимися охотниками. Измученные трудами праведными, в одежде, хранящей следы сырости и глины, почти все они свернули на траву, стараясь держаться подальше от нас, но мистер Хантингдон, хотя был перепачкан с головы до ног и обрызган кровью своих жертв – весьма шокировав мою строгую тетушку, – поспешил нам навстречу, одаря веселыми улыбками и шутками всех, кроме меня. Затем он пошел между Аннабеллой Уилмот и мной и принялся рассказывать о всевозможных охотничьих подвигах и злоключениях, которые выпали на их долю в этот день, так оригинально и забавно, что не будь мы в ссоре, я бы смеялась до слез. Но он обращался только к Аннабелле, и я, разумеется, предоставляла ей смеяться и поддразнивать его, а сама, напустив на себя полное безразличие, шла чуть в стороне и глядела на что угодно, только не на них. Тетушка шла, опираясь на руку Милисент, и о чем-то с ней серьезно беседовала. Внезапно мистер Хантингдон обернулся ко мне и доверительным шепотом спросил:

– Хелен, почему вы сожгли мой портрет?

– Потому что хотела его уничтожить! – ответила я с раздражением, о котором теперь поздно сожалеть.

– Превосходно! – сказал он. – Если вы меня цените столь мало, придется мне поискать кого-нибудь, кому мое общество будет приятно.

Я подумала, что он шутил, прикидываясь покорным судьбе и равнодушным, но он тотчас вернулся к мисс Уилмот, и с той минуты до этой – весь тот вечер, и весь следующий день, и весь следующий, и следующий, и все нынешнее утро (двадцать второго) он ни разу не сказал мне ни единого ласкового слова, ни разу не посмотрел на меня с нежностью, разговаривал со мной, только когда этого требовала необходимость, а если и смотрел в мою сторону, то с холодной враждебностью, на какую я не считала его способным.

Тетушка заметила эту перемену, и, хотя не осведомилась о причине и вообще ни словом о ней не обмолвилась, я вижу, что она довольна. Мисс Уилмот тоже ее заметила и с торжеством приписывает это собственным более неотразимым чарам и кокетству. А я несчастна – даже самой себе боюсь признаться, как несчастна! И гордость не приходит мне на помощь. Она ввергла меня в эту беду, но не хочет выручить.

Он же ничего дурного не думал! Он ведь всегда весел и шутлив, а я моим кислым раздражением, таким серьезным, таким неуместным, столь глубоко ранила его чувства и оскорбила его, что, боюсь, он никогда меня не простит, – и все из-за простой шутки! Он думает, что неприятен мне, – пусть думает. Я должна навеки его потерять, и пусть Аннабелла покорит его и торжествует, сколько ее душе угодно.

Но я страдаю не потому, что потеряла его, и не потому, что она торжествует, но потому, что напрасно мечтала стать ему опорой, а она недостойна его привязанности, и, вверив свое счастье ей, он причинит себе столько горя! Ведь она его не любит, она думает только о себе. Ей не дано понять лучшие качества его натуры, она не увидит их, не оценит, не поможет им укрепиться. Она не будет ни скорбеть о его прегрешениях, ни искать им исправления, но лишь добавлять к ним свои собственные. Впрочем, у меня нет уверенности, что она его не обманет. Я вижу, какую двойную игру она ведет с ним и лордом Лоуборо: развлекаясь с веселым, шутливым Хантингдоном, она всячески старается заманить в свои сети его меланхоличного друга. И если ей удастся бросить к своим ногам их обоих, то сын простого помещика, каким бы привлекательным он ни был, вряд ли возьмет верх над титулованным пэром. А он если и замечает

ее хитрые уловки, то они его нисколько не смущают, но лишь делают интереснее его забаву, создавая препятствия, надбавляющие цену чересчур уж легкой победе.

Господа Уилмот и Скукхем не замедлили воспользоваться его пренебрежением ко мне и возобновили свои ухаживания. Будь я похожа на Аннабеллу и ей подобных, то могла воспользоваться их настойчивостью, чтобы пробудить в нем угасший интерес ко мне. Но если даже забыть о гордости и уважении к себе, я все равно *не выдержала бы!* Их назойливость и без моих поощрений мне невыносимо тягостна. Впрочем, даже окажись я на это способной, он все равно остался бы равнодушен. Видит же он, как я страдаю от снисходительного внимания и докучных рассуждений одного и отталкивающей фамильярности другого, – и ни тени сочувствия ко мне или негодования на моих мучителей! Нет, он никогда меня не любил, иначе не отказался бы от меня столь охотно и не разговаривал бы столь оживленно со всеми, кроме меня, – не смеялся бы как ни в чем не бывало и не шутил с лордом Лоуборо и дядюшкой, не поддразнивал бы Милисент Харгрейв, не флиртовал бы с Аннабеллой Уилмот. О, почему я не могу его возненавидеть? Наверное, я потеряла голову, не то с презрением отвергла бы всякое сожаление о нем! Но мне необходимо собрать все свои оставшиеся силы и попытаться вырвать его из сердца. Звонят к обеду, а вот и шаги тетушки, которая идет выбрать меня за то, что я просидела здесь весь день, избегая гостей. Ах, если бы эти гости... разъехались.

Глава XIX

Нежданное

Двадцать второе. Ночь. Что я натворила? И чем это кончится? Нет, я не могу сейчас размышлять, не могу и спать. Обращусь к дневнику, немедленно запишу все, а завтра обдумаю.

Я спустилась к обеду в твердой решимости держаться весело и не отступать от правил хорошего тона. Должна сказать, что намерение свое я привела в исполнение, как ни болела у меня голова, какой несчастной я ни чувствовала себя в душе. Не знаю, что со мной происходит в последнее время. Мои силы, и телесные и душевные, как-то странно угасли, не то я не допустила бы такой слабости. Но последние дня два мне нездоровится: наверное, потому, что я почти не сплю, ничего не ем, все время думаю и не могу справиться с дурным расположением духа. Однако не будем отвлекаться. По просьбе Милисент и тетюшки я играла и пела им, пока джентльмены сидели в столовой за вином, – мисс Уилмот не любит музицировать для одних лишь женских ушей. Милисент попросила меня спеть ее любимую шотландскую песенку, и я как раз пела второй куплет, когда к нам присоединились остальные гости. Мистер Хантингдон, не успев войти, обратился к Аннабелле:

– Мисс Уилмот, а вы не усладите нас музыкой? Не отказывайтесь! Я знаю, вы споете, когда я скажу вам, что весь день томился и жаждал услышать ваш голос. Соглашайтесь! Фортепьяно ведь свободно.

Да, оно было свободно, потому что я встала с табурета, едва услышала его мольбы. Будь я наделена истинным самообладанием, то весело присоединила бы к его просьбам мои и тем самым обманула бы его ожидания, если он нарочно оскорбил меня, или же – если причиной была лишь бездумность – заставила его понять, какой промах он совершил. Но я была так поражена, что сумела только встать из-за фортепьяно и опуститься на кушетку, с трудом сдержав негодующее восклицание. Да, Аннабелла и играет, и поет лучше меня, но это еще никому не дает права обходиться со мной так, словно я – пустое место. Минута, которую он выбрал для своей просьбы, и форма, в которую облек ее, казалось, были нарочно рассчитаны, чтобы оскорбить меня, и я чуть не расплакалась от бессильного гнева.

Она же торжествующе села к фортепьяно и усладила его двумя романсами, которые ему особенно нравятся. Но пела она их столь превосходно, что даже мой гнев вскоре сменился восхищением, и я с каким-то угрюмым наслаждением слушала искусные переливы ее красивого, сильного голоса и не менее искусный аккомпанемент. Пока мой слух впитывал эти звуки, мои глаза были устремлены на того, по чьей просьбе она пела, и получали такое же, если не большее, наслаждение от созерцания этих выразительных черт, озаренных живейшим восторгом, от нежной улыбки, то появлявшейся, то исчезающей, точно проблески солнца в апрельский день. Неудивительно, что он томился и жаждал услышать ее пение! Я от всей души простила ему нечаянно нанесенную мне обиду, и мне стало стыдно, что я столь мелочно рассердилась на такой пустяк. И еще я стыдилась зависти и злобы, которые грызли мое сердце, вопреки моему восхищению и удовольствию.

– Ну вот! – сказала она, кокетливо пробегая пальцами по клавишам, когда dokonчила второй романс. – Что же мне спеть вам теперь?

Но при этом она оглянулась на лорда Лоуборо, который стоял чуть позади, опираясь на спинку стула, и слушал пение с величайшим вниманием, и, если судить по выражению его лица, испытывал то же наслаждение, смешанное с печалью, что и я. Однако этот ее взгляд яснее всяких слов сказал: «Теперь выбирайте вы! Его просьбу я исполнила, а сейчас с радостью исполню то, чего пожелаете вы!» После такого ободрения его милость подошел к фортепьяно, просмотрел ноты и вскоре поставил перед ней песню, которую я последнее время не раз брала в руки и перечитывала, ибо в моих мыслях она связывалась с тираном, властвовавшим

над ними. И теперь, когда мои нервы были возбуждены и совсем расстроены, ее слова, столь мелодично звучащие, вызвали у меня волнение, с которым я не сумела совладать. Непрошенные слезы навернулись мне на глаза, и я спрятала лицо в подушку, чтобы скрыть их. Мелодия была простой, нежной и грустной. Она все еще звучит в моей душе. Как и слова:

Прощай! Но мыслям о тебе
«Прости!» я не хочу сказать.
Они наперекор судьбе
Мне будут сердце согревать.
Краса, подобная весне!
Хоть неземной тебя зову,
Ты не явилась мне во сне,
Тебя я видел наяву.
О, мой неизлечим недуг.
В душе запечатлен твой лик,
А голоса волшебный звук
Навеки в сердце мне проник.
Небесный голос, полный чар,
Навек заморозил меня.
В моей груди горит пожар
Неугасимого огня.
Сиянье радостных очей
Я буду в памяти беречь.
Улыбку ту... Сравненья ей
Найти не может смертных речь.
Прощай! Но помни в свой черед:
Надежду сердце век таит.
Ее презренье не убьет,
И холодность не охладит.
За все мольбы, что я вознес,
Мне Небеса подарят вдруг
Улыбку вместо прошлых слез
И счастье вместо прошлых мук!

Когда певица умолкла, я хотела только одного: незаметно ускользнуть из комнаты. Дверь была почти рядом с кушеткой, но я не осмеливалась поднять головы, так как знала, что мистер Хантингдон стоит неподалеку и – судя по его голосу, когда он ответил на какой-то вопрос лорда Лоуборо, – лицом в мою сторону. Может быть, его слуха достигло сдавленное рыдание, и он обернулся ко мне? Боже сохрани! Страшным усилием я справилась с собой, осушила слезы и, когда заключила, что мистер Хантингдон вновь смотрит в другую сторону, встала, вышла из гостиной и, по обыкновению, укрылась в библиотеке.

Там было темно. И только догорающие угли в камине бросали вокруг красноватые отблески. Но я и не искала света. Я хотела только отдаться течению своих мыслей в тишине и одиночестве. Опустившись на пуф возле покойного кресла, я уткнулась лбом в его мягкое сиденье и думала, думала, думала, пока вновь слезы не хлынули ручьем и я не разрыдалась, как ребенок. Но тут тихо приоткрылась дверь и кто-то вошел. Кто-то из слуг, решила я и не шелохнулась.

Дверь закрылась. Но в темной библиотеке я была теперь не одна. К моему плечу ласково прикоснулась рука, и голос произнес нежно:

– Хелен, что с вами?

Отвечать я была не в силах.

– Вы должны мне сказать и скажете! – прозвучало более властно, говоривший бросился на колени рядом со мной и завладел моей рукой. Однако я тотчас отняла ее и ответила:

– Вас это не касается, мистер Хантингдон.

– Вы в этом уверены? – возразил он. – Можете ли вы поклясться, что вовсе не думали обо мне, пока плакали?

Невыносимо! Я попыталась встать, но его колени прижимали мою юбку к ковру.

– Ответьте! – продолжал он. – Я должен знать. Потому что, если да, мне надо что-то сказать вам. Если же нет, я уйду.

– Так уходите! – вскричала я, но, ужаснувшись, что он поймает меня на слове и больше не вернется, поспешила добавить: – Или скажите, и покончим с этим!

– Так да или нет? – спросил он настойчиво. – Ведь я скажу это, только если вы обо мне думали, Хелен. А потому ответьте!

– Вы слишком дерзки, мистер Хантингдон!

– Во все нет. Или вы признаете, что я близок к истине? Так не скажете? Что же, я пощажу вашу женскую гордость и истолкую ваше молчание как «да». Согласимся, что я был предметом ваших мыслей и вашей печали...

– Право, сэр...

– Если вы станете отрицать, я не открою вам моей тайны, – пригрозил он, и я больше его не перебивала и не оттолкнула, когда он вновь взял меня за руку, а другой своей рукой почти обнял меня за плечи. В ту минуту я этого просто не заметила.

– Так вот, – продолжал он, – Аннабелла Уилмот по сравнению с вами не более чем пышный пион по сравнению с душистым бутоном шиповника в алмазах росы, и я люблю вас до безумия! А теперь скажите, вам приятно это узнать? Как! Опять молчание? То есть знак согласия. Тогда разрешите мне прибавить, что я не могу жить без вас, и если я услышу от вас «нет» на мой последний вопрос, то сойду с ума. Подарите ли вы мне себя? Да-да! – воскликнул он и чуть не задушил меня в объятиях.

– Перестаньте! – ответила я, стараясь высвободиться. – Вы должны спросить у дяди и тети!

– Они мне не откажут, если не откажете вы.

– Не знаю... Тетя вас недолюбливает.

– Но не вы, Хелен! Скажите, что любите меня, и я уйду.

– Уйдите! – прошептала я.

– Сию же минуту. Если только вы скажете, что любите меня.

– Вы же сами знаете, – ответила я. И, вновь стиснув меня в объятиях, он осыпал мое лицо поцелуями.

В эту минуту дверь распахнулась и перед нами со свечой в руке предстала тетушка, в ужасе переводя изумленный взгляд с мистера Хантингдона на меня и снова на него, – мы с ним быстро поднялись и попятились друг от друга. Но его смущение длилось лишь мгновение. Тотчас оправившись, он с завидным хладнокровием произнес:

– Приношу вам тысячу извинений, миссис Максвелл! Не будьте ко мне слишком строги. Я просил вашу очаровательную племянницу быть моей женой и в счастье, и в горе, но она, как добронравная девица, ответила, что и помыслить об этом не может без согласия дядюшки и тетушки. А потому, умоляю вас, не обрекайте меня на вечную печаль. Если я найду союзницу в вас, то могу быть спокоен – мистер Максвелл, я уверен, не способен вам ни в чем отказать.

– Мы поговорим об этом завтра, сэр, – холодно ответила тетушка. – Наспех и без должных размышлений такие решения не принимаются, а потому вам лучше вернуться в гостиную.

– Но пока, – произнес он умоляюще, – разрешите мне уповать на вашу снисходительность...

– Снисходительность к вам, мистер Хантингдон, для меня ничего изменить не сможет, если речь идет о счастье моей племянницы.

– О, разумеется! Она ангел, а я недостойный шалопай, позволивший себе возмечтать о таком сокровище! И все же я предпочту умереть, чем уступить ее самому достойному человеку в мире. А что до ее счастья, так я готов пожертвовать и телом и душой...

– Телом и *душой*, мистер Хантингдон? Пожертвовать *душой*?!

– Я жизнь отдам...

– Отдавать ее вам незачем.

– В таком случае я посвящу ее... посвящу всю мою жизнь, все силы, чтобы беречь и лелеять...

– Мы поговорим об этом, сэр, в другое время... И я была бы склонна судить о ваших намерениях более доброжелательно, если бы вы выбрали также другое время, другое место и, разрешите мне прибавить, другой способ для изъяснения своих чувств.

– Но, видите ли, миссис Максуэлл... – начал он.

– Простите, сэр, – произнесла она с величайшим достоинством, – вас ждут в гостиной! – И она обернулась ко мне.

– Тогда вы, Хелен, должны ходатайствовать за меня! – воскликнул он и лишь после этого ушел.

– Лучше поднимись к себе, Хелен, – сурово приказала тетушка. – Я поговорю с тобой об этом тоже завтра.

– Не сердитесь, тетя, – сказала я.

– Милочка, я не сержусь, – ответила она. – Но я *удивлена*. Если ты правда ответила ему, что не можешь принять его предложения без нашего согласия...

– Конечно, правда! – перебила я.

– ...так как же ты разрешила...

– Но что мне было делать, тетя? – воскликнула я, заливаясь слезами. Но не слезами печали или страха перед ее неудовольствием, а просто чтобы дать облегчение переполненному сердцу. Однако мое волнение тронуло добрую тетушку. Она снова посоветовала мне уйти к себе, но гораздо ласковее, нежно поцеловала меня в лоб, пожелала мне доброй ночи и отдала свою свечу. Я ушла к себе в спальню, но мой мозг был в таком лихорадочном возбуждении, что я и подумать не могла о том, чтобы лечь. Но теперь, когда я записала все это, на душе у меня стало спокойнее, и я лягу в надежде предаться нежному целителю природы.

Глава XX

Настойчивость

24 сентября. Утром я поднялась веселая и бодрая... нет-нет, безумно счастливая. Неодобрение тетушки, страх, что она не даст своего согласия, исчезли, как ночные тени, в ярком сиянии моих надежд и в упоительной уверенности, что я любима. Утро выдалось великолепное, и я вышла насладиться им в обществе моих блаженных грез. Трава сверкала росой, легкий ветерок колыхал тысячи летящих паутинок, веселый красногрудый реполов изливал в песенке свою бесхитростную радость, а в моем сердце звучал благодарственный хвалебный гимн Небесам.

Но я прошла совсем немного, когда мое одиночество было нарушено тем единственным, кто мог оторвать меня от моих мыслей и не омрачить их, – передо мной внезапно предстал мистер Хантингдон. От неожиданности я готова была счесть его видением, рожденным моей разгоряченной фантазией, если бы к свидетельству зрения не прибавились более осязаемые доказательства – его сильная рука тотчас обвила мою талию, прикосновение его губ обожгло мне щеку, а у меня в ушах прозвучал радостный возглас:

– Моя, моя Хелен!

– Пока еще не ваша, – ответила я, поспешно кладя конец этому слишком уж фамильярному приветствию. – Вспомните моих опекунов. Получить согласие тетушки вам будет не так-то легко. Неужели вы не замечаете, как она предубеждена против вас?

– Я это знаю, сердце мое. Но вы должны объяснить мне причину, чтобы я нашел наилучший способ опровергнуть ее возражения. Полагаю, она считает меня повесой и мотом, – продолжал он, заметив, что я не склонна отвечать, – или думает, будто мне не на что достойно содержать мою лучшую половину? Если так, то объясните ей, что мое имение – майорат и я не могу его промотать, даже если бы и хотел. Разумеется, у меня есть кое-какие долги, часть недвижимости, к имению не относящейся, заложена, ну, и прочее в том же духе, но все это сущие пустяки. Хотя я готов признать, что не так богат, как мог бы быть или даже – как был, тем не менее оставшегося моего состояния нам хватит с избытком. Видите ли, мой батюшка был скуповат и с годами отказался от всех удовольствий, кроме одного: копить деньги. Так можно ли удивляться, что главным наслаждением для его сына стало тратить эти деньги? Но наше знакомство, милая Хелен, многому меня научило и открыло мне более благородные цели. Самая мысль о том, что теперь моя обязанность – заботиться о вас, сразу вынудит меня сократить расходы и выбрать образ жизни, приличный христианину. Не говоря уж об осмотрительности и благоразумии, которые я обрету с помощью ваших мудрых советов и обворожительной неотразимой добродетельности!

– Нет-нет, – ответила я. – Тетушка о деньгах не думает. Она знает истинную цену земному богатству.

– Так в чем же дело?

– Она хочет, чтобы я вышла замуж за... очень хорошего человека.

– Что? За «светоч благочестия», хм-хм? Ну, не беда, я и с этим справлюсь. Ведь сегодня как раз воскресенье, не правда ли? Так я просижу всю утреннюю, всю дневную и всю вечернюю службу и стану столь набожным, что она будет взирать на меня с восхищением и полюбит меня сестринской любовью, как выхваченную из огня головню. Я вернусь под ее кров, вздыхая, как кипящий котел, и благоухая елеем проповеди милого мистера Ханжуса.

– Мистера Лейтона, – поправила я сухо.

– А мистер Лейтон, Хелен, «чудесный проповедник»? Милейший, святейший пастырь не от мира сего?

– Он *хороший* человек, мистер Хантингдон. Я хотела бы, чтобы вы были и вполовину таким хорошим!

– Ах, я и позабыл, что вы тоже святая. Молю вас о прощении, жизнь моя. Но не называйте меня «мистер Хантингдон». У меня есть имя. Артур.

– Если вы и дальше будете говорить такие вещи, я никак не стану вас называть, потому что не захочу вас видеть. Если вы и правда хотите обмануть тетюшку, это очень дурно. А если нет, так подобные шутки также очень дурны.

– Виноват! – ответил он, заключая свой смех печальным вздохом. – Ну а теперь, – продолжал он после короткого молчания, – давайте поговорим о чем-нибудь другом. И подойдите ближе, Хелен, обопритесь на мою руку, и тогда я перестану вас поддразнивать. Но спокойно смотреть, как вы гуляете здесь одна, я не в силах.

Я подчинилась, но предупредила, что скоро мы должны будем вернуться в дом.

– К завтраку еще долго никто не спустится, – возразил он. – Вы сейчас говорили о своих опекунах, Хелен, но ведь ваш отец, кажется, еще жив?

– Да, но на дядю и тетю я привыкла смотреть как на моих опекунов, пусть по закону это и не так. Отец отдал меня на полное их попечение. Я не видела его с тех самых пор, как умерла мама – я тогда была еще совсем маленькой, – и тетя, выполняя ее последнюю волю, взяла меня к себе. Она сразу увезла меня сюда, в Стейнинггли, и с тех пор я так тут и живу. Поэтому, мне кажется, он не станет запрещать мне ничего, что она одобрит.

– Но будет ли он возражать против того, чего она не одобрит?

– Вряд ли. По-моему, он просто обо мне не думает.

– Это очень нехорошо с его стороны. Однако он ведь не знает, что его дочь – ангел. К моему счастью, не то бы он не пожелал расстаться с таким сокровищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.